

СТИВЕН КИНГ

Страна радости

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Страна радости

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
JOYLAND

Перевод с английского В. Вебера

Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен

К41 Страна радости : [роман] / Стивен Кинг; пер. с англ.
В. Вебера. — Москва: АСТ, 2014. — 317, [3] с. — (Темная
башня).

ISBN 978-5-17-081235-6

Студент Девин Джонс, решивший подработать в парке развлечений «Страна радости», внезапно словно попадает в своеобразный параллельный мир.

Здесь живут по своим правилам, говорят на особом языке и очень не любят, когда кто-то задает «лишние» вопросы. Особенно — если они касаются убийства молодой девушки Линды Грей, тело которой было обнаружено в парке, в павильоне «Дом ужасов».

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Девин понимает: за ярким фасадом парка развлечений скрываются опасные тайны, а если разворошить прошлое обитателей «страны радости», то его собственная жизнь может непостижимым образом измениться раз и навсегда...

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2013
© Перевод. В.А. Вебер, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Дональду Уэстлейку

Автомобиль у меня был, но осенью 1973 года от «Приморского пансиона миссис Шоплоу» в городке Хэвенс-Бэй до парка развлечений «Страна радости» я чаще всего добирался на своих двоих. Мне представлялось, что так правильно. Собственно, иначе и нельзя. В начале сентября пляж практически пустовал, что соответствовало моему тогдашнему настроению. Та осень так и осталась самой прекрасной в моей жизни. Я могу это повторить и сорок лет спустя. И никогда больше я не чувствовал себя таким несчастным. Это я тоже могу повторить. Люди думают, что первая любовь — сплошная романтика и нет ничего романтичнее первого разрыва. Сотни песен сложили о том, как какому-то дураку разбили сердце. Вот только в первый раз сердце разбивается больше всего, и заживает медленнее, и шрам остается самый заметный. И что в этом романтического?

В сентябре и начале октября небо над Северной Каролиной оставалось безоблачным, а воздух — теплым даже в семь утра, когда я спускался из своей комнаты на втором этаже по наружной лестнице. Если выходил

в легкой куртке, то снимал ее и завязывал на поясе еще до того, как преодолевал половину из трех миль, отделявших город от парка развлечений.

Первую остановку я делал в «Пекарне Бетти», где покупал парочку еще теплых круассанов. Моя тень, длиной добрых двадцать футов, шагала со мной по песку. Полные надежд чайки, учуяв круассаны в пакете из воощенной бумаги, кружили над головой. А когда я возвращался назад, обычно часов в пять (хотя иногда задерживался подольше — никто не ждал меня в Хэвенс-Бэй, городке, который впадал в спячку после завершения летнего сезона), моя тень шагала по воде. Если мое возвращение совпадало с приливом, тень покачивалась на волнах, словно танцевала медленную хулу.

Не уверен на все сто, но, думаю, мальчика, женщину и их собаку я увидел во время моей первой осенней прогулки по пляжу. Между веселой сверкающей мишурой «Страной радости» и городком вдоль берега выстроились летние коттеджи, среди которых было немало дорогих, и после Дня труда почти все они пустовали. Но только не самый большой из них, напоминавший зеленый деревянный замок. Дощатая дорожка вела от широкого заднего двора туда, где трава граничила с мелким белым песком. Заканчивалась дорожка у столика для пикника, стоявшего под ярко-зеленым пляжным зонтом. В его тени в инвалидном кресле сидел мальчик в бейсболке, до пояса укрытый одеялом, хотя и в предвечерние часы температура воздуха превышала семьдесят градусов*. Я полагал, что мальчику лет пять или около того, но никак не больше семи. Собака, джек-

* По Фаренгейту; примерно 21 °C.— *Здесь и далее примеч. пер.*

рассел-терьер, обычно лежала рядом с креслом или устраивалась у ног мальчика. Женщина на скамье у столика иногда читала книгу, но чаще просто смотрела на воду. Она была очень красивая.

Направляясь к парку развлечений или возвращаясь домой, я всегда махал им рукой, и мальчик отвечал тем же. Женщина — нет, по крайней мере поначалу. В 1973 году ОПЕК установила нефтяное эмбарго, Ричард Никсон заявил, что он не мошенник, умерли Эдвард Г. Робинсон и Ноэл Коуард. Для Девина Джонса тот год оказался потерянным. Я, девственник двадцати одного года от роду, с литературными устремлениями, мог похвастаться тремя джинсами, четырьмя трусами-плавками, развалюхой «фордом» (с хорошим радиоприемником), мыслями о самоубийстве (иногда) и разбитым сердцем.

Романтично, не правда ли?

Девушку, разбившую мне сердце, звали Уэнди Киган, и она не заслуживала такого, как я. Мне потребовалась большая часть жизни, чтобы прийти к этому выводу, но знаете старую поговорку: лучше поздно, чем никогда. Она приехала из Портсмута, штат Нью-Хэмпшир, я — из Саут-Бервика, штат Мэн. То есть мы практически жили по соседству. И начали «встречаться» (как тогда говорили) сразу после поступления в Университет Нью-Хэмпшира... познакомились на вечере первокурсников... романтично, не правда ли? Как в одной из этих поп-песенок.

Два года мы практически не разлучались, всюду ходили вместе, все делали вместе. То есть все, за исключением «этого». Мы оба совмещали учебу с работой

в университете. Она — в библиотеке, я — в столовой. В 1972 году нам предложили поработать и летом, а мы, естественно, ухватились за этот шанс. Платили немного, но возможность не разлучаться дорогого стоила. Я полагал, что мы точно так же проведем и лето 1973 года, пока Уэнди не объявила, что ее подруга Рене нашла им обеим работу в бостонском универмаге «Файлинс».

— А как же я? — спросил я.

— Ты всегда сможешь приехать, — ответила Уэнди. — Я буду ужасно по тебе скучать, но знаешь, Дев, нам, пожалуй, надо побыть немного врозь.

И в этой фразе явственно слышался похоронный звон. Мысль эта скорее всего отразилась на моем лице, потому что Уэнди поднялась на цыпочки и поцеловала меня.

— Разлука укрепляет любовь, — заметила она. — И потом, раз у меня будет своя квартира, ты сможешь там оставаться. — Но она не смотрела на меня, когда говорила это, и я ни разу не остался у нее. Слишком много соседок, постоянно повторяла она. Слишком мало времени. Разумеется, эти проблемы можно было решить, но у нас никак не получалось, и я мог бы кое о чем догадаться. Как теперь понимаю — о многом. Несколько раз мы вплотную подходили к «этому», но не более того. В какой-то момент она давала задний ход, а я особенно на нее не давил. Проявлял галантность, Бог свидетель. Потом частенько спрашивал себя, что бы изменилось (к лучшему или худшему), если бы я пер напралом. Теперь-то я точно знаю: галантные молодые люди зачастую остаются без сладкого. Вышейте это крестиком, вставьте в рамочку и повесьте на кухне.

Перспектива еще одно лето мыть полы в кафетерии и загружать грязные тарелки в старые посудомоечные машины не слишком радовала, учитывая, что Уэнди намеревалась любоваться яркими огнями Бостона в семидесяти милях к югу, но работа гарантировала деньги, которые мне требовались, а других вариантов у меня не было. Однако потом, в конце февраля, такой вариант в прямом смысле прикатил ко мне на ленте конвейера для грязной посуды.

Кто-то читал «Каролина ливинг» за комплексным обедом, который в тот день включал мексиканский бургер и картофель фри «Карамба». Он (или она) оставил журнал на подносе вместе с грязной посудой, а я взял его с конвейера и уже хотел отправить в мусорное ведро, но удержался. Бесплатное чтиво, в конце концов, и есть бесплатное чтиво. (Не забывайте, я зарабатывал на учебу.) Поэтому я сунул журнал в задний карман и вспомнил про него, лишь вернувшись в комнату в общежитии. Когда я переодевался, он упал на пол и раскрылся на странице объявлений.

Бывший владелец журнала обвел ручкой несколько объявлений в разделе «Требуются...», однако в итоге понял, что все они с изъяном — иначе журнал не попал бы в компанию к грязной посуде. Но одно объявление, в самом низу, привлекло мое внимание, хотя и не было обведено. Сначала, конечно, глаз зацепился за первую строку, набранную крупным шрифтом: «РАБОТА РЯДОМ С РАЕМ!» Какой студент-филолог не заглотил бы эту наживку? И какого угрюмого двадцатиднолетнего парня, снедаемого нарастающим страхом потерять подружку, не привлекла бы идея поработать в «Стране радости»?

В объявлении имелся телефон, и я, подчиняясь незапному порыву, позвонил, а неделей позже достал из почтовой ячейки в общежитии конверт с бланком заявления о приеме на работу. В сопроводительном письме указывалось, что мне придется выполнять самые разнообразные поручения, по большей части под открытым небом, в том числе связанные с обслуживанием аттракционов, если я хочу устроиться на полный рабочий день (а я хотел). От меня требовалось прибыть на собеседование, имея при себе водительское удостоверение, срок действия которого еще не истек. Я мог съездить туда на весенних каникулах, вместо того чтобы на неделю вернуться домой в Мэн. Только я собирался хотя бы часть этой недели провести с Уэнди. Мы могли бы даже добраться до «этого».

— Поезжай на собеседование, — без малейшего колебания посоветовала Уэнди, когда я рассказал ей про письмо. — Это будет настоящее приключение.

— Для меня приключение — провести эти дни с тобой, — возразил я.

— У нас будет еще много времени в следующем учебном году. — Она поднялась на мысочки и поцеловала меня (ей всегда приходилось подниматься на мысочки). Встречалась ли она уже тогда с другим парнем? Вероятно, нет, но готов спорить, она положила на него глаз, потому что они вместе занимались в группе углубленного изучения социологии. Рене Сент-Клер была в курсе и, наверное, сказала бы мне об этом, если бы я спросил. Сплетничать Рене обожала, думаю, на исповеди она просто забалтывала святого отца, но есть вещи, знать которые совершенно не хочется. К примеру, почему девушка, которую ты любил всем сердцем, продолжала говорить тебе «нет», но при пер-

вой же возможности улеглась в постель с новым парнем. Я не уверен, что кому-нибудь удастся полностью оставить в прошлом первую любовь, и моя рана по-прежнему ноет. В глубине души мне хочется знать, что со мной было не так. Чего мне недоставало. Сейчас мне за шестьдесят, мои волосы поседели, я перенес рак простаты — но все равно хочу знать, чем не подошел Уэнди Киган.

В Северную Каролину я приехал из Бостона на поезде, который назывался «Южанин» (не приключение, конечно, зато дешево), а потом на автобусе добрался из Уилмингтона до Хэвенс-Бэй. Собеседование проводил Фред Дин: он, помимо других обязанностей, занимался подбором персонала в «Страну радости». После пятнадцати минут вопросов и ответов и коротких взглядов, беглого ознакомления с моим водительским удостоверением и сертификатом спасателя от Красного Креста он протянул мне пластиковый прямоугольник на шнурке со словом «ГОСТЬ», сегодняшней датой и изображением улыбающейся синеглазой немецкой овчарки, отдаленно напоминавшей знаменитого мультяшного сыщика Скуби-Ду.

— Пройдись по территории, — предложил Дин. — Прокатись на «Каролинском колесе», если захочешь. Большинство аттракционов еще не собрано, но этот уже работает. Скажи Лейну, что я разрешил. Я дал тебе пропуск на целый день, но хочу, чтобы ты вернулся... — Он посмотрел на часы. — Скажем, в час дня. Тогда и ответишь, нужна ли тебе эта работа. У меня осталось пять вакансий, но делать надо практически одно и то же: Счастливые помощники.

— Благодарю вас, сэр.

Он с улыбкой кивнул:

— Не знаю, что ты думаешь об этом месте, но мне оно подходит, как никакое другое. Чуть старовато, чуть обшарпано, но полно очарования. Какое-то время я работал в «Диснее». Не понравилось. Слишком... ну, не знаю...

— Слишком корпоративно? — подсказал я.

— Именно. Слишком корпоративно. Слишком все отполировано и сверкающе. Поэтому несколько лет назад я вернулся в «Страну радости». И ни разу об этом не пожалел. Тут дышится свободней... Здесь еще сохранился дух ярмарочного балагана. Давай прогуляйся. Осмотрись, пойми, что ты об этом думаешь. Или — это, пожалуй, важнее, — что тут чувствуешь.

— Можно сначала задать вопрос?

— Разумеется.

Я повертел в руках пропуск.

— Кто эта собака?

Улыбка Фреда стала шире.

— Это Хоуи, Счастливый пес, талисман «Страны радости». Парк развлечений построил Брэдли Истербрук, и настоящий Хоуи был его собакой. Он давно умер, но ты не раз его увидишь, если согласишься работать здесь летом.

Я действительно увидел Хоуи... и не увидел. Загадка эта не из сложных, однако с объяснением придется немного подождать.

Независимый парк развлечений «Страна радости» размерами уступал любому из парков сети «Шесть флагов» и не шел ни в какое сравнение с «Дисней-

уорлдом»*, но тем не менее занимал достаточную площадь, чтобы произвести должное впечатление, особенно если выйти на авеню Радости, главную аллею аттракционов, или на Собачий проспект, вторую аллею шириной с восьмиполосное шоссе, в тот день практически пустую. Я слышал визг дисковых пил и видел много рабочих: больше всего суенилось около «Шаровой молнии», одной из двух американских горок парка. Но разумеется, ни одного посетителя здесь не было: «Страна радости» открывалась второго июня. Работали несколько продуктовых киосков, где рабочие могли купить что-нибудь на ленч, а перед павильоном, в котором, судя по многочисленным звездам на стенах и фронтоне, предсказывали судьбу, сидела старушка. Она подозрительно посмотрела на меня. Аттракционы, за одним исключением, пребывали в полуразобранном состоянии.

Исключение составляло «Каролинское колесо». Его высота была сто семьдесят футов (это я выяснил позже), и оно медленно вращалось. Перед колесом я увидел крепкого, мускулистого парня в линялых джинсах, запачканных машинным маслом потертых замшевых сапогах и майке. Котелок, надетый набекрень, чудом держался на угольно-черных волосах. Из-за уха торчала сигарета без фильтра. Он напоминал ярмарочного зазывалу из старого газетного комикса. Рядом с ним на земле стояли раскрытый ящик с инструментами и коробка от апельсинов, на которой красовался большой транзисторный радиоприемник, распевавший голосами «Фейсис» «Останься со мной». Парень отбивал но-

* «Диснейуорлд» — самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, расположен к юго-западу от города Орlando (штат Флорида, США), был открыт 1 октября 1971 г.

гой ритм, сунув руки в задние карманы, его бедра двигались из стороны в сторону. В голове у меня мелькнула мысль, абсурдная, но совершенно четкая: *Когда вырасту, хочу выглядеть, как он.*

Парень кивнул на пропуск.

— Тебя послал Фредди Дин, так? Сказал тебе, что все закрыто, но ты можешь прокатиться на большом колесе?

— Да, сэр.

— Поездка на колесе означает, что ты ему подходишь. Он любит, чтобы избранные увидели парк сверху. Согласен поработать здесь?

— Думаю, да.

Он протянул руку:

— Я Лейн Харди. Добро пожаловать на борт, малыш.

Я пожал его руку:

— Девин Джонс.

— Рад с тобой познакомиться.

Он двинулся по пандусу к медленно вращавшемуся колесу, схватился за длинный рычаг, чем-то напоминавший рукоятку переключения скоростей, дернул за него. Колесо неспешно остановилось, одна из ярко раскрашенных кабинок (каждую украшало изображение Хоуи — Счастливого пса) закачалась около платформы, с которой пассажиры садились на аттракцион.

— Залезай в кабинку, Джонси. Я собираюсь отправить тебя туда, где воздух разрежен, а вид безмятежен.

Я забрался в кабинку и закрыл дверцу. Лейн подергал ее, чтобы убедиться, что защелка держится крепко, опустил поручень безопасности, вернулся к примитивному рычагу управления.

— Готовы к взлету, кэп?

— Полагаю, что да.

— Развлечение ждет! — Он подмигнул мне и двинул рычаг. Колесо начало вращаться, и вот Лейн уже смотрел на меня снизу вверх. Как и пожилая дама у гадального павильона. Она изогнула шею и прикрыла ладонью глаза. Я помахал ей рукой. Ответа не дождался.

Потом выше меня остались только изогнутые рельсы «Шаровой молнии». Я поднимался в холодный воздух ранней весны, чувствуя — как ни глупо это звучит, — что все мои заботы и тревоги остаются внизу.

«Страна радости» не была тематическим парком, а потому могла позволить себе иметь всего понемножку. И вторые американские горки, прозванные «Неистовым трясунном», и комплекс водных горок — «Бултых капитана Немо». У западной границы парка находилась специальная зона для самых маленьких, городок Качай-Болтай. В концерт-холле, как я узнал позже, выступали не слишком известные кантри-группы и рокеры, блиставшие в пятидесятых — шестидесятых годах. Я помню, как однажды у нас давали совместный концерт Джонни Отис и Биг Джо Тернер. Мне пришлось спросить, кто это, у Бренды Рафферти, главного бухгалтера, которая по совместительству приглядывала за Голливудскими девушками. Она решила, что я дремучий деревенщина, а я — что она старуха. Вероятно, мы оба были правы.

Лейн Харди поднял меня на самый верх и остановил колесо. Я сидел в покачивавшейся кабинке, схватившись за поручень безопасности, и оглядывал дивный новый мир. На западе уходила вдаль равнина Северной Каролины, невероятно зеленая для глаз уроженца Новой Англии, привыкшего, что март — холодное и сырое преддверие настоящей весны. На востоке густосиний, отливающий металлическим блеском океан обрывался пульсирующей белой полосой на берегу, по

которому несколько месяцев спустя мне предстояло носить свое разбитое сердце сначала из города к парку развлечений, а потом обратно. Внизу радовал глаз вид «Страны радости»: большие аттракционы и маленькие, концерт-холл и павильоны, магазины сувениров и автобус Счастливого пса, который отвозил посетителей парка к ближайшим отелям и, естественно, к пляжу. На севере находился Хэвенс-Бэй. С самой высокой точки парка развлечений (где воздух разрежен, а вид безмятежен) городок напоминал любовно расставленные детские кубики, над которыми поднимались четыре церковных шпиля, по всем сторонам света.

Колесо вновь пришло в движение. Я спускался вниз, чувствуя себя ребенком из рассказа Редьярда Киплинга, который катался на хоботе слона. Лейн Харди остановил аттракцион, но открывать для меня дверцу кабинки не стал: в конце концов, я уже был почти сотрудником.

— Как тебе?

— Круто, — ответил я.

— Да, для пенсионеров самое то. — Он поправил котелок, перекосив его в другую сторону, оценивающе оглядел меня. — Какой у тебя рост? Шесть футов и три дюйма?

— Четыре.

— Ну-ну. Посмотрим, как твои шесть футов с четырьмя дюймами будут крутиться на Колесе в середине июля, в шкуре, распевая «С днем рождения» перед каким-нибудь избалованным засранцем с сахарной ватой в одной руке и тающим мороженым в другой.

— В шкуре?

Но он уже направлялся к ящику с инструментами и не потруился ответить. Может, не услышал меня, потому что его радиоприемник ревел «Крокодиловый

рок». А может, хотел, чтобы все, что меня ожидало в стае Счастливых псов «Страны радости», стало сюрпризом.

У меня оставался час до новой встречи с Фредом Дином, поэтому я прогулочным шагом направился по Собачьему проспекту к автобуфету, который, похоже, приносил неплохую прибыль. В «Стране радости» не все, но многое так или иначе вращалось вокруг собачьей тематики. Вот и эта забегаловка носила гордое имя «Щенячий восторг». В экспедиции охотника за работой мне приходилось считать каждый цент, но я подумал, что могу потратить пару баксов на чили-дог и бумажный стаканчик с картофелем фри.

Когда я добрался до павильона, в котором желающим могли предсказать будущее, путь мне преградила Мадам Фортуна. Тут я немного грешу против истины, потому что Мадам Фортуной она становилась второго июня, а после Дня труда выходила из образа. В эти четырнадцать недель она носила длинные юбки, многослойные шифоновые блузки, шали, расшитые каббалистическими символами. Ее уши украшали золотые кольца, такие тяжелые, что оттягивали мочки, и говорила она с сильным цыганским акцентом, отчего напоминала персонажа из старых фильмов ужасов, в которых замки затянуты туманом и часто слышится вой волков.

В оставшуюся часть года Мадам Фортуна превращалась во вдову из Бруклина, которая коллекционировала статуэтки Гуммель* и любила кино (особенно

* Статуэтки Гуммель — фарфоровые статуэтки, выполненные по эскизам монахини Марии Инносентии Гуммель (1909–1946).

слезливые фильмы о какой-нибудь цыпочке, которая болеет раком, а потом красиво умирает). В этот день, в черном брючном костюме и туфлях на низком каблуке, она выглядела весьма элегантно. Розовый шарф на шее служил контрастным цветовым пятном. В образе Фортуны ее лицо обрамляли седые космы, но это был парик, который до начала сезона хранился под стеклянным колпаком в маленьком доме в Хэвенс-Бэй. Свои волосы она стригла коротко и красила в черный цвет. Бруклинская поклонница «Истории любви» и Фортуна-Провидица сходились только в одном: обе полагали себя обладательницами шестого чувства.

— Над тобой витает тень, молодой человек, — объявила она.

Я посмотрел вниз и увидел, что дама абсолютно права. Я стоял в тени «Каролинского колеса». Она тоже.

— Не эта, глупыш. Тень нависла над твоим будущим. Тебя ждет голод.

Голод я уже испытывал, но полагал, что смогу утолить его в «Щенячем восторге», и достаточно скоро.

— Это очень интересно, миссис... э...

— Розалинда Голд. — Она протянула руку. — Но ты можешь звать меня Роззи. Все так делают. Однако во время сезона... — Она вошла в роль, то есть заговорила, как Бела Лугоши в женском обличье. — *Фо время сесона я... Фортуна!*

Я пожал ей руку. Будь она в рабочем наряде, на ее запястье зазвякала бы дюжина золотых браслетов.

— Рад с вами познакомиться, — сказал я — и добавил: — А я... *Дефин!*

Она не улыбнулась.

— Ирландское имя?

— Точно.

— Ирландцы полны печали, но у многих есть дар. Я не знаю, есть ли он у тебя, но ты вскоре встретишь того, кто им обладает.

Если на то пошло, меня переполняло счастье... вместе с нарастающим желанием отправить в желудок «щенка», одобренного соусом чили. Поездка, несомненно, удалась. Правда, я сказал себе, что радости, вероятно, поубавится, когда утомительный рабочий день придется заканчивать чисткой туалетов или оттиранием блевотины от сидений «Чашек-вертушек», но пока все было тип-топ.

— Вы репетируете номер?

Она вытянулась в полный рост, во все свои пять футов два дюйма.

— Это не номер, мой милый. — На этот раз акцент был еврейским. — Евреи — лучшие экстрасенсы в мире. Это непреложный факт. — Она вновь заговорила без акцента. — И работать в «Стране радости» намного лучше, чем гадать по ладони на Второй авеню. Так или иначе, ты мне нравишься. От тебя идут приятные флюиды.

— Совсем как в одной из моих любимых песен «Бич бойз».

— Но ты на пороге большой печали. — Роззи выдержала эффектную паузу. — И, возможно, опасности.

— Вы видите в моем будущем красивую женщину с темными волосами? — Спрашивал я, конечно, об Уэнди, красавице брюнетке.

— Нет, — ответила она — и следующей фразой сразила меня наповал: — Она — твоё прошлое.

Вот так новость.

Я обошел Роззи, продвигаясь к «Щенячьему восторгу», стараясь не прикоснуться к ней. Шарлатанка, само собой, в этом я совершенно не сомневался, однако мне не хотелось даже случайно дотронуться до нее.

Однако Роззи не отставала ни на шаг.

— Твое будущее — маленькая девочка и маленький мальчик. У мальчика есть собака.

— Счастливый пес, готов спорить. И кличут его, вероятно, Хоуи.

Она словно не заметила эту шпильку.

— Девочка носит красную шапочку и не расстается с куклой. У одного из детей есть дар. У кого именно, не знаю. Это от меня сокрыто.

Эта часть ее предсказания донеслась ко мне из далекого далека. Я думал о другой фразе, произнесенной с бесстрастным бруклинским выговором: *Она — твоё прошлое.*

Мадам Фортуна частенько ошибалась, это я потом выяснил, но, похоже, действительно обладала шестым чувством, и в тот день, когда я устраивался на работу в «Страну радости», чувство это сработало на сто процентов.

Меня взяли. Мистеру Дину особенно приглянулся сертификат спасателя от Красного Креста, который я получил в Ассоциации молодых христиан в то лето, когда мне исполнилось шестнадцать. Я его еще прозвал Летом скуки. Но в последующие годы убедился, что скука — это совсем другое.

Я назвал мистеру Дину дату моего последнего экзамена и пообещал приехать двумя днями позже, готовый к инструктажу и вступлению в новую должность. Мы обменялись рукопожатием, и он поздравил меня с приходом в команду. На мгновение я подумал, что он подкрепит мой энтузиазм, предложив радостно погавкать на пару или что-то аналогичное, но он лишь пожелал мне счастливого пути и вместе со мной вышел из кабинета — невысокий мужчина с пронизательными глазами и легкой походкой. Стоя на маленьком бетонном крыльце здания администрации, прислушиваясь к рокоту прибоя и вдыхая соленый влажный воздух, я вновь почувствовал, как поднимается настроение. Мне хотелось, чтобы лето началось как можно скорее.

— Ты теперь в индустрии развлечений, юный мистер Джонс, — сообщил мне мой новый босс. — Не в ярмарочном бизнесе, не совсем, ведь мы ведем дела иначе, но разница не так уж велика. Ты представляешь, что это означает — работать в индустрии развлечений?

— Нет, сэр, совершенно не представляю.

Его глаза оставались серьезными, но на губах появилась тень улыбки.

— Это означает, что лохи должны уходить, широко улыбаясь. Между прочим, если я когда-нибудь услышу, что ты называешь посетителей парка лохами, ты вылетишь на улицу так быстро, что не успеешь оглянуться. Я могу так говорить, потому что работаю в индустрии развлечений с тех пор, как начал бриться. Они лохи... деревенщины, вроде жителей оклахомской или арканзасской глубинки, которые с широко раскрытыми глазами бродили по тем ярмаркам, где я работал после Второй мировой. Нынешние посетители «Стра-

ны радости», может, и одеваются лучше, и ездят на «фордах» и «фольксвагенах», а не на пикапах «Фармолл» — но здесь они все равно превращаются в лохов с широко разинутыми ртами. А если не превращаются, значит, мы плохо выполняем свою работу. Только для тебя они глупые кролики. Когда они слышат слово «кролик», то думают о Кони-Айленде*. Но мы-то знаем. Они кролики, мистер Джонс, милые, упитанные, обожающие поразвлечься кролики, скачущие от аттракциона к аттракциону и от павильона к павильону, как от норы к норе.

Мистер Дин подмигнул мне и крепко сжал мое плечо.

— Кролики должны уходить счастливыми, или это место засохнет на корню. Я видел, как такое случается, и если процесс пошел, все заканчивается очень быстро. Это парк развлечений, юный мистер Джонс, и потому кроликов надо гладить по шерстке, а если дергать за уши, то очень-очень нежно. Другими словами, *развлекать* их.

— Хорошо, — ответил я... не очень-то понимая, как я смогу развлекать посетителей, полируя электромобили «Дьявольских фургонов» (так в «Стране радости» назвали «Автодром») или подметая Собачий проспект после закрытия парка.

— И даже не думай о том, чтобы подвести меня. Приезжай в оговоренный день и покажись за пять минут до оговоренного срока.

* Кони-Айленд — район Нью-Йорка. Название происходит от голландского Conyne Eylandt или Konijneneiland (Кроличий остров). Там расположен одноименный парк развлечений, который долгое время был самым большим в США.

— Хорошо.

— Есть два важных правила шоу-бизнеса, малыш: всегда знать, где твой бумажник, и... *проявлять себя*.

Миновав большую арку с надписью неоновыми буквами «СТРАНА РАДОСТИ» (пока выключенными), я вышел на практически пустую автостоянку и увидел Лейна Харди, привалившегося к одной из закрытых кассовых будок. Он курил сигарету, раньше торчавшую из-за уха.

— Больше не могу курить на территории, — пояснил он. — Новое правило. Мистер Истербрук говорит, что мы — первый парк в Америке, где запрещено курить. Первый — но не последний. Тебя взяли?

— Да.

— Поздравляю. Фредди прочел тебе лекцию о кроликах?

— В каком-то смысле.

— Предупредил, что их надо гладить по шерстке?

— Да.

— Иной раз он как заноза в заднице, но давно уже в этом бизнесе, видел все, причем не единожды, и он прав. Я думаю, у тебя получится. В тебе есть дух карни*, малыш. — Он махнул рукой в сторону парка, аттракционы которого тянулись к безупречно синему небу: «Шаровая молния», «Неистовый трясун», «Бултых капитана Немо» с его плавными изгибами и поворотами и, естественно, «Каролинское колесо». — Как знать, может, именно здесь твое будущее.

* Это слово обозначает работников, обслуживающих парки развлечений и особый мир, к которому они принадлежат.

— Возможно, — ответил я, хотя уже представлял, какое меня ждет будущее: романы и короткие рассказы из тех, что печатают в «Нью-Йоркере». И, понятное дело, женитьба на Уэнди Киган. Я уже все распланировал. Мы подождем, пока нам перевалит за тридцать, а потом родим пару детей. Когда тебе двадцать один, жизнь — дорожная карта. Где-то в двадцать пять у тебя зарождаются подозрения, что ты держишь ее вверх ногами, но полностью ты убеждаешься в этом только в сорок. А уж к шестидесяти, можете мне поверить, ты окончательно теряешь представление о том, где что находится.

— Роззи Голд вывалила на тебя ведро дерьма сивой Фортуны?

— Гм-м...

Лейн рассмеялся.

— И зачем я спрашиваю? Просто запомни, малыш: девяносто процентов того, что она говорит, — действительно конское дерьмо. Остальные десять... скажем так, иной раз ее слова сшибают с ног.

— А как насчет вас? — спросил я. — Ее откровения сшибли вас с ног?

Он улыбнулся:

— В тот день, когда Роззи прочтет написанное на моей ладони, я вновь отправлюсь вдогонку за торнадо, присоединившись к какому-нибудь бродячему парку аттракционов. Сын миссис Харди обходит стороной гадалые доски и хрустальные шары.

Вы видите в моем будущем красивую женщину с темными волосами? — спросил я.

Нет. Она — твое прошлое.

Теперь Лейн Харди пристально посмотрел на меня:

— Что случилось? Муху проглотил?

— Ничего, — ответил я.

— Да ладно, сынок. Она накормила тебя правдой или конским дерьмом? Попала в десятку или прокололась? Скажи своему папочке.

— Конечно, конским дерьмом. — Я взглянул на часы. — Надо успеть на пятичасовой автобус, чтобы в семь сесть на поезд до Бостона. Пожалуй, мне пора.

— Времени у тебя вагон. Где будешь жить летом?

— Еще не думал.

— Тогда по пути к автобусной станции тебе стоит заглянуть к миссис Шоплоу. Многие в Хэвенс-Бэй сдают комнаты летним работникам нашего парка, но лучше ее никого нет. Счастливые помощники селятся у нее уже многие годы. Найти ее очень легко: там, где Главная улица упирается в пляж. Большой деревянный дом, выкрашенный в серый цвет. Ты увидишь вывеску над крыльцом. Ни с чем ее не спутаешь, потому что она выложена из ракушек, и некоторые отвалились. «ПРИМОРСКИЙ ПАНСИОН МИССИС ШОПЛОУ». Скажи, что тебя прислал я.

— Конечно, скажу. Спасибо.

— Если снимешь там комнату, то сможешь добраться до парка по берегу, чтобы сэкономить деньги на бензин и потратить их на что-то более важное, скажем, поразвлечься в выходной день. Это здорово — начинать день с прогулки по берегу. Удачи, малыш. С нетерпением жду, когда мы начнем работать вместе. — Он протянул руку, я пожал ее и снова поблагодарил его.

Идея насчет прогулки мне понравилась, и я решил вернуться в город по берегу. При таком раскладе не придется ждать двадцать минут такси, которое я, по правде говоря, не мог себе позволить. И я уже добрался

до деревянной лестницы, ведущей вниз, к пляжу, когда Лейн Харди позвал меня:

— Эй, Джонси! Хочешь знать то, о чем тебе никогда не скажет Роззи?

— Конечно, — ответил я.

— У нас есть замок с привидениями, который называется «Дом ужасов». Старушка Розита не подходит к нему ближе чем на пятьдесят ярдов. Она ненавидит внезапно выпрыгивающих страшил, и камеру пыток, и записанные голоса, но настоящая причина в другом: она боится, что там действительно живет призрак.

— Правда?

— Правда. И не она одна. Полдесятка работников утверждают, что видели ее.

— Вы серьезно? — Но это был всего лишь вопрос, который задаешь, когда тебя что-то поражает. Я же видел, что он меня не разыгрывает.

— Я бы рассказал тебе эту историю, но перекур окончен. Мне надо заменить несколько штанг на «Дьявольских фургонах», и около трех приедут инспекторы, чтобы проверить готовность «Шаровой молнии». Эти парни — что заноза в заднице. Спроси Шоплоу. Про «Страну радости» Эммелина Шоплоу знает больше меня. Она, можно сказать, знаток этого места. В сравнении с ней я дилетант.

— Это не шутка? Не лапша, которую вешают на уши всем новичкам?

— Я сейчас похож на шутника?

Шутником я бы его не назвал, но чувствовалось, что говорить об этом ему нравится. Он мне даже подмигнул.

— Разве настоящий парк развлечений может обойтись без призрака? Скорей всего и ты ее увидишь. Кто

ее никогда не видит, так это лохи. А теперь поторопись, малыш. Застолби себе место где жить, прежде чем сесть на автобус, который увезет тебя в Уилмингтон. Потом будешь меня благодарить.

Когда женщину зовут Эмелина Шоплоу, ты представляешь себе розовощекую пышногрудую хозяйку пансиона из романа Чарлза Диккенса, которая вечно суетится и постоянно твердит: «Спаси, Господи», — или что-то подобное. Она подает чай и ячменные лепешки, а добродушные эксцентрики на вторых ролях одобрительно смотрят на нее. Мы будем сидеть с ней рядышком у потрескивающего огня и жарить каштаны, и, быть может, она ушипнет меня за щеку.

Но в этом мире фантазии редко воплощаются в жизнь, и дверь мне открыла высокая женщина, разменявшая шестой десяток, с плоской грудью, бледная, как заиндевелое оконное стекло. В одной руке она держала старомодную круглую пепельницу-мешочек, в другой дымилась сигарета. Жидкие каштановые волосы крупными завитками падали на уши. Благодаря им она выглядела как стареющая принцесса из какой-нибудь сказки братьев Гримм. Я объяснил причину своего прихода.

— Собираетесь работать в «Стране радости»? Что ж, заходите. Рекомендательные письма есть?

— Насчет аренды квартиры — нет, я живу в общегитии. Но у меня есть письмо от моего босса с работы в столовой. Это студенческая столовая в Университете Нью-Хэмпшира, где я...

— Я поняла, о чем вы. Уже немолода, но еще не выжила из ума. — Она провела меня в заставленную

разномастной мебелью гостиную, которая тянулась во всю длину дома. Мое внимание сразу же привлек большой настольный телевизор. Миссис Шоплоу кивнула на него. — Цветной. Мои квартиранты могут пользоваться им — и гостиной — до десяти вечера в будние дни и до полуночи в выходные. Иногда я присоединяюсь к молодежи, чтобы посмотреть фильм или бейсбол субботним вечером. Мы едим пиццу, или я делаю попкорн. Это здорово.

Здорово, подумал я. И прозвучало это действительно здорово.

— Скажите мне, мистер Джонс, вы склонны к употреблению алкоголя и буйству? Я полагаю такое поведение асоциальным, хотя многие так не думают.

— Нет, мэ. — Пил я мало, буйствовал редко. Обычно банка-другая пива смаривали меня.

— Спрашивать, употребляете ли вы наркотики, бесполезно, потому что ответ в любом случае будет отрицательным, верно? Но, разумеется, всплывает это весьма быстро, а как только всплывает, я сразу прошу квартиранта подыскать новое жилье. Не допускается даже травка. Это понятно?

— Да.

Она всмотрелась в меня.

— *Непохоже*, чтобы вы курили травку.

— Я и не курю.

— У меня могут жить четыре квартиранта, но одно место сейчас занято. Мисс Экерли. Она библиотекарь. У всех квартирантов комнаты на одного, но они лучше, чем предлагают в мотеле. Вам, думаю, больше всего подойдет комната на втором этаже, с отдельной ванной, чего нет в комнатах на третьем этаже. Туда ведет наруж-

ная лестница, это удобно, если есть дама сердца. Ничего не имею против дамы сердца, потому что я сама дама, причем весьма сердечная. У вас есть дама сердца, мистер Джонс?

— Да, но этим летом она работает в Бостоне.

— Что ж, может, вы встретите кого-нибудь здесь. Сами знаете, как поется в песне: любовь — она повсюду.

Я только улыбнулся. Весной 1973 года мысль, что я могу полюбить кого-то, кроме Уэнди Киган, казалась совершенно немыслимой.

— Надо полагать, у вас есть автомобиль. Во дворе у меня только два парковочных места для четырех квартирентов, поэтому каждое лето они достаются тому, кто успеет первым. Вы пришли первым, и, думаю, вы мне подойдете. Если разочаруюсь, выставлю вас за дверь. Справедливо?

— Да, мэм.

— Хорошо, потому что это не обсуждается. Требования у меня самые обычные: аванс за первый и последний месяцы плюс залог на случай нанесения ущерба. — Она назвала вполне приемлемую сумму. Тем не менее после ее выплаты на моем счету в «Первом трастовом банке» Нью-Хэмпшира остались бы рожки да ножки.

— Вы возьмете чек?

— А его примут?

— Искренне надеюсь, что да, мэм.

Она откинула голову и расхохоталась.

— Тогда я его возьму, при условии, что вы захотите снять комнату после того, как увидите ее. — Она затушила сигарету и поднялась. — Между прочим, наверху

курить запрещено... это условие страховки. И внизу тоже запрещено, как только появляются квартиранты. Уже из уважения к тем, кто не курит. Вы знаете, что старик Истербрук запретил курение в парке развлечений?

— Я об этом слышал. Наверное, потеряет клиентов.

— Возможно, поначалу. Но потом их наверняка прибавится. Я бы поставила деньги на Брэда. Он очень практичный, карни-от-карни. — Я хотел спросить, что именно это означает, но она уже сменила тему: — Давайте взглянем на вашу комнату?

Одного взгляда на комнату на втором этаже хватило, чтобы убедить меня, что это отменный вариант: большая кровать — что хорошо, из окна вид на океан — что еще лучше. Ванная, правда, оказалась не очень, такая крохотная, что мои ноги попадали в душевую, когда я садился на унитаз, но студентам колледжа с жалкими крохами в финансовых закромах не приходилось привередничать. Да и вид из окна перебивал любые минусы предлагаемого мне жилья. Я сомневался, что богачи из летних коттеджей, которые выстроились вдоль Бичроу, могли похвастаться лучшим. Я представил себе, как привожу сюда Уэнди, мы вдвоем любимемся океаном, а потом... на большой кровати, под мерный, усыпляющий рокот прибоя...

«Это». Наконец-то «это».

— Я хочу ее! — вырвалось у меня, и я почувствовал, что краснею. Говорил-то я не только про комнату.

— Знаю, что хотите. Все написано у вас на лице. — Как будто она действительно знала, о чем я думал, а может, и знала. Миссис Шоплоу широко улыбнулась и теперь куда больше напоминала персонажа романа

Диккенса, несмотря на плоскую грудь и бледную кожу. — Свое собственное маленькое гнездышко. Не Версальский дворец, но свое. Совсем не то, что в общежитии. Даже если там комната на одного.

— Не то, — признал я. Подумал, что надо уговорить отца положить на мой банковский счет пятьсот долларов, чтобы я смог дотянуть до первого чека из «Страны радости». Я полагал, что он поворчит, но согласится. Надеялся, что мне не придется разыгрывать карту умершей мамы. С ее смерти прошло уже четыре года, но в отцовском бумажнике по-прежнему лежали ее фотографии, и он по-прежнему носил обручальное кольцо.

— Своя работа и свое жилье, — мечтательно произнесла миссис Шоплоу. — Неплохое сочетание, Девин. Не возражаете, если я буду звать вас Девин?

— Лучше Дев.

— Хорошо, как скажете. — Миссис Шоплоу оглядела маленькую комнату с наклонным потолком — она находилась под скатом крыши — и вздохнула. — Восторг поутихнет, но раз он есть, это приятно. Ощущение полной независимости. Я думаю, вам здесь будет неплохо. В вас чувствуется дух карни.

— Вы — второй человек, который говорит мне про дух карни. — Тут я вспомнил разговор с Лейном Харди на автомобильной стоянке. — Даже третий.

— И я готова поспорить, что знаю первых двух. Что еще вам показать? Ванная не очень, но все же лучше, чем в общежитии, где парни у раковин пердят и врут о девушках, с которыми якобы кувыркались прошлой ночью.

Я рассмеялся, и миссис Эмелина Шоплоу присоедилилась ко мне.

Мы спустились по наружной лестнице.

— Как Лейн Харди? — спросила она, когда мы добрались до нижней ступени. — По-прежнему ходит в этой глупой ермолке?

— Мне показалось, что это котелок.

Она пожала плечами:

— Ермолка, котелок, какая разница?

— Он жив-здоров, но рассказал мне кое-что о...

Миссис Шоплоу, склонив голову, смотрела на меня, и в уголках ее губ таилась улыбка.

— Он рассказал мне, что в «Доме ужасов» их парка развлечений обитает призрак. Я спросил, не вешает ли он мне лапшу на уши, но он ответил, что нет. Сказал, что вы все об этом знаете.

— Так и сказал?

— Да. По его словам, насчет «Страны радости» вам известно больше, чем ему.

— Что ж, — она сунула руку в карман слаксов и достала пачку «Винстона», — я действительно знаю достаточно. Мой муж возглавлял инженерную службу парка, пока у него не случился инфаркт, который свел его в могилу. Страховка оказалась мизерная, да и та ушла на долги, поэтому я начала сдавать верхние этажи дома. А что еще мне оставалось? У нас лишь один ребенок, дочка, теперь она в Нью-Йорке, работает в рекламном агентстве. — Миссис Шоплоу закурила, затянулась, со смешком выдохнула дым. — Из всех сил старается избавиться от южного выговора, но это другая история. Этот здоровенный домина был любимой игрушкой Хоуи, и я никогда не спорила с ним. По крайней мере теперь это окупается. И мне нравится поддерживать

связь с парком, потому что таким образом я как бы поддерживаю связь с ним. Понимаешь?

— Конечно.

Она всмотрелась в меня сквозь сигаретный дым, улыбнулась и покачала головой:

— Нет... Ты вежлив, но слишком молод, чтобы понимать.

— Я потерял маму четыре года назад. Мой отец до сих пор скорбит. Он говорит, что не зря «жена» и «жизнь» начинаются с одной буквы. У меня хотя бы есть учеба и подружка. А папа к северу от Киттери, слоняется по дому, который для него слишком велик. Он осознает, что должен продать его и купить себе поменьше, ближе к месту работы — мы оба это осознаем, — но он остается в старом доме. Поэтому я понимаю, о чем вы.

— Я сожалею о твоей утрате, — ответила миссис Шоплоу. — Когда-нибудь я раскрою рот слишком широко и провалюсь в него. Автобус у тебя в десять минут шестого?

— Да.

— Тогда пошли на кухню. Приготовлю тебе тост с сыром и разогрею в микроволновке тарелку томатного супа. Время есть. И между делом расскажу тебе грустную историю о призраке «Страны радости», если, конечно, ты захочешь ее услышать.

— Это действительно история с призраком?

— Я никогда не была в этом чертовом «Доме ужасов», поэтому точно не знаю. Но это история с убийством. В этом я абсолютно уверена.

Суп был кэмпбелловский, из банки, но тост она сделала с мюнстером, моим любимым сыром, божественно вкусным. Налила мне стакан молока и настояла,

чтобы я его выпил. Потому что, заметила миссис Шоплоу, я еще расту. Потом она села напротив меня, тоже с тарелкой супа, но без тоста («Мне надо следить за моей девичьей фигурой»), и рассказала всю историю. Что-то она узнала из газет и телевизионных репортажей, а самые пикантные подробности — от знакомых в «Стране радости», которых хватало.

— Произошло это четыре года назад, то есть примерно в то время, когда умерла твоя мать. Знаешь, что прежде всего приходит в голову, когда я думаю о случившемся? Рубашка того парня. И перчатки. От этих мыслей у меня мурашки бегут по коже. Потому что вывод тут один: он все *спланировал*.

— Буду вам очень признателен, если вы начнете хотя бы с середины.

Миссис Шоплоу рассмеялась:

— Да, пожалуй. Девушку, призрак которой вроде бы там является, звали Линда Грей, она жила во Флоренсе. Это в Южной Каролине. Она со своим бойфрендом — если это был бойфренд, потому что копы прошерстили прошлое Линды и не нашли никаких его следов — провела последнюю ночь на земле в мотеле «Луна», что на берегу, в полумиле к югу от города. На следующий день, около одиннадцати утра, они отправились в «Страну радости». Он купил два билета на весь день, заплатил наличными. Они покатались на каких-то аттракционах, потом поели в «Лангусте», ресторане морепродуктов рядом с концерт-холлом. В начале второго пополудни. Насчет времени смерти. Ты, вероятно, знаешь, как его устанавливают... содержимое желудка и все такое...

— Ага. — Тост я уже съел и принялся за суп. История не испортила мне аппетит, ничуть. Не забывайте, я прожил лишь двадцать один год, и, хотя, наверное, я

никому бы этого не сказал, у меня не возникало сомнений, что я никогда не умру. Даже смерть мамы не поколебала этой моей убежденности.

— Он ее покормил, потом они прокатились на «Каролинском колесе» — медленный аттракцион, способствующий пищеварению, — после чего отправились в «Дом ужасов». Вошли вместе, а вышел он один. Где-то на середине поездки, которая занимает примерно девять минут, он перерезал ей горло и кинул ее рядом с монорельсом, по которому передвигаются вагончики. Выбросил, как мусор. Должно быть, он знал, что перепачкается в крови, потому что надел две рубашки и желтые резиновые перчатки. Верхнюю рубашку, пропитанную кровью, нашли в сотне ярдов от тела. Чуть дальше лежали перчатки.

Я все это увидел: сначала вниз летит тело, еще теплое и трепещущее, потом рубашка и, наконец, перчатки. Убийца спокойно сидит в вагончике до самого конца поездки. Миссис Шоплоу говорила чистую правду: по коже побежали мурашки.

— Когда поездка закончилась, этот щучий сын просто встал и ушел. Он вытер сиденье и спинку — рубашка намокла от крови, — но следы остались. Один из помощников заметил кровь на сиденье, прежде чем в вагончик сели новые пассажиры, и вытер ее. Он не придал этому никакого значения. Кровь на аттракционах — обычное дело, у детей от перевозбуждения она часто идет носом. Ты сам это увидишь. Главное, надевай резиновые перчатки, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу. Они есть в пунктах оказания первой помощи, которые разбросаны по всему парку.

— Никто не заметил, что он покинул аттракцион без девушки?

— Никто. Дело было в середине июля, в пик сезона, когда в парке полным-полно посетителей. И тело нашли только в час ночи. Парк давно уже закрылся, и в «Доме ужасов» включили свет. Для ночной смены, ты понимаешь. У тебя будет шанс убедиться в этом лично. Все команды Счастливых помощников одну неделю в месяц прибираются на аттракционах, и тебе надо будет заранее выспаться, потому что переход со дня на ночь — суший кошмар.

— Люди проезжали мимо нее, пока парк не закрылся, и ничего не замечали?

— Если и замечали, то думали, что ее труп — часть декорации. Но скорее всего тело никто и не увидел. Не забывай, «Дом ужасов» — темный аттракцион. Единственный в «Стране радости», если на то пошло. В других парках развлечений таких больше.

Темный аттракцион. Желудок завибрировал, но не настолько, чтобы это помешало мне доесть суп.

— А его приметы? Неужели официант в ресторане не смог дать его описание?

— Полицейским повезло. У них были фотографии. Можешь поверить, копы показывали их по телику и печатали в газетах.

— Откуда они взялись?

— Постарались Голливудские девушки. В сезон в парке их пять или шесть, с утра и до вечера. Конечно же, ничего похожего на стриптиз в «Стране радости» нет, но старик Истербрук не зря проработал столько лет на ярмарках. Он знает, что людям хочется чего-то «погорячее», когда они идут от одного аттракциона к другому или едят корн-дог. Поэтому в каждой команде Помощников есть одна Голливудская девушка. В твоей тоже будет, и ты и остальные парни будете приглядыв-

вать за ней, как положено старшим братьям, на случай если кто-то начнет приставать. Эти девушки бегают по парку в коротеньких зеленых платьях, зеленых туфлях на высоком каблуке и миленьких зеленых шляпках, напоминая мне Робин Гуда и его веселых парней. Только они веселые цыпочки. У каждой фотоаппарат «Спид график», какие можно увидеть в старых фильмах, и они фотографируют лохов. — Она помолчала. — Только я не советую тебе так называть посетителей парка.

— Меня уже предупредил мистер Дин, — ответил я.

— Логично. В любом случае Голливудским девушкам рекомендовано уделять особое внимание семьям и парам, которые выглядят старше двадцати одного. Юноши и девушки помоложе не интересуются фотографиями на память, они предпочтут потратить деньги на еду и игровые автоматы. По заведенному порядку Голливудские девушки сначала фотографируют, а потом подходят. — И она продолжила с придыханием, имитируя Мэрилин Монро: — «Добрый день, рада видеть вас в «Стране радости», я Карен! Если вы захотите получить фотографию, которую я только что сделала, назовите мне вашу фамилию и загляните в павильон «Голливудские фото» на Собачьем проспекте, когда будете уходить из парка». Что-то в этом роде.

Одна из девушек сфотографировала Линду Грей и ее бойфренда у «Тира Энни Оукли», но когда подошла к ним, бойфренд устроил ей выволочку. Да еще какую! Потом она рассказала копам, что он выглядел так, будто хотел вырвать у нее фотоаппарат и разбить его. И разбил бы, если бы думал, что ему это сойдет с рук. Она сказала, что у него были жуткие глаза, холодные и серые. — Миссис Шоплоу улыбнулась и пожала плечами. — Только выяснилось, что на фотографии он в

солнцезащитных очках. Ты же знаешь, как некоторые девушки любят драматизировать.

Если на то пошло, это я действительно знал. Подруга Уэнди, Рене, превращала рассказ об обычном визите к стоматологу в сценарий фильма ужасов.

— Эта фотография была лучшей, но не единственной. Копы просмотрели все пленки, которые отщелкали в тот день Голливудские девушки, и нашли эту Грей и ее приятеля на заднем плане еще четырех снимков. На самом удачном они стояли в очереди к «Чашкам-вертушкам», и его рука лежала на ее заднице. Весьма фривольно, учитывая, что ни родственники, ни друзья Линды его никогда не видели.

— Плохо, что здесь нет камер видеонаблюдения, — вставил я. — Моя девушка получила работу в бостонском универмаге «Файлинс», и она говорит, что там таких уже несколько, а сейчас устанавливают новые. Чтобы ловить воришек.

— Придет день, когда они будут повсюду, — предрекла миссис Шоплоу. — Как в том романе о Полиции мыслей. Я бы без этого обошлась. Но их не будут ставить на таких аттракционах, как «Дом ужасов». Даже инфракрасные камеры, которые могут снимать в темноте.

— Почему?

— Все просто. Тоннеля любви в «Стране радости» нет, но «Дом ужасов» — это определенно Тоннель тисканий. Муж как-то сказал мне, что если ночная смена находит рядом с монорельсом только три пары трусиков, значит, день пропал зря. Такие дела. Но они располагали отличной фотографией этого парня в тире. Можно сказать, портретом. Его неделю показывали по телику и публиковали в газетах. Они стоят бедром к бедру, он показывает, как держать винтовку, — парни

всегда это делают. В обеих Каролинах эту фотографию видели все. Девушка улыбалась, но он выглядел предельно серьезным.

— И все это время у него в карманах лежали перчатки и нож. — Я с удивлением покачал головой.

— Бритва.

— Что?

— Он использовал опасную бритву или что-то в этом роде, так, во всяком случае, написал в своем заключении судмедэксперт. Короче, полиция располагала фотографиями, включая портрет, но знаешь что? Ни на одной нельзя было разглядеть лицо.

— Из-за солнцезащитных очков.

— Не только. Еще из-за бородки и бейсболки с длинным козырьком, который затенял все, что не скрывали солнцезащитные очки и бородка. Убийцей мог быть кто угодно. Даже ты, только ты черноволосый, а не блондин, и на руке у тебя нет татуировки с головой птицы. Орла, может, ястреба. Она ясно видна на снимке, который сделали в тире. Татуировку увеличили и пять дней публиковали в газете, надеясь, что кто-то ее узнает. Никто не узнал.

— И никаких зацепок в гостинице, где они останавливались на ночь?

— Нет. Он зарегистрировался по южнокаролинскому водительскому удостоверению, но его украли годом раньше. Ее никто и не видел. Наверное, она ждала в автомобиле. Почти неделю она пролежала неопознанной, но полиция распространила ее портрет. Она словно спала, никакого тебе перерезанного горла. Кто-то, кажется, подруга, с которой она ходила на курсы медсестер, увидела рисунок и сообщила родителям девушки. Не могу себе представить, что они чувствовали,

когда ехали сюда на автомобиле, лелея надежду, что увидят в морге не свою дочь, а кого-то еще, пусть не менее любимого, но чужого ребенка. — Она медленно покачала головой. — Дети — всегда такой риск, Дев. Эта мысль когда-нибудь приходила тебе в голову?

— Пожалуй.

— То есть не приходила. Я... Думаю, сошла бы с ума, если бы под простыней лежала моя дочь.

— Но вы же не думаете, что призрак Линды Грей действительно обитает в «Доме ужасов», правда?

— Не могу ответить на этот вопрос, потому что у меня нет сложившегося мнения о жизни после смерти. Полагаю, я все выясню, когда доберусь туда, и меня это вполне устраивает. Но мне известно, что многие из тех, кто работал в «Стране радости», заявляли, будто видели ее у монорельса, в той самой одежде, в которой ее нашли: синяя юбка и синяя блузка без рукавов. Никто из них не мог видеть цвета одежды на фотоснимках, опубликованных в газетах, потому что фотоаппараты «Спид график», с которыми работают Голливудские девушки, заряжаются черно-белой пленкой. Думаю, она дешевле, и ее проще проявлять.

— Может, о цвете одежды писали в газетных статьях.

Она пожала плечами:

— Возможно. Я не помню. Однако несколько человек также упомянули синюю ленту Алисы*, а вот об этом как раз не писали. Хранили эту информацию в тайне почти год, надеясь использовать ее, чтобы изобличить возможного подозреваемого, если таковой появится.

* Имеется в виду ободок для волос, получивший такое название потому, что Алису часто изображали с ним на иллюстрациях к книге «Алиса в Зазеркалье».

— Лейн говорил, что лохи никогда ее не видят.

— Не видят, потому что она всегда появляется после закрытия парка. Обычно ее видят только Счастливые помощники из ночной смены, но я знаю по меньшей мере одного инспектора по технике безопасности, жителя Роли, который заявляет, что видел ее. Мы с ним как-то выпивали в «Морском еже». Он сказал, что она стояла там, когда он проезжал по тоннелю. Думал, что это лишь новый манекен, пока она не протянула к нему руки. Вот так.

Миссис Шоплоу протянула руки, ладонями вверх, умоляющим жестом.

— По его словам, он почувствовал, как температура упала на двадцать градусов. Карман холода, так он выразился. Когда обернулся, она исчезла.

Я вспомнил о Лейне в его узких джинсах, потертых сапогах и сдвинутом набекрень котелке. *Она накормила тебя правдой или конским дерьмом?* — спросил он. *Попала в десятку или прокололась?* Я думал, что призрак Линды Грей — конское дерьмо, но надеялся, что это не так. Надеялся увидеть ее. Отличная вышла бы история, чтобы рассказать Уэнди. В те дни все мои мысли сходились к ней. Если я куплю эту рубашку, понравится ли она Уэнди? Если я напишу рассказ о девушке, которая впервые поцеловалась во время верховой прогулки, что скажет Уэнди? Если я увижу призрак убитой девушки, удивится ли Уэнди? До такой степени, что согласится приехать и взглянуть собственными глазами?

— Через шесть месяцев после убийства в чарлстонской газете «Ньюс энд курьер» появилась большая статья, — продолжила миссис Шоплоу. — Оказалось, что с шестьдесят первого года в Джорджии и обеих Каролинах произошло четыре аналогичных убийства. Все

жертвы — молодые женщины. Одну закололи, трем перерезали горло. И репортер нашел копа, который высказался в том смысле, что их всех мог убить тот, кто убил Линду Грей.

— Берегитесь убийцы из «Дома ужасов»! — с выражением произнес я.

— Именно так и назвала его газета. Вижу, ты проголодался. Съел все, за исключением тарелки. А теперь, думаю, тебе лучше выписать мне чек и мчаться на автобусную станцию, или придется провести ночь на моем диване.

Диван выглядел удобным, но мне хотелось побыстрее вернуться на север. Оставалось два дня весенних каникул, а потом опять занятия — и моя рука на талии Уэнди Киган.

Я достал чековую книжку, выписал чек и таким образом арендовал комнату с роскошным видом на океан, полюбоваться которым Уэнди Киган — моей даме сердца — так и не удалось. В этой комнате я иногда сидел вечерами и, убавив звук до минимума, слушал записи Джими Хендрикса и «Дорз». Именно в такие вечера меня посещали мысли о самоубийстве. Мимолетные мысли, ничего серьезного, просто фантазии молодого человека с богатым воображением и раной в сердце... или так я говорю сейчас, по прошествии стольких лет? Кто знает?

Когда дело касается прошлого, *каждый* из нас писатель.

Я попытался дозвониться до Уэнди с автобусной станции, но ее мачеха ответила, что она ушла куда-то с Рене. Когда автобус прибыл в Уилмингтон, я позвонил

снова, но с тем же результатом: она еще не вернулась, где-то гуляла с Рене. Я спросил Надин — так звали мамеху, — куда, по ее мнению, они могли податься. Надин ответила, что не имеет ни малейшего понятия. По ее голосу чувствовалось, что разговор со мной — самый скучный за весь день. Может, за весь год. Может, за всю ее жизнь. Я неплохо ладил с отцом Уэнди, но Надин Киган никогда меня не жаловала.

Наконец, уже добравшись до Бостона, я дозвонился до Уэнди. Она говорила со мной сонным голосом, хотя часы показывали только одиннадцать вечера — детское время для большинства студентов в весенние каникулы. Я сообщил ей, что меня приняли на работу.

— Я тебя поздравляю, — ответила она. — Поедешь домой?

— Да, как только заберу автомобиль. — И если ни одно колесо не спустило. В те дни я практически всегда ездил на лысой резине. Запаска? Отличная шутка, сейог. — Я могу остаться на ночь в Портсмуте, вместо того чтобы ехать домой, и увидеться с тобой завтра, если...

— Не лучшая идея. У меня Рене, а кого-то еще из моей компании Надин не потерпит. Ты знаешь, как она относится к тем, кто ко мне приезжает.

К кому-то Надин действительно относилась не очень, но Рене с ней отлично ладила, они постоянно пили кофе и сплетничали о любимых кинозвездах, словно близкие подружки. Разумеется, я понимал, что сейчас не время упоминать об этом.

— Обычно я люблю поболтать с тобой, Дев, но сейчас очень хочется спать. У нас с Рен выдался длинный день. Магазины и... все такое.

Она не стала уточнять, что именно, а я обнаружил, что не хочу спрашивать. Еще один тревожный знак.

— Люблю тебя, Уэнди.

— И я тебя люблю. — Это прозвучало небрежно, без всякой страсти. *Она просто устала*, сказал я себе.

Из Бостона я покатил на север, и меня не отпускало легкое беспокойство. Что-то было в ее тоне. Безразличие? Я не знал. Возможно, и не хотел знать. Но какие-то вопросы у меня появились. Даже теперь, после стольких лет, иногда я задаю их себе. Нынче Уэнди для меня — лишь шрам на душе, воспоминание, человек, обидевший меня, как время от времени девушки обижают парней. Молодая женщина из другой жизни. И все-таки я не могу не спрашивать себя, а где она была? Что подразумевала под «все такое»? И провела ли она тот день с Рене Сент-Клер?

Можно спорить о том, от какой строчки в поп-музыке сильнее всего бросает в дрожь, но для меня это ранние «Битлз», точнее, Джон Леннон, поющий «я предпочту увидеть тебя мертвой, детка, чем с другим женщиной». Я мог бы сказать, что никогда не испытывал подобного по отношению к Уэнди после нашего разрыва, но это была бы ложь. Постоянно я об этом не думал, но случалось ли мне после нашего разрыва желать ей зла? Да. Иной раз долгими бессонными ночами я думал, что она заслуживала, чтобы с ней случилось что-то плохое, действительно плохое, за то, как она обошлась со мной. Такие мысли пугали меня, но иногда я так думал. И еще думал о мужчине в двух рубашках, который вошел в «Дом ужасов», обнимая Линду Грей. О мужчине с птицей на руке и с опасной бритвой в кармане.

Весной 1973 года — последнего года моего детства, как я понимаю теперь, оглядываясь на прожитую жизнь, — я видел будущее, в котором Уэнди Киган становилась Уэнди Джонс... может, Уэнди Киган-Джонс, если она захочет идти в ногу со временем и сохранить девичью фамилию. В этом будущем присутствовал дом у озера (в Мэне, или в Нью-Хэмпшире, может, в западном Массачусетсе), звенящий от криков и топота пары маленьких Киган-Джонсов; дом, в котором я писал книги, не обязательно бестселлеры, но достаточно популярные, чтобы мы могли ни в чем себе не отказывать, и — что очень важно — получающие хорошие рецензии. Уэнди осуществила бы мечту об открытии небольшого магазина модной одежды (о котором тоже говорили бы только хорошее), а еще я вел бы несколько семинаров по писательскому мастерству, куда стремились бы попасть самые одаренные студенты. Ничего из этого, естественно, не осуществилось, поэтому, наверное, весьма символичным является тот факт, что в последний раз как пара мы встретились в кабинете профессора Джорджа Б. Нако, человека, которого не существовало.

Осенью 1968 года, вернувшись с каникул, студенты обнаружили «кабинет» профессора Нако под ведущей в подвал лестницей в Гамильтон-Смит-холле. Стены «кабинета» украшали поддельные дипломы, необычные акварели, названные «албанским искусством», списки студентов, включавшие Элизабет Тейлор, Роберта Циммермана* и Линдона Бейнса Джонсона. Тут

* Роберт Циммерман — настоящие имя и фамилия Боба Дилана (р. 1941).

же висели сочинения, написанные вымышленными студентами. Одно, насколько я помню, называлось «Секс-звезды Востока», другое — «Ранняя поэзия Ктулху: анализ». В кабинете стояли три напольные пепельницы. «ПО МЫСЛИ ПРОФЕССОРА НАКО, РАССЛАБИТЬСЯ НЕ ВРЕДНО, ОДНАКО», — гласила приклеенная к обратной стороне лестницы надпись. Компанию пепельницам составляли два хлипких стула и не менее хлипкий диван, очень подходящий студентам, у которых возникло желание отыскать уютное гнездышко.

Среда перед моим последним экзаменом выдалась не по сезону жаркой и влажной. В час дня начали собираться грозовые тучи, а в четыре часа, когда Уэнди согласилась встретиться со мной в «кабинете» Джорджа Б. Нако, небеса разверзлись, и полило как из ведра. Я пришел в «кабинет» первым. Уэнди появилась пять минут спустя, насквозь мокрая, но в превосходном настроении. Капли воды сверкали в ее волосах. Она бросилась мне в объятия и, смеясь, принялась тереться об меня. Прогремел гром. Свисавшие с потолка сумрачного подвального коридора немногочисленные лампы мигнули.

— Обними-меня-обними-меня-обними-меня, — протараторила Уэнди. — Этот дождь *такой* холодный.

Мы согревали друг друга. Очень скоро оказались на хлипком диване, моя левая рука обнимала ее и накрывала левую грудь — бюстгальтер Уэнди не носила, — а правая забралась под юбку достаточно далеко, чтобы поглаживать шелк и кружева. Уэнди позволила ей задержаться там на минуту-другую, потом отодвинулась от меня и тряхнула волосами.

— Хватит уже, — чопорно заявила она. — А если зайдет профессор Нако?

— Сомневаюсь, что такое возможно. — Я улыбался, но ощущал в штанах знакомую пульсацию. Иногда Уэнди снимала это напряжение — она стала экспертом в том, что мы прозвали «работкой-через-штаны», — однако я не думал, что сегодня мне что-нибудь обломится.

— Тогда одна из его студенток. Умоляя поставить зачет. *Пожалуйста, профессор Нако, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста. Я сделаю все.*

Я сомневался, что кто-то появится здесь в такой дождь, но нас действительно могли прервать, тут она была права. Студенты частенько заглядывали сюда с выдуманными сочинениями или свеженькими творениями албанского искусства. Диван располагал к близкому общению, а вот его местоположение — нет. По крайней мере не теперь, когда подземное гнездышко облюбовали для своих встреч студенты гуманитарного колледжа.

— Как прошел экзамен по социологии? — спросил я.

— Нормально. Сомневаюсь, что получу пятерку, но точно сдала, и меня это вполне устраивает. С учетом того, что он в эту сессию последний. — Она потянулась, ее пальцы коснулись бетонного зигзага лестницы над головой, грудь возбуждающе поднялась. — Я расстанусь с университетом... — она посмотрела на часы, — ...ровно через час и десять минут.

— Ты и Рене? — Я не особенно жаловал соседку Уэнди по комнате в общежитии, но знал, что лучше об этом не говорить. Одного раза вполне хватило. Результатом стала короткая, бурная ссора, по ходу которой Уэнди обвинила меня в том, что я пытаюсь контролировать ее жизнь.

— Совершенно верно, сэр. Она подвезет меня к папе и мачехе. А через неделю мы официально станем сотрудниками «Файлинс».

Она произнесла это с таким видом, будто они устроились мелкими клерками в Белый дом, но я промолчал. У меня хватало других забот.

— Но ты приедешь в Бервик в субботу? — По плану она приезжала утром, проводила со мной весь день и оставалась на ночь. В спальне для гостей, разумеется, — но всего в дюжине шагов по коридору. Учитывая, что в следующий раз мы могли увидеться только осенью, я полагал, что возможность «этого» весьма велика. Конечно же, маленькие дети верят в Санта-Клауса, а первокурсники Университета Нью-Хэмпшира иной раз целый семестр верили, что Джордж Б. Нако — настоящий профессор, преподающий английский язык и литературу.

— Ад-наз-нач-но. — Она огляделась, убедилась, что вокруг никого нет, и ее рука двинулась по моему бедру. Добравшись до ширинки, мягко потянула то, что там нашла. — Ну-ка иди сюда.

Я все-таки получил «работку-через-штаны». Уэнди постаралась на славу, делала все медленно и ритмично. Гремел гром, в какой-то момент ровный шум дождя изменился, по крышам забарабанил град. В самом конце ее рука сжалась, усиливая и продлевая оргазм.

— Проследи за тем, чтобы по пути до общежития промокнуть, или весь мир узнает, чем мы тут занимались. — Она вскочила. — Я должна идти, Дев. Мне еще вещи собирать.

— В субботу я встречу тебя в полдень. Папа приготовит на ужин свою знаменитую запеканку с курицей.

Она вновь повторила «ад-наз-нач-но», фирменный знак Уэнди Киган, как и поцелуй на мысочках. Но только в пятницу вечером она позвонила, чтобы сообщить, что планы Рене изменились и в Бостон они уезжают на два дня раньше.

— Извини, Дев: за рулем ведь сидит она.

— Всегда есть автобус, — ответил я, заранее зная, что этот вариант даже не рассматривается.

— Я обещала, дорогой. И у нас есть билеты на «Пиппина» в «Империале». Отец Рене купил их нам, преподнес сюрприз. — Она помолчала. — Порадуйся за меня. Ты собираешься в Северную Каролину — и я за тебя очень рада.

— Я счастлив, — ответил я. — Слушаю и повинуюсь.

— Так-то лучше. — Она перешла на шепот и заговорщически добавила: — В следующий раз, когда мы будем вместе, я тебе компенсирую. Обещаю.

Свое обещание она не исполнила — но и не нарушила, потому что я больше никогда не видел Уэнди Киган после того дня в «кабинете» профессора Нако. Обошлось даже без последнего телефонного звонка, со слезами и обвинениями. Я не стал звонить, следуя совету Тома Кеннеди (мы до него еще доберемся), и, возможно, поступил правильно. Не исключено, что Уэнди ждала моего звонка, даже хотела, чтобы я позвонил. Если так, я ее разочаровал.

Надеюсь, что разочаровал. Столько лет спустя, когда мои нервные лихорадки и бред остались в далеком прошлом, я по-прежнему надеюсь, что разочаровал.

Любовь оставляет шрамы.

Я так и не написал книг, о которых мечтал, — не написал бестселлеров, удостоенных хороших рецензий, но все же зарабатываю писательством неплохие деньги и благодарю за это судьбу: другим повезло меньше. Я стабильно двигался вверх по лесенке дохода к моей сегодняшней ступеньке, журналу «Коммерческий рейс» — вы скорее всего о нем никогда не слышали.

Через год после того, как я занял должность главного редактора, меня занесло в кампус Университета Нью-Хэмпшира на двухдневный симпозиум о будущем корпоративных журналов в двадцать первом столетии. На второй день, в перерыве, я неожиданно для самого себя направился к Гамильтон-Смит-холлу и заглянул под лестницу в подвал. Сочинения, списки студентов со знаменитостями и шедевры албанского искусства исчезли. Вместе со стульями, диваном и напольными пепельницами. Но кто-то помнил. Под лестницей, там, где раньше висел лозунг о пользе расслабления, я нашел полоску бумаги с одной-единственной строкой, напечатанной такими маленькими буквами, что мне пришлось подойти вплотную и встать на цыпочки, чтобы прочитать:

Профессор Нако теперь преподает в школе чародейства и волшебства Хогвартс.

И почему нет?

Почему, вашу мать, нет?

Что касается Уэнди, тут я знаю не больше вас. Наверное, я мог бы воспользоваться «Гуглом», этим магическим шаром двадцать первого столетия, чтобы проследить ее жизненный путь и узнать, сумела ли она реализовать свою мечту, занять свой эксклюзивный

магазинчик одежды, — но с какой стати? Что было, то прошло. Утраченного не вернешь. После пребывания в «Стране радости» (от которой рукой подать до городка Хэвенс-Бэй, не забывайте об этом), разбитое сердце представлялось мне уже не столь важным. И руку к этому приложили Майк и Энни Росс.

В результате мы с отцом съели его знаменитую куриную запеканку без нашей гостии, что, возможно, вполне устраивало Тимоти Джонса, хотя он пытался это скрыть из уважения ко мне. Я знал, что к Уэнди он относится примерно так же, как я — к подруге Уэнди, Рене. Тогда я думал, что он ревнует к Уэнди, занявшей важное место в моей жизни. Теперь полагаю, что он видел ситуацию гораздо более ясно, чем я. Не могу сказать наверняка, об этом мы никогда не говорили. Не уверен, что мужчины знают, как говорить о женщинах серьезно.

Поев и помыв посуду, мы уселись на диване, пили пиво, ели поп-корн и смотрели фильм с Джином Хэкменом в главной роли, который играл крутого копа с пунтиком на женских ногах. Мне не доставало Уэнди — которая, возможно, в тот самый момент слушала, как в «Пиппине» поют «Поделись лучиком», — но вечеринка без женщин имеет определенные преимущества: к примеру, есть возможность в открытую рыгнуть или выпустить газы.

На следующий день — мой последний день дома — мы пошли прогуляться вдоль заброшенной железной дороги, которая прорезала лес за домом, где я вырос. Мама твердо и решительно требовала, чтобы мы с друзьями держались подальше от рельсов. Последний то-

варный поезд «Джи-эс-энд-дабл-ю-эм» прошел по ним десять лет назад, и между ржавыми рельсами уже проросли сорняки, но для мамы это ничего не меняло. Она не сомневалась: если мы будем там играть, еще один поезд (скажем, «Пожиратель детей») обязательно промчится по дороге и превратит нас в фарш. Вот только мама сама угодила под внеурочный состав: метастатический рак молочной железы в сорок семь лет. Это вам не товарняк, а гребанный экспресс.

— Мне будет не доставать тебя летом, — признался отец.

— А мне — тебя, — ответил я.

— О! Пока я не забыл. — Он сунул руку в нагрудный карман и достал чек. — Первым делом открой счет и положи на него деньги. Попроси ускорить проверку чека, если это возможно.

Я взглянул на сумму: не пятьсот долларов, как я просил, а тысяча.

— Папа, ты можешь себе это позволить?

— Да. Главным образом потому, что ты работаешь и мне не приходится оплачивать твою учебу. Считай, это твоя премия.

Я поцеловал его в колючую щеку. Этим утром он не побрился.

— Спасибо.

— Малыш, ты даже представить не можешь, как я рад помочь. — Он достал из кармана носовой платок и деловито вытер глаза, без всякого стеснения. — Извини за водопад. Это трудно, провожать детей. Когда-нибудь ты сам поймешь, но я надеюсь, что после их отъезда компанию тебе составит хорошая женщина.

Я подумал о миссис Шоплоу и ее словах: *Дети — всегда такой риск.*

— Папа, ты справишься?

Он убрал носовой платок в карман и улыбнулся, широко и безмятежно.

— Иногда звони мне, и я буду счастлив. Опять же, не позволяй им заставлять тебя карабкаться на эти чертовы американские горки.

Если на то пошло, я бы с удовольствием туда слазил, но я ответил, что такому не бывать.

— И... — Продолжения не последовало, и я так и не узнал, хотел ли он дать совет или предостеречь еще от чего-то. — Ты только посмотри!

В пятидесяти ярдах от нас из леса вышла олениха. Грациозно переступила через ржавый рельс и остановилась на откосе насыпи, где сорняки и золотарник вымахали такими высокими, что терлись о ее бока. Она застыла, спокойно глядя на нас, наострив уши. И, насколько я помню, воцарилась полная тишина. Не пели птицы, в небе не гудел самолет. Будь с нами мама, она выхватила бы фотоаппарат и защелкала бы как сумасшедшая. Такой острой тоски по ней я не испытывал уже давно.

Я быстро и крепко обнял отца.

— Я люблю тебя, папа.

— Знаю, — ответил он. — Знаю.

Когда я вновь посмотрел на рельсы, олениха уже ушла. Днем позже уехал и я.

К моему возвращению в большой серый дом в самом конце Главной улицы Хэвенс-Бэй выложенная ракушками вывеска исчезла. Миссис Шоплоу отправила ее в кладовую, поскольку на лето сдала все четыре комнаты. Я благословил Лейна Харди, подсказавшего мне, что

надо застолбить место. Летнее войско «Страны радости» уже прибыло, и свободных коек не осталось ни в одном пансионе.

Второй этаж я делил с Тиной Экерли, библиотекарьшей. На третьем обосновались грациозная рыжеволосая Эрин Кук, специализировавшаяся на искусстве, и Том Кеннеди, коренастый студент последнего курса Ратгерса. Эрин увлекалась фотографией и в школе, и в Барде*, и ее взяли в «Страну радости» Голливудской девушкой. Что касается Тома и меня...

— Счастливым помощник, — представился он. — Другими словами, подай-принеси. Так написал этот парень, Фред Дин, на моем заявлении. А ты?

— Аналогично, — ответил я. — Я думаю, это означает, что мы станем уборщиками.

— Я в этом сомневаюсь.

— Правда? А почему?

— Потому что мы белые, — ответил он и по большому счету оказался прав, пусть нам и пришлось заниматься уборкой. Уборщиками в «Стране радости» работали гаитяне и доминиканцы, двадцать мужчин и более тридцати женщин в комбинезонах с вышитым на груди Хоуи, Счастливым псом, почти наверняка это были нелегальные мигранты. Они жили в маленьком поселке в десяти милях от побережья, и их привозили и увозили на двух отслуживших свой срок школьных автобусах. Мы с Томом зарабатывали по четыре доллара в час, Эрин — чуть больше. Один только Бог знал, сколько платили уборщикам. Их, разумеется, эксплуатировали, и довод о том, что на юге полным-полно нелега-

* Бард — частный гуманитарный колледж в штате Нью-Йорк.

лов, которым приходится жить и работать в куда худших условиях, никуда не годится. Также, наверное, не имеет смысла упоминать, что происходило все это сорок лет назад. Хотя вот что можно отметить: им никогда не приходилось надевать шкуру. Эрин — тоже.

В отличие от нас с Томом.

Вечером накануне нашего первого рабочего дня мы втроем собрались в гостиной «Особняка Шоплоу», чтобы получше узнать друг друга и поразмышлять о грядущем лете. Пока разговаривали, над Атлантическим океаном поднялась луна, такая же спокойно-прекрасная, как и олениха, которую мы с отцом увидели на ржавых рельсах.

— Господи, это же парк развлечений! — воскликнула Эрин. — Какие там могут быть проблемы?

— Тебе легко говорить, — ответил Том. — Никто не собирается заставлять тебя отмыывать из шланга «Чашки-вертушки» после того, как засранцы из Восемнадцатого скаутского отряда одновременно расстанутся со своим ленчем на середине заезда.

— Я пойду, куда мне скажут, — заявила Эрин. — Если придется не только щелкать фотоаппаратом, но и вытирать блевотину, я вытру. Мне нужна эта работа. В следующем году меня ждет магистратура, а я в двух шагах от банкротства.

— Надо попытаться попасть в одну команду, — предложил Тим... и так сложилось, что нам это удалось. Все рабочие команды «Страны радости» назывались по породам собак, и мы оказались в команде «Бигль».

Тут в гостиную вошла Эммелина Шоплоу с подносом, на котором стояли пять хрустальных бокалов. Мисс

Экерли, вешалка в бифокальных очках, за стеклами которых глаза казались огромными, отчего внешне она напоминала Джойс Кэрол Оутс, сопровождала хозяйку дома с бутылкой шампанского в руках. Том Кеннеди просиял:

— Я узнаю французский имбирный эль! Для шипучки из супермаркета бутылка чересчур красива.

— Это шампанское, — кивнула миссис Шоплоу, — хотя если ты рассчитываешь на «Моэт э Шандо», юный мистер Кеннеди, тебя ждет разочарование. Это не «Колд дак»*, но и не из дорогих марок.

— Не буду говорить за новых коллег по работе, — ответил Том, — но за себя скажу: любителя «Эпл-зэпл» вы точно не разочаруете.

Миссис Шоплоу улыбнулась:

— Я всегда так отмечаю начало лета, на удачу. Обычно срабатывает. Еще не потеряла ни одного летнего квартиранта. Берите бокалы. — Мы выполнили указание. — Тина, ты разольешь?

После того как библиотекарша наполнила бокалы, миссис Шоплоу подняла свой, и мы последовали ее примеру.

— Пьем за Эрин, Тома и Девина, — провозгласила она. — Пусть они проведут удивительное лето и надевают шкуру только при температуре ниже восьмидесяти градусов.

Мы чокнулись и выпили. Может, шампанское и не относилось к самым дорогим, но вкус мне очень даже понравился, а оставшегося в бутылке хватило, чтобы наполнить бокалы еще раз. Теперь тост произнес Том:

* «Колд дак» («Холодная утка») — игристое вино, производимое в США.

— За миссис Шоплоу, которая укрыла нас от бури!

— Ой, спасибо, Том, это так мило. Хотя скидку на арендную плату тебе все равно не получить.

Мы выпили. Я поставил бокал на поднос, чувствуя, что шампанское немного ударило в голову.

— Можно подробнее насчет шкуры? — спросил я.

Миссис Шоплоу и мисс Экерли обменялись улыбками.

— Скоро все сами узнаете, — ответила мне библиотечарша, хотя такой ответ едва ли можно было назвать удовлетворительным.

— Не засиживайтесь допоздна, дети, — посоветовала нам миссис Шоплоу. — Завтра рано вставать. Вас ждет карьера в шоу-бизнесе.

Первый рабочий день действительно начался рано: в семь утра, за два часа до того, как парку предстояло распахнуть двери навстречу еще одному лету. Мы втроем пошли по берегу. Почти всю дорогу Том не закрывал рта. Он всегда так делал. Наверное, его бесконечная болтовня утомляла бы, не будь он таким забавным и безудержно веселым. Я видел, как Эрин (она шла по линии прибоя, связанные шнурками кроссовки покачивались в ее левой руке) смотрела на него, словно зачарованная. Я завидовал этой способности Тома. Парень он был крупный, далеко — прямо скажем, очень далеко — не красавец, но заводной и с хорошо подвешенным языком. Этого дара мне, увы, не доставало. Помните старый анекдот насчет старлетки, которая растерялась до такой степени, что трахнула писателя?

— Как думаете, сколько денег у людей, которым принадлежат эти хоромы? — спросил Том, обводя рукой

дома на Бич-роу. Мы как раз проходили мимо большого зеленого особняка, который напоминал замок, но в тот день я не увидел ни женщину, ни мальчика в инвалидном кресле: Энни и Майк Росс появились позже.

— Миллионы, наверное, — ответила Эрин. — Здесь не Хэмптонс, но, как сказал бы мой отец, и не «Макдоналдс».

— Парк развлечений, вероятно, немного снижает их цену, — вставил я, глядя на три самых высоких аттракциона «Страны радости», силуэты которых чернели на фоне синего утреннего неба: «Шаровая молния», «Неистовый трясун» и «Каролинское колесо».

— Нет, ты не понимаешь склада ума богатого человека. — Том покачал головой. — Это как с уличными попрошайками. Богатые их просто не видят. Попрошайки? Какие попрошайки? То же самое и с этим парком... Какой парк? Люди, которым принадлежат эти дома, живут на другом уровне бытия. — Он остановился, прикрыв глаза ладонью и глядя на зеленый викторианский коттедж, которому предстояло сыграть столь большую роль в моей жизни будущей осенью, после того, как Эрин Кук и Том Кеннеди, к тому времени уже пара, вернутся к учебе. — Этот дом будет моим. Пожалуйста, я куплю его... э... первого июня восемьдесят седьмого года.

— Шампанское за мной, — добавила Эрин, и мы все рассмеялись.

В то утро я в первый и единственный раз увидел в одном месте всех наемных летних работников «Страны радости». Мы собрались в «Зале прибоя», концерт-холле, где выступали не слишком известные группы и ста-

реюющие рокеры. Почти двести человек, в большинстве своем, как Эрин, Том и я, студенты, готовые работать за сущую мелочь. Пришли и несколько постоянных сотрудников. Я увидел Роззи Голд, в «рабочем» цыганском наряде и с большущими серьгами. Лейн Харди находился на сцене: он установил микрофон на трибуне, а потом проверил его, несколько раз щелкнув по нему пальцем. Конечно же, в котелке — а как же иначе, — сдвинутом набок под обычным углом. Не знаю, как он заприметил меня в толпе мельтешащих юношей и девушек, но заприметил и отдал мне честь, приложив руку к перекошенному котелку. Я тут же отсалютовал в ответ.

Покончив с порученным ему делом, Харди кивнул, спрыгнул со сцены и занял место, которое придержала ему Роззи. Фред Дин быстрым шагом вышел из-за кулис.

— Присядьте, пожалуйста. Все присядьте. Прежде чем вас распределят по командам, владелец «Страны радости» и ваш работодатель хочет сказать вам несколько слов. Пожалуйста, поприветствуйте мистера Брэдли Истербрука.

Мы, естественно, заплодировали, и из-за кулис появился старик, который шел очень осторожно, высоко вздергивая ногу при каждом шаге, как человек, у которого болят тазобедренные суставы или спина, а может, и то, и другое. Высокий, невероятно тощий, в черном костюме, в котором он больше напоминал гробовщика, а не владельца парка развлечений. Его длинное бледное лицо покрывали бородавки и родинки, наверняка превращавшие каждое бритье в муку, но я видел, что он чисто выбрит. Черные волосы, несомненно, крашенные, были зачесаны назад, полностью откры-

вая изрезанный глубокими морщинами лоб. Мистер Истербрук остановился рядом с трибуной, сцепив огромные кисти рук — особое впечатление производил размер костяшек пальцев, — и оглядел собравшихся глубоко запавшими глазами.

Старость взирала на молодость, и аплодисменты последней сначала притихли, а потом смолкли вовсе.

Трудно сказать, чего мы ожидали; возможно, скорбного, отчаявшегося голоса, сообщающего, что Красная смерть скоро приберет нас всех. Тут мистер Истербрук улыбнулся, и лицо его словно засветилось изнутри, как музыкальный автомат. По толпе прошелестел вздох облегчения. Только потом я узнал, что тем летом Брэдли Истербруку стукнуло девяносто три.

— Итак, ребятки, добро пожаловать в «Страну радости», — начал он и, прежде чем встать на трибуну, поклонился нам в прямом смысле этого слова. Потом, не спуская с нас запавших глаз, несколько секунд подстраивал под себя микрофон, который издавал усиленные динамиками скрипы и хрипы. — Я вижу много знакомых лиц, и меня это, как всегда, радует. Что же касается новичков, надеюсь, это будет лучшее лето в вашей жизни, мерило, которым вы будете оценивать ваши последующие места работы. Это, конечно же, сумасбродное желание, но человек, который из года в год руководит таким заведением, имеет право на причуды. Гарантирую, второй такой работы вам никогда не найти.

Он оглядел нас, чуть повернул и без того изогнутую стойку несчастного микрофона и продолжил:

— Через пару минут мистер Фред Дин и миссис Бренда Рафферти, наша королева администрации, распределят вас по командам. В каждой будет по семь че-

людей, и от вас ждут, что вы будете вести себя и работать как команда. Поручения, которые вы будете выполнять, будут сообщаться капитану команды и меняться от недели к неделе, а то и день ото дня. Если разнообразие — соль жизни, три последующих месяца станут для вас действительно солеными. И я надеюсь, юные дамы и господа, что здесь, всегда и везде, вы будете помнить об одном. Сделаете мне такое одолжение?

Он помолчал, словно ожидая ответа, но никто из нас не издал ни звука. Мы только смотрели на него, глубокого старика в черном костюме и белой рубашке с расстегнутым воротничком. Когда мистер Истербрук заговорил снова, казалось, будто он обращается к самому себе, во всяком случае, поначалу:

— Этот мир изрядно подпорчен, он полон вражды, и жестокости, и бессмысленного трагизма. Каждому человеческому существу достается своя порция несчастий и бессонных ночей. Те из вас, кто еще этого не знает, весьма скоро это выяснят. С учетом сих печальных, но бесспорных фактов, можно считать, вы этим летом получили бесценный подарок: вы здесь, чтобы продавать веселье. В обмен на заработанные тяжелым трудом доллары наших посетителей вы вручите им кусочки счастья. Детям по возвращении домой будет сниться все, что они здесь видели и делали. Я надеюсь, вы вспомните об этом, когда работа покажется вам тяжелой — а иногда так и будет, — когда вам попадутся грубые люди — а это обычное дело, — или когда ваши усилия, пусть вы и стараетесь изо всех сил, останутся недооцененными. Это другой мир, со своими законами и со своим языком, который мы называем просто — Язык. Вы начнете учить его уже сегодня. И в процессе поймете, что о человеке судят не по словам, а по делам.

Я не собираюсь этого объяснять, поскольку объяснить невозможно. Через это надо пройти.

Том наклонился ко мне и прошептал:

— Учить Язык? Делать дела? Мы попали на собрание анонимных алкоголиков?

Я шикнул на него. Я шел сюда, ожидая, что мне огласят список заповедей, большинство из которых будет начинаться с короткого слова «не», а вместо этого услышал почти поэзию. И это было прекрасно. Брэдли Истербрук оглядел нас и внезапно продемонстрировал свои лошадиные зубы в еще одной улыбке. Широкой, как мир. Эрин Кук завороженно смотрела на него. Как и большинство новичков. Так студенты смотрят на преподавателя, который предлагает им незнакомый и, возможно, замечательный взгляд на жизнь.

— Я надеюсь, вы будете получать удовольствие от работы здесь, а если нет... когда, к примеру, придет ваша очередь надеть шкуру... постарайтесь вспомнить, в каком вы привилегированном положении. В грустном и темном мире мы — маленький островок радости. Многие из вас уже определились с планами на будущее... Вы собираетесь стать врачами, адвокатами, я не знаю... политиками...

— О-БОЖЕ-НЕ-Е-Е-ЕТ! — крикнул кто-то под общий смех.

Невозможно, но улыбка Истербрука стала еще шире. Том продолжал качать головой, однако он уже сдался.

— Ладно, я понял, — прошептал он мне на ухо. — Этот тип — Радостный Иисус.

— Вас ждет интересная, плодотворная жизнь, мои юные друзья. Вы сделаете много хорошего и приобретете замечательный опыт. Но я надеюсь, вы всегда будете вспоминать время, проведенное в «Стране радос-

ти», как что-то особенное. Мы не продаем мебель. Мы не продаем автомобили. Мы не продаем землю, дома или пенсионные фонды. У нас нет политических пристрастий. Мы продаем *веселье*. Никогда этого не забывайте. Спасибо за внимание. А теперь принимайтесь за работу.

Он сошел с трибуны, еще раз поклонился и покинул сцену все той же болезненной походкой, высоко поднимая ноги. Лишь тогда раздались аплодисменты. Он произнес одну из лучших речей, которые я когда-либо слышал, потому что в ней была правда, а не конское дерьмо. И много ли лохов могут написать в своем резюме: *В 1973 году три месяца продавал веселье?* Я про это.

Капитанами назначили сотрудников, которые работали в «Стране радости» с давних пор, а в межсезонье колесили по стране с передвижными парками развлечений. Многие также состояли в Комитете парковых услуг. Последнее означало, что они должны быть в курсе регулирующих постановлений штата и федерального центра (в 1973 году совсем не жестких) и разбираться с жалобами посетителей. В то лето большинство жалоб касалось запрета курения.

Нашу команду возглавил энергичный низкорослый мужчина по имени Гэри Аллен, лет семидесяти с небольшим, который также заведовал «Тиром Энни Оукли», только после первого дня никто этот аттракцион так не называл. На Языке тир именовался стребах, а Гэри — стребахским агентом. Семеро членов команды «Бигль» встретились с ним на его территории, когда он раскладывал винтовки, прикрепленные цепочками к стойке. И моей первой официальной работой в «Стра-

не радости», так же, как у Эрин, Тома и еще четырех парней нашей команды, стало размещение по полкам призов. Гордостью заведения были большие мохнатые набивные зверушки, которых редко кто выигрывал... хотя Гэри говорил, что при большом наплыве он каждый вечер отдавал хотя бы одну.

— Я люблю азартных стрелков, — сообщил он нам. — Да, люблю. А из них я больше всего люблю кругляшек, то есть симпатичных девушек, а лучшие кругляшки — те, что любят глубокий вырез и при стрельбе наклоняются вперед, вот так. — Он схватил винтовку двадцать второго калибра, переделанную под пневматику для стрельбы би-би* (кроме того, при каждом нажатии на спусковой крючок раздавалось громкое и приятное слуху «БАХ!»), и наклонился вперед, чтобы продемонстрировать.

— Если это делает парень, я говорю ему, что он заступил за черту. Кругляшка? Никогда.

Ронни Хьюстон, очкастый, тревожно-мнительный молодой человек в бейсболке Университета Флориды, признался:

— Я не вижу никакой черты, мистер Аллен.

Гэри посмотрел на него, уперев руки в несуществующие бедра. Джинсы держались на них вопреки закону всемирного тяготения.

— Послушай, сынок, я хочу, чтобы ты усвоил три важных момента. Готов?

Ронни кивнул. Он выглядел так, будто ему хотелось записать каждое слово. И спрятаться за нашими спинами.

* Би-би — номер охотничьей дроби по американской системе обозначений В, ВВ, ВВВ; соответствует российскому номеру 2 (диаметр 4,5 мм).

— Момент первый. Ты можешь называть меня Гэри, или Папаня, или «а-ну-иди-сюда-старый-ты-хрыч», но я не школьный учитель, так что забудь про мистера. Момент второй. Я больше не хочу видеть эту гребаную школьную шапку на твоей голове. Момент третий. Черта там, где я скажу. И так каждый вечер. Я могу это сделать, потому что она у меня в го-ло-ве. — Он посту-чал пальцем по впалому, испещренному сосудами виску, чтобы подчеркнуть свою мысль, потом ткнул в при-зы, в мишени и в стойку, куда глупые кролики — они же лохи — выкладывали свои денежки. — Все это у меня в го-ло-ве. Это мысленная черта. Усек?

Ронни не усек, но энергично кивнул.

— А теперь скинул эту жабью шапку. Найди себе козырек с надписью «Страна радости» или шапку Хоуи, Счастливого пса. Считай это работой номер раз.

Ронни живо смахнул с головы бейсболку с буквами «УФ», вышитыми над козырьком, и сунул в задний карман. В тот же день — думаю, в течение часа — он обзавелся бейсболкой с изображением Хоуи, на Языке именуемой песболкой. Три дня над ним подшучивали и звали его салагой, после чего он отправился на автомобильную стоянку, нашел отличное масляное пятно, бросил в него песболку и потоптал от души. Надел — и она выглядела как надо. Или почти. Самому Ронни выглядеть как надо не удавалось. Есть люди, которые до конца своих дней остаются салагами. Я помню, как однажды Том подобрался к нему и сказал, что на песболку хорошо бы помочиться, чтобы добавить ей той самой недостающей малости. Но, увидев по лицу Ронни, что тот воспринял совет абсолютно серьезно, дал задний ход и пробормотал, что того же эффекта можно добиться, окунув песболку в Атлантический океан.

А пока Папаня оглядывал свою команду.

— Кстати, о симпатичных дамах. Я вижу одну среди нас.

Эрин скромно улыбнулась.

— Голливудская девушка, детка?

— Да, мистер Дин так и сказал.

— Тогда тебе надо повидаться с Брендой Рафферти. Она начальник номер два, а также матушка парковых девушек. Она снабдит тебя одним из этих пикантных зеленых платьев. Скажи ей, что ты хочешь супермини.

— Держи карман шире, старый развратник, — ответила Эрин, и они вместе с Гэри дружно расхохотались.

— Дерзкая! Независимая! Мне это нравится? Не то слово! Когда не будешь щелкать кроликов, возвращайся к своему Папане... и я найду тебе работенку. Только сначала переоденься. Чтобы не запачкать платье маслом или опилками. *Сечешь?*

— Да, — ответила Эрин. Вновь деловая, без тени улыбки.

Папаня Аллен взглянул на часы.

— Парк открывается через час, детки, так что будете учиться, пока время мчится. Начнем с аттракционов. — Он распределил нас по одному на каждый, называя их. Мне досталось «Каролинское колесо», чему я был весьма рад. — У меня есть время на один-два вопроса, но не больше. Найдется у кого-нибудь хотя бы один, или вы готовы разойтись?

Я поднял руку. Он кивнул мне и спросил, как меня зовут.

— Девин Джонс, сэр.

— Назови меня еще раз сэром, и ты уволен, малый.

— Девин Джонс, Папаня. — Говорить ему *а-ну-иди-сюда-старый-ты-хрыч* я точно не собирался, во всяком случае, пока. Может, позже, когда мы познакомимся поближе.

— Так-то лучше, — кивнул он. — Так что у тебя в голове, Джонси? Помимо этой рыжеволосой красотки?

— Что означает карни-от-карни?

— Что ты такой же, как старик Истербрук. Его отец работал на ярмарках во времена Пыльного котла*, а дед — еще раньше, когда показывали псевдоиндейское шоу с великим вождем Юлачача.

— Вы, должно быть, шутите! — с восторгом воскликнул Том.

Холодный взгляд Папани разом остудил его... а такое случалось редко.

— Сынок, ты знаешь, что такое история?

— Э... то, что случилось в прошлом?

— Нет, — ответил Аллен, повязывая брезентовый пояс с кармашками для мелочи. — История — это коллективное дерьмо человечества, огромная и постоянно растущая куча дерьма. Сейчас мы стоим на этой куче, но очень скоро на нас начнет валиться дерьмо поколений, которых еще нет. Вот почему одежда ваших предков выглядит так забавно на старых фотографиях, и это только один пример. И как человеку, которому суждено быть погребенным под дерьмом своих детей и внуков, я думаю, тебе надобно быть *чуть более* снисходительным.

Том открыл рот, возможно, для остроумного ответа, но ему хватило мудрости вовремя его закрыть.

* Времена Пыльного котла — серия катастрофических пыльных бурь в прериях США и Канады в 1930–1936 гг.

Тут вопрос задал Джордж Престон, еще один игрок команды «Бигль»:

— Вы тоже карни-от-карни?

— Нет. У моего отца было ранчо в Орегоне. Теперь там работают мои братья. Я — паршивая овца в семье и чертовски этим горжусь. Ладно, если вопросов больше нет, пора заканчивать треп и переходить к делу.

— Могу я задать еще вопрос? — спросила Эрин.

— Только потому, что ты кругляшка.

— Что значит «надеть шкуру»?

Папаня Аллен улыбнулся. Положил руки на стойку своего стребаха.

— Скажи мне, юная дама, а ты догадываешься, что это *может* значить?

— Ну... да.

Улыбка превратилась в ухмылку, обнажившую пожелтевшие клыки капитана нашей команды.

— В таком случае ты скорее всего недалеко от истины.

Что я делал в то лето в «Стране радости»? Все. Продавал билеты. Толкал тележку с поп-корном. Продавал «хворост», сладкую вату, хот-доги в огромном количестве (разумеется, мы называли их хот-хоуи). Именно благодаря хот-хоуи моя фотография попала в газету, но если на то пошло, не я продал того несчастного «щенка»: его продал Джордж Престон. Я работал спасателем и на пляже, и на Счастливом озере, закрытом бассейне, которым заканчивались водные горки «Бултых капитана Немо». Вместе с другими биглями, выстроившись в линию, танцевал в Качай-Болтай под «Птичий ритм», «Теряет ли жвачка за ночь вкус», «Риппи-раппи, зиппи-заппи»

и десятков других бессмысленных песенок. Я также проводил время — и с огромным удовольствием, — приглядывая за детишками, хотя и не имел официального разрешения. В Качай-Болтай при встрече с ревущим ребенком предлагалось кричать: «Давай перевернем эту хмурь с ног на голову!» — и мне это не просто нравилось, у меня получалось. Именно в Качай-Болтай я решил, что завести детей когда-нибудь в будущем — действительно Хорошая идея, а не навеянная Уэнди мимолетная греза.

Я — вместе с другими Счастливыми помощниками — научился пересекать «Страну радости» в считанные секунды, используя переулки за аттракционами, павильонами, лотками, а также три служебных тоннеля, называемые Под-страной, Под-псом и Бульваром. Я тоннами вывозил мусор, обычно на электрокаре по Бульвару, темному и зловещему, подсвеченному древними флуоресцентными трубками, которые мигали и гудели. Несколько раз участвовал в подготовке концертов, передвигал усилители и мониторы, если кто-то из выступавших приезжал позже, чем обещал, и без рабочих сцены.

Я научился говорить на Языке. Что-то — например, *завлекало* вместо бесплатного шоу или *расстрой* вместо сломавшегося аттракциона — пришло от истинных карни, из глубины веков. Другие слова, те же *кругляшки* вместо симпатичных девушек или *хныки* вместо любителей понуть, использовались только в «Стране радости». Полагаю, в других парках развлечений были свои диалекты, но в основе всех лежал Язык карни-откарни. Мозгоед — кролик (обычно хнык), недовольный тем, что приходится долго стоять в очереди. Последний час рабочего дня (в «Стране радости» — между десятью и одиннадцатью вечера) — финиш. Кролик, который проиграл на каком-то аттракционе и хочет вернуть свои

деньги, — халявщик. Скворечник — туалет. «Эй, Джонси, гони в скворечник у “Лунной ракеты”, какой-то тупой хнык только что блеванул в раковину».

Работа в торговых точках (известных как заведения) давалась нам особенно легко, и действительно, любой, кто мог правильно отсчитать сдачу, имел достаточную квалификацию, чтобы толкать тележку с поп-корном или стоять за прилавком сувенирного киоска. Научиться управлять аттракционами оказалось ненамного сложнее, хотя поначалу было страшновато, потому что от тебя зависела жизнь людей, по большей части малышни.

— Готов к уроку? — спросил меня Лейн Харди, когда я подошел к «Каролинскому колесу». — Хорошо. Главное, пришел вовремя. Парк открывается через двадцать минут. У нас как на флоте: увидел, сделал, научил другого. Сейчас тот самый крепкий парень, который стоял рядом с тобой...

— Том Кеннеди.

— Понятно. Сейчас он учится управлять «Дьявольскими фургонами». Когда-нибудь... может, уже сегодня, он научит тебя, как управлять тем аттракционом, а ты научишь его, как управлять колесом. Это, кстати, австралийское колесо, то есть вертится против часовой стрелки.

— Это важно?

— Нет, зато интересно. В Штатах таких немного. У него две скорости. Медленная и действительно медленная.

— Потому что это пенсионерский аттракцион.

— Точняк. — Лейн кивнул на длинный рычаг управления (я видел, как он пользовался им в тот день, когда

меня принимали на работу), затем велел взяться за надетую на его конец резиновую рукоятку с велосипедного руля. — Чувствуешь щелчок, когда сцепляет?

— Да.

— Это «стоп». — Он положил руку на мою и двинул рычаг вверх, до упора. На этот раз раздался более громкий щелчок, огромное колесо разом остановилось, кабинки мягко закачались. — Пока все понятно?

— Пожалуй. Послушайте, а разве мне не нужно разрешение, или лицензия, или что-то такое, чтобы управлять этой машиной?

— У тебя же есть водительское удостоверение?

— Конечно, выданное в штате Мэн, но...

— В Северной Каролине водительского удостоверения достаточно. Со временем введут дополнительные ограничения, иначе быть не может, но не в этом году, так что пока все тип-топ. Теперь слушай внимательно, потому что это самая важная часть. Видишь желтую линию на каркасе?

Я видел. Справа от пандуса, ведущего к посадочной площадке.

— На дверце каждой кабинки есть изображение Счастливого пса. Как только ты видишь, что пес поравнялся с желтой линией, надо сразу двигать рычаг, и кабинка остановится там, где в нее смогут сесть люди. — Он снова двинул рычаг. — Видишь?

Я ответил, что да.

— Пока колесо не накачалось...

— Что?

— Заполнилось. Накачалось — значит, заполнилось. Не спрашивай, откуда и почему. Пока колесо не накачалось, ты перемещаешь ручку между «стоп» и «очень медленно». Как только загрузка полная — а в

хороший сезон такое бывает большую часть времени, — ты включаешь нормальную медленную скорость. И у них четыре минуты. — Он указал на портативный радиоприемник. — Это моя громышалка, но правило таково: кто рулит аттракционом, тот и выбирает музыку. Однако никакого зубодробительного рок-н-ролла — «Ху», «Зеп», «Стоунз» и им подобных — до захода солнца. Это понятно?

— Да. А как мне их выпускать?

— Точно так же. Очень медленная скорость, стоп. Очень медленная, стоп. Всегда совмещай Счастливого пса с желтой линией, и тогда кабинки будут останавливаться у площадки. Колесо может делать десять оборотов в час. При полной загрузке это более семисот человек, то есть практически дэшка.

— А если на английском?

— Пять сотен долларов.

Я неуверенно посмотрел на него.

— Но мне ведь не придется им управлять? Я хочу сказать, это ваш аттракцион.

— Это аттракцион Брэда Истербрука, малыш. Как и любой другой. Я всего лишь наемный работник, хотя и проработал здесь несколько лет. Большую часть времени — но не *все* время — я рулю этим колесом. И послушай, перестань потеть. На некоторых ярмарках это делали покрытые татуировками полупьяные байкеры, а если уж справлялись они, у тебя тем более получится.

— Ну, раз уж вы так говорите.

Лейн вскинул руку.

— Ворота открыты, и кролики уже идут по авеню Радости. Ты остаешься со мной на три поездки. Потом обучишь всех остальных членов своей команды, в том числе и вашу Голливудскую девушку. Лады?

Какие там лады! Мне предстояло отправлять людей на высоту сто семьдесят футов после пятиминутного обучения. Безумие.

Он сжал мое плечо.

— У тебя все получится, Джонси. Поэтому обойдемся без «раз уж вы так говорите». Скажи: все путем.

— Все путем.

— Хороший мальчик. — Он включил радио, уже подсоединенное к громкоговорителю, который висел на каркасе «Колеса». «Холлис» запели «Высокую классную женщину в черном платье», а Лейн вытащил из заднего кармана джинсов перчатки из сыромятной кожи. — Добудь себе такие же, они тебе пригодятся. Далее, тебе надо научиться зазывать народ. — Он наклонился к коробке из-под апельсинов — которую, похоже, всюду таскал с собой, — взял мегафон, поставил ногу на коробку и начал обрабатывать толпу.

— Эй, ребята, заходите, время клево проведите. Не зевайте, налетайте, летний дух за хвост хватайте. Поднимайтесь ввысь, где воздух — просто зашибись. Веселятся все на нашем колесе.

Он опустил мегафон и подмигнул мне.

— Вот так я это делаю, более или менее. После станчика-другого получается еще лучше. Тебе придется придумать текст самому.

Когда я управлял колесом в первый раз, руки у меня дрожали от ужаса, но к концу первой недели я уже стал профессионалом, пусть Лейн и говорил, что над текстом мне еще работать и работать. Я также хорошо справлялся с «Чашками-вертушками» и «Дьявольскими фургонами»... хотя для управления последними требовалось совсем ничего: просто нажимать зеленую кнопку «СТАРТ» и красную «СТОП» да растаскивать

электромобили, которые лохам удавалось сбивать в кучу не меньше четырех раз за четырехминутную поездку. Только относительно «Дьявольских фургонов» термин «поездка» не использовался. Эти четыре минуты назывались шухером.

Я учил Язык; я изучал географию, наземную и подземную; я учился, как работать в заведении, что делать в стрелках, как дарить плюшевые игрушки кругляшкам. Потребовалась неделя, чтобы все это более-менее переварить, а через две я уже начал чувствовать себя достаточно комфортно. Что значит «надеть шкуру», я узнал в самый первый день, вскоре после полудня, и так уж вышло — не знаю, к добру или к худу, — что Брэдли Истербрук в это самое время оказался в Качай-Болтай, сидел на лавочке и ел свой обычный ленч, тофу и пророщенные бобы (едва ли такое подавали в парках развлечений, но не следовало забывать, что пищеварительная система старика поизносилась со времен «сухого закона» и девушек-бабочек*).

После моего первого появления — экспромтом — в образе Хоуи я часто влезал в шкуру. Потому что у меня хорошо получалось, и мистер Истербрук это знал. Именно в шкуре, где-то месяц спустя, я встретил на авеню Радости маленькую девочку в красной шапочке.

Тот первый день весьма напоминал дурдом. До десяти утра я крутил «Каролинское колесо» с Лейном, потом полтора часа в одиночестве, пока он носился по

* Имеются в виду девушки 1920-х гг., для которых короткие юбки и короткие стрижки были одновременно модной тенденцией и социальной позицией.

парку, устанавливал фейерверки по случаю дня открытия. К тому времени я уже не верил, что колесо может выйти из-под контроля, как карусель в старом фильме Альфреда Хичкока. Что меня поразило, так это доверчивость людей. Ни один папаша с детьми, откликнувшийся на мой призыв прокатиться, не спросил меня, а знаю ли я, что делаю. Я прокрутил колесо меньшее число раз, чем полагалось — слишком яростно всматривался в чертову желтую линию, так, что разболелась голова, — но оно постоянно накачивалось.

Однажды ко мне подошла Эрин, красивая, как картинка, в зеленом платье Голливудской девушки, и сфотографировала несколько семей, стоявших в очереди. Щелкнула и меня: я до сих пор где-то храню эту фотографию. Когда колесо вновь завертелось, она схватила меня за руку — капельки пота блестят на лбу, губы чуть разведены в улыбке, глаза сияют.

— Круто? — спросила она.

— Пока я никого не убил, круто, — ответил я.

— Если какой-нибудь маленький ребенок выпадет из кабинки, тебе всего-то надо его поймать. — И, одарив меня еще одной навязчивой идеей, она убежала в поисках новых фотомоделей. В то летнее утро многие хотели позировать роскошной рыжеволосой девице. И, если на то пошло, она говорила чистую правду. Это было круто.

Примерно в половине двенадцатого Лейн вернулся. К тому времени я так освоился с управлением колеса, что с некоторой неохотой передал ему рычаг управления.

— Кто твой командир, Джонси? Гэри Аллен?

— Он самый.

— Что ж, тогда иди в стробах и узнай, что он приготовил для тебя. Если повезет, он отправит тебя в лежку, чтобы ты перекусил.

— А что такое лежка?

— Место, куда ходят сотрудники, когда у них перерыв на еду. В большинстве парков это автомобильная стоянка или лужайка за трейлерами, но в «Стране радости» есть свой «люкс». Уютная комната отдыха на пересечении Бульвара и Под-пса. Спустишься по лестнице между воздушными шариками и метателями ножей. Тебе там понравится, но поесть ты сможешь лишь после кивка Папани. Я не хочу цапаться со старым мерзавцем. Его команда — это его команда, у меня есть своя. Ленч у тебя с собой?

— Я не знал, что его надо приносить.

Он улыбнулся:

— Со временем всему научишься. Сегодня загляни в заведение Эрни с большим пластмассовым петухом на крыше: там жарят кур. Покажи ему свое удостоверение «Страны радости», и он даст тебе скидку, полагающуюся сотрудникам.

Я поел жареной курятины у Эрни, но только в два часа пополудни: Папаня нашел мне занятие.

— Иди в костюмерную, это трейлер между техслужбой парка и столярной мастерской. Скажешь Дотти Лассен, что тебя прислал я. Эта чертова женщина уже выпрыгивает из своего пояса для чулок.

— Хотите, чтобы я сначала помог вам перезарядить винтовки? — Тир тоже накачался. У стойки толпились старшекласники, которым не терпелось выиграть неуловимые плюшевые игрушки. Другие лохи (так я мысленно называл посетителей парка) стояли в три ряда

позади тех, кто стрелял. Руки Папани Аллена по ходу разговора со мной не замирали ни на секунду.

— Я хочу, чтобы ты сел на пони и мчался галопом. Я занимался этим дерьмом еще до того, как ты родился. Ты, кстати, кто, Джонси или Кеннеди? Я знаю, ты не дундук в шапке из колледжа, но, кроме этого, ничего не помню.

— Джонси.

— Что ж, Джонси, тебе предстоит провести занимательный час в Качай-Болтай. Во всяком случае, он будет занимательным для деток. Для тебя, может, и не очень. — И он обнажил желтые клыки в фирменной ухмылке Папани Аллена, которая придавала ему сходство с пожилой акулой. — Наслаждайся шкурой.

Костюмерная тоже напоминала дурдом, женщины бегали из стороны в сторону. Дотти Лассен, худощавая женщина, которой пояс для чулок требовался не больше, чем мне туфли на платформе, подлетела ко мне, едва я переступил порог. Она впилась пальцами с длинными ногтями в мою подмышку и потащила меня мимо клоунских костюмов, ковбойских костюмов, гигантского костюма дяди Сэма (тут же, у стены, стояли ходули), пары нарядов принцесс, стойки с платьями Голливудских девушек, стойки со старомодными купальными костюмами «Веселые девяностые» — которые, как потом выяснилось, мы носили, когда работали спасателями. В самой глубине крохотного помещения нашлось место для десятка скукожившихся собак. Все были на одну морду, Хоуи, само собой, с радостной глуповатобаятельной ухмылкой, большими синими глазами и

мохнатыми ушами торчком. По спине, от шеи до хвоста, тянулась молния.

— Господи, ну ты и высокий! — воскликнула Дотти. — Слава Богу, на прошлой неделе мне починили самый большой костюм. Парень, который носил его в прошлом году, разорвал обе подмышки. И под хвостом была дыра. Наверное, ел много мексиканской еды. — Она схватила со стойки Хоуи размера «икс-эль» и сунула мне. Хвост обвил мою ногу, как питон. — Иди в Качай-Болтай, и быстро-быстро. Этим следовало заняться Батчу Хэдли из «Корги»... или я так думала... но он говорит, что вся его команда сейчас пашет на мидвее. — Я понятия не имел, что это значит, а Дотти не дала мне времени спросить. Она закатила глаза, то ли от смеха, то ли окончательно свихнувшись. — Ты скажешь: «Что с того?» И я отвечу тебе, в чем причина, салага: мистер Истербрук обычно ест там ленч, он *всегда* ест там ленч в первый день работы парка. Он очень огорчится, если не увидит Хоуи.

— Кого-то могут уволить?

— Нет, смысл в том, что он очень огорчится. Покрутись здесь немного, и ты поймешь, как это плохо. Никто не хочет его огорчать, потому что он великий человек. Это, конечно, мило, но что более важно, он еще и хороший человек. В этом бизнесе хорошие люди встречаются реже, чем зубы у курицы. — Она посмотрела на меня и издала звук, словно маленький зверек, угодивший лапкой в капкан. — Господи Иисусе, ну ты и высокий. И зеленый, как трава. Но тут уж не поможешь.

Мне хотелось задать миллиард вопросов, но мой язык прирос к нёбу. Я мог только смотреть на скукожившегося Хоуи, который, казалось, в ответ уставился

на меня. Знаете, кем я себя в тот момент почувствовал? Джеймсом Бондом в том фильме, где его привязали к какому-то безумному устройству для казни. *Вы рассчитываете, что я заговорю?* — спрашивает он у Голдфингера, а Голдфингер весело отвечает: *Нет, мистер Бонд! Я рассчитываю, что вы умрете!* Я чувствовал себя привязанным к машине счастья, а не к машине смерти, но в остальном все совпадало. Как я ни пытался угнаться за событиями этого первого дня, он неизменно оказывался быстрее.

— Отнеси его в лежку, малыш. Пожалуйста, скажи мне, что знаешь, где это.

— Знаю. — Слава Богу, Лейн мне сказал.

— Что ж, выходит, чему-то ты уже научился. Когда придешь туда, раздешься до трусов. Если оставишь что-то еще, изжаришься. И... кто-нибудь говорил тебе о Первом правиле карни, малыш?

Я полагал, что да, но предпочел промолчать. Решил, что так безопаснее.

— Всегда знай, где твой бумажник. В этом парке воровства поменьше, чем в тех местах, где я работала в молодости, и слава Богу, но Первое правило никуда не делось. Давай его сюда, я спрячу.

Я без единого слова протянул бумажник.

— Теперь иди. Прежде чем разденешься, выпей побольше воды. Пей, пока у тебя не раздуется живот. И ничего не ешь. Мне плевать, сильно ли ты голоден. Я видела, как ребята получали тепловой удар и блевали в костюмы Хоуи. Результат получался не очень. Костюм потом всегда приходилось выбрасывать. Налейся водой, раздешься, надень костюм, попроси кого-нибудь застегнуть молнию и бегом по Бульвару в Качай-Болтай. Там есть указатель, не заблудишься.

Я с сомнением посмотрел на большие синие глаза Хоуи.

— Сетчатые накладки, — пояснила она. — Не волнуйся, будешь все видеть.

— Но что я должен делать?

Она посмотрела на меня, сначала серьезно. А потом ее лицо — не только рот и глаза, все лицо — расплылось в улыбке. К улыбке присоединился смех, странный, словно она смеялась через нос.

— Ты справишься. — Я это слышал не в первый раз. — Вживайся в роль, малыш. Просто найди пса, который скрывается в тебе самом.

Когда я добрался до лежки, там перекусывали с десятков новичков и несколько старожилов. Среди новичков были две Голливудские девушки, но о скромности пришлось забыть. Напившись из фонтанчика, я разделся до трусов и кроссовок. Расправил костюм Хоуи и засунул ноги в задние лапы.

— Шкура! — крикнул один из старожилов и шарахнул кулаком по столу. — Шкура! Шкура! Шкура!

Другие подняли головы, и вся лежка принялась скандировать это слово, а я стоял в одних трусах, по лодыжки одетый в костюм Хоуи. Ощущение было такое, будто я оказался в центре бунта в тюремной столовой. Мне редко доводилось попадать в столь глупую ситуацию... но при этом я странным образом чувствовал себя героем. Шоу-бизнес — он всегда шоу-бизнес, а сейчас я выходил на сцену. И плевать, что я понятия не имел, какая у меня роль.

— Шкура! Шкура! ШКУРА! ШКУРА!

— Кто-нибудь застегнет мне молнию? — крикнул я. — Мне надо побыстрее добраться до Качай-Болтай!

Одна девушка оказала мне честь, и я сразу понял, почему носить шкуру столь проблематично. В лежке работал кондиционер — в подземке «Страны радости» кондиционеры работали везде, — но меня уже прошиб пот.

Кто-то из старожилов подошел ко мне и добродушно похлопал по голове.

— Я тебя подвезу, сынок. Электрокар у двери. Запрыгивай.

— Благодарю.

— Гав-гав! — раздалось мне вслед, и все снова расхохотались.

Мы покатали по Бульвару в свете зловещих, мигающих флуоресцентных трубок, морщинистый старик в зеленой униформе уборщика и огромная немецкая овчарка с синими глазами. Старик подъехал к лестнице, отмеченной стрелкой и надписью «КАЧБОЛ».

— Ничего не говори. Хоуи никогда не разговаривает, только обнимает и гладит по головке. Удачи тебе. Если почувствуешь, что перед глазами все плывет, мотай оттуда к черту. Дети не должны видеть, как Хоуи падает на землю от теплового удара.

— Понятия не имею, что надо делать, — признался я. — Никто мне так и не сказал.

Мне неизвестно, был ли этот старик карни-от-карни или нет, но о «Стране радости» он кое-что знал.

— Это не важно. Все дети любят Хоуи. Они сами поймут, что делать.

Я вылез из электрокара, чуть не упал, наступив на хвост, схватил его левой передней лапой, откинул эту чертову штуковину в сторону. С трудом поднялся по лестнице, взялся за ручку двери. Уже слышал музыку,

что-то смутно знакомое, из раннего детства. Наконец повернул ручку. Дверь открылась, и яркий свет хлынул сквозь сетчатые синие глаза Хоуи, на мгновение ослепив меня.

Музыка стала громче, она лилась из динамиков над головой, и я уже понял, что это за мелодия: «Хоки-поки», хит всех времен для начальной школы. Я увидел качели, горки, доски-качалки, сложный игровой городок, мини-карусель, которую вращал новичок с длинными пушистыми заячьими ушами на голове и прицепленным сзади к джинсам хвостом-пуховкой. Мимо пропыхтел «Чу-Чу-Качай», игрушечный поезд, способный развить чудовищную скорость в четыре мили в час, набитый детьми, которые послушно махали руками вооруженным фотоаппаратами родителям. Множество детей мельтешило вокруг под присмотром летних помощников и пары сотрудников постарше, работавших на постоянной основе и, вероятно, имевших лицензию на работу с детьми. Эти двое, мужчина и женщина, носили футболки с надписью «МЫ ЛЮБИМ СЧАСТЛИВЫХ ДЕТЕЙ». А прямо передо мной находилось длинное здание — дневной детский клуб «Веселый дом Хоуи».

Увидел я и мистера Истербрука. Он сидел на лавочке под зонтиком с логотипом «Страны радости», все в том же костюме грововщика, и ел ленч палочками. Поначалу он меня не заметил, поскольку смотрел на детей, которых парочка новичков вела крокодильим строем к «Веселому дому Хоуи». Как я потом выяснил, малышей могли оставлять здесь максимум на два часа, пока родители отводили детей постарше на большие аттракционы или обедали в «Лангусте», первоклассном ресторане на территории парка.

Позже я также выяснил, что «Дом Хоуи» предназначался для детей от трех до шести лет. Многие малыши держались достаточно уверенно, привыкшие, что днем с ними находятся чужие люди, а оба родителя работают. Другие, наоборот, нервничали. Может, поначалу они крепились, слышали голоса папочки и мамочки, заверявших, что они снова будут вместе через час или два (как будто четырехлетний ребенок представляет себе, что такое час), но теперь остались одни, в шумном и непонятном месте, заполненном незнакомцами, а мамочка и папочка исчезли из виду. Некоторые уже плакали. Одетый в костюм Хоуи, глядя на мир через сетку и потев, как свинья, я подумал, что являюсь свидетелем чисто американского способа жестокого обращения с детьми. Разве можно приводить ребенка — чего там, совсем *малыша* — в такое шумное и многолюдное место, как парк развлечений, чтобы скинуть его незнакомым нянькам, пусть и на короткое время?

Новички, возглавлявшие крокодилий строй, видели слезы малышей (страх — еще одна детская болезнь, совсем как корь), но на их лицах читалась полная беспомощность. Да и откуда им было знать, что делать? Они работали первый день, и их тоже бросили на прорыв, проинструктировав примерно так же, как инструктировал меня Лейн Харди перед тем, как оставить управлять чертовым колесом. *Но по крайней мере дети младше восьми лет не могли кататься на колесе без взрослых*, подумал я, а эти малыши предоставлены сами себе.

Я тоже не знал, что делать, но чувствовал, что должен сделать хоть что-нибудь, а потому направился к детям, подняв передние лапы и отчаянно виляя хвостом (я ощущал, как он болтается сзади). И когда первые

двое или трое заметили Хоуи и принялись указывать руками, меня осенило. Помогла музыка. Я остановился на пересечении Мармеладной дороги и Леденцовой авеню, прямо под двумя гремящими динамиками. Ростом под семь футов, с учетом мохнатых ушей торчком, я, без сомнений, представлял собой внушительное зрелище. Я поклонился детям, которые уже смотрели на меня, широко раскрыв глаза и рты. И принялся танцевать «Хоки-поки».

Печаль и ужас от расставания с родителями забылись, по крайней мере на время. Они смеялись, некоторые еще со слезами, блестящими на щеках. Не решались подойти вплотную, во всяком случае, пока я неуклюже танцевал, но сгрудились толпой. В глазах стояло только изумление — никакого страха. Они все знали Хоуи. Те, кто жил в Каролинах, видели его в дневном телешоу, и даже далекие пташки, залетевшие из Сент-Луиса и Омахи, встречали Счастливого пса в буклетах и рекламных роликах, которые крутили субботним утром в промежутках между мультфильмами. Они понимали: Хоуи — *большой* пес, но он *добрый*. Он никогда не укусит. Он — их друг.

Левую лапу влево, левую лапу вправо, левую лапу влево, и делаем все сначала. Я танцевал «Хоки-поки», и меня это заводило, потому что — как знали чуть ли не все маленькие дети Америки — для того этот танец и придумали. Я забыл, что мне жарко и неудобно в меховом костюме. Не думал о том, что трусы влезли между ягодицами. Позже у меня будет дико болеть голова, но тогда я чувствовал себя хорошо... если на то пошло, даже отлично. И знаете что? Я думать забыл про Уэнди Киган.

Когда музыка переменялась на мелодию из «Улицы Сезам», я перестал танцевать, упал на одно меховое колено и вытянул вперед руки, как Эл Джолсон.

— *ХОУ-У-У-УИ!* — закричала маленькая девочка, и даже спустя столько лет я помню нотку искреннего восторга в ее голосе. Она побежала ко мне, розовая юбка кружилась вокруг пухлых ножек. Пример оказался разительным. Упорядоченный крокодилий строй рассыпался.

Дети поймут, что делать, сказал мне старожил «Страны радости», и он знал, что говорил. Сначала они облепили меня, свалили с ног, потом окружили, обнимая и смеясь. Маленькая девочка в розовой юбке вновь и вновь целовала мою морду, крича при этом: «Хоуи, Хоуи».

Некоторые родители, решившиеся войти в Качай-Болтай, чтобы сфотографировать детей, стояли, зачарованные не меньше своих крошек. Я пошлепал лапами, чтобы освободить немного места, перекатился на живот и поднялся, прежде чем дети успели раздавить меня своей любовью. Хотя в тот момент я тоже их любил. И это грело душу.

Я не видел, как мистер Истербрук сунул руку в карман, достал рацию и что-то коротко сказал. Услышал только, как мелодия «Улицы Сезам» резко оборвалась, и вновь зазвучала «Хоки-поки». Что ж, правая лапа вправо, правая лапа влево... Детки все поняли сразу, их глаза не отрывались от меня, они не хотели пропустить ни одного движения.

Очень скоро мы все танцевали «Хоки-поки» на пересечении Мармеладной улицы и Леденцовой авеню. К нам присоединились и новички, которым выпало приглядывать за детьми. Будь я проклят, если к нам не

присоединились и некоторые родители. Я даже поворачивал длинный хвост влево, а потом поворачивал длинный хвост вправо. С радостным смехом малыши проделывали то же самое, только с невидимыми хвостами.

Когда песня закончилась, я энергично взмахнул левой лапой (так уж вышло, что в этот момент в ней оказался хвост, а потому я чуть не вырвал проклятую хреновину, доставившую мне столько хлопот), мол, «за мной!», и повел детей к «Веселому дому Хоуи». Они послушно пошли, как дети Гамельна за дудочником, и ни один не плакал. На самом деле это был не лучший день моей блестящей (без преувеличений) карьеры в роли Хоуи, Счастливого пса, но уж точно не самый худший.

Когда все они благополучно вошли в «Дом Хоуи» (маленькая девочка в розовой юбке остановилась в дверях, чтобы помахать мне на прощание рукой), я развернулся на сто восемьдесят градусов и остановился, но мир продолжил вращение. Пот заливал глаза, детский городок Качай-Болтай и все остальное двоилось. Я зашатался на задних лапах. Все представление, от первых движений «Хоки-поки» до прощального взмаха руки маленькой девочки, заняло только семь минут — максимум девять, — но они вымотали меня донельзя. Я потащился в ту сторону, откуда пришел, не зная, что мне теперь делать.

— Сынок, иди сюда.

Мистер Истербрук. Он держал открытой дверь в подсобку закусочной «Приятного аппетита». Возможно,

я пришел сюда именно через нее, но тогда, снедаемый тревогой и волнением, не обратил на это внимания.

Он провел меня в подсобку, закрыл за нами дверь, расстегнул молнию на спине костюма. На удивление тяжелая голова Хоуи свалилась с моей, пылающая, потная, пока еще по-зимнему белая кожа принялась впитывать благословенный кондиционированный воздух. По ней тут же побежали мурашки. Я делал отрывистые глубокие вдохи.

— Присядь на ступеньки, — предложил мистер Истербрук. — Я через минуту вызову машину, но сейчас тебе надо отдышаться. Первый выход в образе Хоуи всегда дается тяжело, да и представление, которое ты устроил, отняло много сил. Замечательное представление.

— Спасибо, — удалось выдать мне. Только оказавшись в спокойном, прохладном месте, я осознал, что практически вплотную подошел к пределу своих возможностей. — Премного вам благодарен.

— Опустить голову, если чувствуешь, что теряешь сознание.

— Все в порядке. Голова, правда, болит. — Я достал одну руку из костюма Хоуи и вытер лицо, по которому градом катил пот. — Вы меня просто спасли.

— Максимальное время, в течение которого можно носить костюм Хоуи в жаркий день — я говорю про июль и август, когда влажность высокая, а температура выше девяноста градусов*, — пятнадцать минут, — объяснил мистер Истербрук. — Если кто-то попытается сказать тебе иное, пошли его прямо ко мне. А тебе я рекомендую проглатывать пару соляных таблеток, преж-

* По Фаренгейту; примерно 32 °C.

де чем надевать костюм. Мы хотим, чтобы наши сотрудники работали в поте лица, но мы не хотим вас убивать.

Он достал рацию и что-то сказал, коротко и спокойно. Пять минут спустя все тот же старожил подъехал на своем электрокаре с двумя таблетками анацина и бутылкой божественно холодной воды. Все это время мистер Истербрук беседовал со мной, предварительно с предельной осторожностью — я даже встревожился, не сломает ли он чего — опустившись на верхнюю ступеньку лестницы, которая вела к Бульвару.

— Как тебя зовут, сынок?

— Девин Джонс, сэр.

— Они называют тебя Джонси? — Ответа он дожидаться не стал. — Естественно, называют, так принято у карни, а вся «Страна радости» — слегка перелицованный ярмарочный парк развлечений. Такие места долго не протянут. «Диснеи» и «Ягодные фермы Нотта» будут заправлять в мире парков развлечений, разве что сюда не доберутся. Скажи мне, если оставить в стороне жару, как тебе первое выступление в шкуре?

— Мне понравилось.

— Почему?

— Наверное, потому что некоторые из них плакали, я думаю.

Он улыбнулся:

— И?..

— Скоро они все бы плакали, но я этого не допускал.

— Да. Ты станцевал «Хоки-поки». Гениальная идея. Откуда ты знал, что это сработает?

— Я не знал. — Хотя, если честно... знал. На каком-то подсознательном уровне.

Он улыбнулся:

— В «Стране радости» мы бросаем наших новичков... желторотых птенцов... в гущу событий безо всякой подготовки, потому что в некоторых людях — в некоторых *одаренных* людях — такой стресс вызывает спонтанную реакцию, необычную и ценную, как для нас, так и для наших посетителей. Ты сегодня кое-что узнал о себе?

— Господи, не представляю. Возможно. Но... могу я задать вопрос, сэр?

— Спрашивай о чем хочешь.

Я замялся, потом решил поймать его на слове:

— Оставлять детей под присмотром чужаков... оставлять детей в парке развлечений... мне кажется... ну, не знаю... это жестоко. — И торопливо добавил: — Хотя Качай-Болтай рассчитан на малышей. Тут им действительно весело.

— Ты должен кое-что понять, сынок. В «Стране радости» мы работаем вот с такой прибылью. — Он оставил крошечный зазор между большим и указательным пальцами. — Когда родители знают, что за их малышами приглядят хотя бы пару часов, они приезжают всей семьей. Если им придется нанимать няню дома, они скорее всего не приедут, и тогда наша прибыль бесследно исчезнет. Я понимаю твою логику, но у меня есть своя. Большинство малышей никогда не были в таком месте, как наш парк. Они запомнят его, как запомнят первый фильм или первый день в школе. Благодаря тебе они не запомнят своих слез, вызванных разлукой с родителями. Они запомнят, как танцевали «Хоки-поки» с Хоуи, со Счастливым псом, который появился, как по мановению волшебной палочки.

— Пожалуй.

Мистер Истербрук протянул руку, но не ко мне, а к Хоуи. Заговорил, глядя мех узловатыми пальцами:

— В парках Диснея все расписано до мелочей, и я это ненавижу. *Ненавижу*. Я думаю, то, что делают в Орландо, — пародия на развлечения. Считаю, все должно идти от души, и иногда встречаю человека, который интуитивно знает, как развлекать людей. Возможно, ты именно такой. Еще слишком рано, чтобы сказать наверняка, но да, возможно, ты такой. — Он положил руки на поясницу и потянулся. Я услышал, как неожиданно громко захрустели кости. — Позволишь доехать с тобой на электрокаре до лежки? Думаю, на сегодня мне солнышка хватит.

— Мой электрокар — ваш электрокар. — Поскольку «Страна радости» принадлежала ему, я говорил честную правду.

— Я думаю, этим летом ты часто будешь носить шкуру. Большинство молодых людей считают, что это тяжелая работа, даже наказание. Не верю, что у тебя возникнут такие мысли. Или я ошибаюсь?

Он не ошибался. За последующие годы чего я только не делал, и моя нынешняя редакторская работа — возможно, последняя, перед суровой реальностью выхода на пенсию — очень хороша, но я никогда не чувствовал что необыкновенно счастлив, что нахожусь именно на своем месте, как там, в парке развлечений, когда в шкуре танцевал «Хоки-поки» в жаркий июньский день.

Импровизация, детка.

После того лета мы с Томом и Эрин остались друзьями, и с Эрин я дружу до сих пор, хотя теперь мы общаемся посредством электронной почты и «Фейсбука»

и разве что иногда встречаемся за ленчем в Нью-Йорке. Я никогда не видел ее второго мужа. Она говорит, что он хороший парень, и я ей верю. Почему нет? Пробыв восемнадцать лет замужем за мистером Первым Хорошим Парнем и имея возможность сравнивать, едва ли она могла выбрать лузера.

Весной 1992 года у Тома диагностировали опухоль мозга. Через шесть месяцев он умер. Когда он позвонил мне и сказал, что болен, непривычно прерывистым голосом — из-за ядра, что болталось взад-вперед у него в голове, — я был потрясен и подавлен, как, должно быть, любой человек, узнавший, что его друг, которому положено находиться в расцвете сил, на самом деле стремительно приближается к финишной черте. Тут, конечно, хочется спросить: а где же справедливость? Разумеется, Том имел полное право пожить дольше, чтобы с ним приключилось еще что-нибудь хорошее, скажем, появилась пара внуков и возможность провести отпуск на Мауи, о чем он так давно мечтал.

За время моего пребывания в «Стране радости» я только однажды слышал, как Папаня Аллен сказал «спалить поляну». На Языке это означало откровенно надуть лохов во вроде бы честной игре. Впервые за многие годы я вспомнил об этом, когда Том позвонил, чтобы сообщить плохую весть.

Но разум защищается до последнего, пока есть хоть малейшая возможность. После того как первый шок рассеивается, ты думаешь: *Ладно, это плохо, признаю, но это же не конец, еще есть шанс. Даже если девяносто пять процентов людей, вытянувших именно эту карту, умирают, остаются пять процентов счастливицков. Опять же врачи постоянно ошибаются с диагнозом. А если никакой ошибки и нет, иной раз случается чудо.*

Ты так думаешь, но потом тебе звонят вновь. И звонит женщина, прежде — красивая девушка, которая бегала по «Стране радости» в облегающем зеленом платье и глупой робин-гудовской шляпке, с большим старым фотоаппаратом «Спид график» в руках, и сфотографированные ею кролики крайне редко отказывались от фотографий. Да и как они могли сказать «нет» девушке с огненно-рыжими волосами и ослепительной улыбкой? Как кто-то мог сказать «нет» Эрин Кук?

Что ж, Бог сказал «нет». Бог спалил поляну Тома Кеннеди — и в процессе спалил и поляну Эрин. Когда я взял трубку в половине шестого великолепного октябрьского вечера в Уэстчестере, эта девушка превратилась в женщину, голос которой, осипший от слез, звучал так, будто она совсем старая и устала до смерти.

— Том умер в два часа дня. Очень спокойно. Уже не мог говорить, но находился в сознании. Он... Дев, он пожал мне руку, когда я сказала «прощай».

— Жаль, что я не мог быть с тобой, — ответил я.

— Да. — Ее голос поплыл, но тут же вновь окреп. — Да, очень жаль.

Ты думаешь: *Ладно, я это переживу. Я готов к худшему*, — но все равно лелеешь маленькую надежду, и именно она портит тебе жизнь. Просто убивает тебя.

Я поговорил с ней. Сказал, как сильно люблю ее и как сильно любил Тома. Я сказал, что да, я приеду на похороны, и если есть что-то такое, что я могу сделать до этого, пусть она обязательно позвонит. В любое время дня и ночи. Потом положил трубку, опустил голову и выплакал — черт бы их побрал — все глаза.

Прощание с моей первой любовью не шло ни в какое сравнение со смертью одного моего давнего друга и горем другого, но сопровождалось такими же пере-

живаниями. Абсолютно такими же. И если мне тогда казалось, что наступил конец света, сначала вызвавший мысли о суициде (пусть глупые и апатичные), а потом сейсмический сдвиг в моем ранее незыблемом курсе жизни, вы должны понимать, что у меня не было шкалы, по которой я мог оценить масштаб случившегося. Обычное дело для молодых.

По мере того как июнь катился к июлю, я начал осознавать, что мои отношения с Уэнди так же больны, как роза Уильяма Блейка, но отказывался верить, что они *смертельно* больны, хотя признаки становились все более явными.

К примеру, письма. В первую неделю моего пребывания у миссис Шоплоу я написал Уэнди четыре длинных письма, пусть даже работа в «Стране радости» валяла с ног, и каждый вечер я с трудом заползал в мою комнату на втором этаже, с головой, набитой новой информацией и новым жизненным опытом, чувствуя себя подростком, которого определили изучать еще один обязательный сложный предмет (например, высшую физику развлечений) с середины семестра. В ответ я получил единственную открытку с изображением центрального бостонского парка Коммэн на лицевой стороне и весьма странной надписью на оборотной, за двойным авторством. Сверху незнакомым мне почерком было написано: *Уэнни пишет открытку, пока Ренни ведет автобус!* Ниже Уэнди — или Уэнни, если вам больше нравится, лично я это имя ненавидел — небрежно написала: *Привет! Мы — продащицы, отправившиеся в поисках приключений на Кейп-Код. Это тусовка!*

Клевая музыка! Не волнуйся, я держала руль, пока Рен писала свою часть. Надеюсь, ты в норме. У.

Клевая музыка? Надеюсь, ты в норме? Не «люблю», не «скучаю без тебя», только «надеюсь, ты в норме». И хотя, судя по крючкам, загогулинам и кляксам, открытку писали на ходу в автомобиле Рене (у Уэнди автомобиля не было), создавалось ощущение, что они обе или обкурились, или сильно напились. На следующей неделе я отправил ей еще четыре письма плюс фотографию, сделанную Эрин: я в шкуре. Ответа не последовало.

Ты начинаешь волноваться, потом начинаешь осознавать, потом до тебя доходит. Может, ты этого не хочешь, может, думаешь, что влюбленные, как и врачи, постоянно ошибаются с диагнозом, но сердце не обманешь.

Дважды я пытался дозвониться до нее. Оба раза трубку брала сварливая девица. Я представлял себе, что на ней очки «арлекино», старушечье платье до лодыжек и никакого макияжа. В первый раз Уэнди не было дома. Куда-то отправилась с Рен. При втором разговоре меня уведомили, что вряд ли Уэнди появится здесь когда-либо еще. Съехала.

— Съехала куда? — встревожился я. Я звонил из гостиной «Особняка Шоплоу», где около телефонного аппарата лежал «Листок правды» для междугородних разговоров постояльцев. Мои пальцы так крепко сжимали большую старомодную трубку, что побелели костяшки. Уэнди училась в колледже благодаря магическому лоскутному одеялу из стипендий, ссуд и работы параллельно с учебой, так же, как и я. Она не могла позволить себе отдельную квартиру. Без чьей-либо помощи — не могла.

— Не знаю, да мне и без разницы, — ответила Сварливая девица. — Мне надоели все эти пьянки и девичники до двух ночи. Некоторым из нас надо и поспать. Как ни странно.

Мое сердце билось так сильно, что удары отдавались в висках.

— Рене уехала с ней?

— Нет, они поссорились. Из-за того парня. Который помогал Уэнни с переездом. — Имя «Уэнни» она произнесла с таким неприкрытым презрением, что мне стало дурно. Конечно же, эти ощущения возникли не из-за упомянутого парня. Ее парнем был я. Если какой-то знакомый, может, с работы, приехал и помог ей перевезти вещи, что мне до того? Разумеется, у нее могут быть друзья мужского пола. Я же подружился как минимум с одной девушкой, верно?

— Рене рядом? Я могу с ней поговорить?

— Нет, она на свидании. — Видать, Сварливая девица наконец-то сложила два и два, потому что в ее голосе вдруг прорезался интерес. — Слу-у-ушай, а ты, часом, не Девин?

Я положил трубку. Просто взял и положил. Я сказал себе, что не слышал, как Сварливая девица неожиданно трансформировалась в Развеселившуюся сварливую девицу, как будто разыгрывалась некая шутка и я был ее частью. А может — ее объектом. Если не ошибаюсь, выше я уже упоминал, что разум защищается до последнего.

Тремя днями позже я получил единственное за все лето письмо от Уэнди Киган. Последнее письмо. На почтовой бумаге с неровными краями и счастливыми

котятми, играющими клубками шерсти. Почтовой бумаге пятиклассницы — но эта мысль пришла ко мне гораздо позже. Три страницы текста, написанного взахлеб, главным образом о том, как она сожалеет, и как она боролась с притяжением, и как все ее усилия пошли прахом, и что она знает, что мне будет очень больно, и какое-то время лучше не звонить и не пытаться с ней увидеться, но она надеется, что мы останемся добрыми друзьями, когда я отойду от первоначального шока, и он хороший парень, учится в Дартмуте, играет в лакросс, и она знает, что он бы мне понравился, и, может, она знакомит нас, когда начнется осенний семестр, и так далее, и тому гребаное подобное.

В тот вечер я устроился на песке в пятидесяти ярдах от «Приморского пансиона миссис Шоплоу» с намерением напиться. По крайней мере, думал я, меня это не разорит. В те дни мне за глаза хватило бы шестибаночной упаковки пива. В какой-то момент ко мне присоединились Том и Эрин, и мы втроем наблюдали за накатывавшими на берег волнами: три мушкетера «Страны радости».

— Что случилось? — спросила Эрин.

Я пожал плечами, как поступают люди, когда на них сваливается маленькая неприятность, незначительная, но все равно раздражающая.

— Девушка порвала со мной. Прислала слезливое письмо из серии «Дорогой Джон»*.

— В нашем конкретном случае — «Дорогой Дев», — уточнил Том.

— Прояви толику сострадания, — шикнула на него Эрин. — Ему грустно и больно, и он старается этого не

* Так обычно называют письмо парню/мужу о том, что подружка/жена нашла другую любовь.

показывать. Неужто ты такой толстокожий, что не чувствуешь?

— Чувствую, — ответил Том, обнял меня за плечи и на мгновение прижал к себе. — Сожалею. Я чувствую, как боль струится из тебя холодным канадским, нет, даже арктическим ветром. Позволишь взять одну из твоих банок пива?

— Конечно.

Мы посидели немного, и, отвечая на деликатные вопросы Эрин, я кое-что рассказал, но не все. Меня переполняла грусть. Боль. И еще многое другое, но я не хотел, чтобы они это видели. Отчасти потому, что меня так воспитали: показывать другим людям свои чувства — верх неприличия. Но по большей части потому, что меня напугала глубина и сила собственной ревности. Я не хотел, чтобы они даже гадали о том, кто этот живой червь (Господи, да он из самого *Дартмута* и принадлежит, наверное, к лучшему студенческому братству, а на выпускной родители подарили ему «мустанг»). Но и ревность, пожалуй, была не самым худшим. Самым худшим стало ужасающее осознание — закравшееся в мою душу в тот вечер, — что меня решительно и окончательно отвергли в первый раз в моей жизни. Она вычеркнула меня из своей жизни, а я представить себе не мог, как вычеркнуть ее из моей.

Эрин тоже взяла банку, подняла.

— Давайте выпьем за твою следующую. Я не знаю, кем она будет, Дев, но день встречи с тобой станет для нее счастливым.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Том, поднимая свою банку. А потом не сдержался и добавил: — Да-да! Горе не беда!

Я не думаю, что кто-то из них понял в тот вечер или в то лето, с какой силой вышибло землю у меня из-под ног. Каким потерянным я себя чувствовал. Я не хотел, чтобы они знали. Меня это не просто смущало — мне было стыдно. Поэтому я заставил себя улыбнуться, поднял пенную банку и выпил.

Благодаря их помощи в распитии шести банок наутро к разбитому сердцу не присоединилось похмелье. О чем я нисколько не сожалел, потому что, придя в «Страну радости», узнал от Папани, что во второй половине дня мне придется носить шкуру на авеню Радости: три пятнадцатиминутные смены, в три, четыре и пять часов. Я повозмущался для виду (всем полагалось возмущаться, когда предстояло надеть шкуру), но и обрадовался. Мне нравилось находиться в окружении детей, хотя следующие несколько недель роль Хоуи вызвала у меня горькую иронию. Когда, виляя хвостом, я шел по авеню Радости в сопровождении толп смеющихся малышей, я не видел ничего удивительного в том, что Уэнди меня бросила. Ее новый бойфренд учился в Дартмуте и играл в лакросс. Старый же проводил лето в третьеразрядном парке развлечений. В роли собаки.

Лето в «Стране радости».

Я управлял аттракционами. По утрам заряжал стрелам, то есть расставлял призы по полкам... а во второй половине дня иногда и выдавал их. Десятками растаскивал «дьявольские фургоны», научился жарить пончики, не обжигая пальцев, старался более искусно зазывать людей на «Каролинское колесо». Я танцевал и

пел с другими новичками на эстраде детского городка Качай-Болтай. Несколько раз Фред Дин отправлял меня прочесывать мидвей, и это говорило о высоком доверии, потому что речь шла о сборе денег в полдень и в пять вечера в различных заведениях и павильонах. Когда что-то выходило из строя, я ездил в Хэвенс-Бэй и Уилмингтон за запчастями и оставался в парке допоздна по средам, обычно с Томом, Джорджем Престоном и Ронни Хьюстоном, — смазывал «Чашки-вертушки» и головокружительный аттракцион под названием «Зиппер». Эти «крошки» пили масло галлонами, как добравшиеся до оазиса верблюды — воду. И, разумеется, я носил шкуру.

Несмотря на все это, я практически не спал. Иногда лежал на кровати, прижимая к ушам старые, обмотанные изолентой наушники, и слушал записи «Дорз» (преимущественно такие радостные песни, как «Автомобили шуршат под моим окном», «Оседлавшие бурю» и — разумеется — «Конец»). Когда голоса Джима Моррисона и мистических звуков органа Рэя Манзарека не хватало, чтобы усыпить меня, я крадучись спускался по наружной лестнице и гулял по берегу. Раз или два даже *спал* на пляже. По крайней мере там не снились дурные сны и удавалось хотя бы на короткое время забыться. Впрочем, я не помню, чтобы в то лето мне вообще что-то снилось.

Я видел мешки под своими глазами, когда брился по утрам, и иногда чувствовал легкое головокружение после особенно утомительной смены в образе Хоуи (хуже всего было, конечно, во время празднования дней рождения в жарком бедламе «Веселого дома Хоуи»), но считал это нормой — об этом мне говорил мистер Ис-

тербрук. Небольшой отдых в лежке всегда приводил меня в чувство. Я думал, что *тяну*, как сказали бы сейчас. Но в первый понедельник июля, за два дня до Великолепного Четвертого, мне раскрыли глаза.

Моя команда — «Бигль» — по утрам первым делом собиралась в стробах Папани Аллена, и он давал нам инструкции на день, одновременно заряжая винтовки. Обычно начинали мы с того, что таскали коробки с игрушками (на большинстве которых красовалась надпись «СДЕЛАНО НА ТАЙВАНЕ») и раскладывали призы по полкам до Первого петуха, то есть открытия парка. В то утро, однако, Папаня сказал, что меня хочет видеть Лейн Харди. Это стало сюрпризом: Лейн редко покидал лежку раньше, чем за двадцать минут до открытия. Я направился в сторону лежки, но Папаня закричал мне:

— Нет, нет, он у лохолифта. — Он бы никогда не использовал это пренебрежительное прозвище колеса обозрения, если бы Лейн находился поблизости. — И шевели ногами, Джонси. Сегодня много дел.

Я пошевелил, но рядом с «Каролинским колесом», высоким, молчаливым, застывшим в ожидании первых посетителей, никого не было.

— Сюда, — прозвучал женский голос. Я повернулся налево и увидел стоявшую рядом со своим украшенным звездами гадальным павильоном Роззи Голд, в одном из кисейных нарядов Мадам Фортуны. Голову она повязала ярко-синим шарфом, концы которого болтались у поясицы. Компанию ей составлял Лейн, одетый, как и всегда, в линялые прямые джинсы, натянутую, будто вторая кожа, полосатую футболку, подчеркивавшую

рельефную мускулатуру, и, конечно же, котелок набекрень. Глядя на него, не составляло труда поверить, что извилина у Лейна только одна, да и та не в голове, но на самом-то деле ума ему хватало.

Оба были в рабочей одежде, и у обоих лица обещали плохую весть. Я быстренько прокрутил в голове несколько последних дней, пытаюсь вспомнить, какое из моих деяний могло вызвать такую скорбь. Даже подумал, что Лейн получил указание отстранить меня от работы... или уволить. Но в разгар лета? И потом, этим полагалось бы заниматься Фреду Дину или Бренде Рафферти. Опять же, с чего здесь Роззи?

— Кто умер, друзья мои? — спросил я.

— Пока еще не ты, — ответила мне Роззи. Она уже входила в роль, поэтому ее голос звучал странно: смесь бруклинского выговора с акцентом карпатских горцев.

— Что?

— Пойдем с нами, Джонси, — ответил Лейн и тут же зашагал к мидвею, практически пустынному за полтора часа до Первого петуха; только несколько газонтов — уборщиков, у которых наверняка не набралось бы и одного разрешения на работу на всех, — подметали дорожки у павильонов, чем вообще-то им полагалось заниматься еще вчера вечером. Когда я догнал Роззи и Лейна, Мадам Фортуна чуть подалась в сторону, освобождая место между ними. Я почувствовал себя преступником, которого два копа ведут в участок.

— В чем дело?

— Увидишь, — зловеще ответила Роззи-Фортуна, и очень скоро так и случилось. К «Дому ужасов» примыкал «Особняк кривых зеркал» — собственно, эти два аттракциона располагались под одной крышей. Рядом с будкой билетера стояло единственное нормальное

зеркало, надпись над которым гласила: «ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫЛ, КАК ВЫГЛЯДИШЬ НА САМОМ ДЕЛЕ». Лейн взял меня под одну руку, Роззи — под другую. Теперь я действительно напоминал преступника, которого привели в полицейский участок для оформления протокола. Меня поставили перед зеркалом.

— Что ты видишь? — спросил Лейн.

— Себя, — ответил я, потом добавил, потому что этот ответ их определенно не устраивал: — Вроде бы мне не мешает постричься.

— Посмотри на свою одежду, глупый мальчик, — посоветовала Роззи. *Глупый мальчик.*

Я посмотрел. Над желтыми рабочими ботинками увидел джинсы (из заднего кармана торчали рекомендованные кожаные перчатки), над джинсами — синюю рубашку из шамбре, вылинявшую, но относительно чистую. На голове — в меру потрепанную песболку с Хоуи, завершающий штрих, который так много значил.

— А что с ней? — Я начал злиться.

— Висит на тебе, как на вешалке, вот что, — ответил Лейн. — Раньше такого не замечалось. На сколько ты похудел?

— Господи, не знаю. Может, нам прогуляться к Толстому Уолли? — Толстый Уолли заведовал аттракционным «Угадай-свой-вес».

— Это не смешно, — вмешалась Фортуна. — Ты не можешь полдня носить этот чертов собачий костюм под жарким летним солнцем, потом проглотить пару соляных таблеток и называть это обедом. Скорби по утраченной любви сколько влезет, но при этом не забывай про еду. *Ешь*, черт побери!

— Кто вам рассказал? Том? — Нет, он бы не стал. — Эрин. Она не имела права...

— Никто мне ничего не рассказывал, — ответила Мадам Фортуна, гордо вытягиваясь во весь рост. — Я просто вижу.

— Не знаю я, что вы там видите, но сочинять вы горазды.

Она тут же превратилась в Роззи.

— Я говорю не о шестом чувстве, малыш. Я говорю о том, что видит обычная женщина. Ты думаешь, я не узнаю сгорающего от любви Ромео? После стольких лет гадания по ладони и вглядывания в хрустальный шар? Ха! — Колыхнув внушительной грудью, она шагнула ко мне. — Твоя личная жизнь меня нисколько не интересует. Я просто не хочу, чтобы Четвертого июля тебя отвезли в больницу — между прочим, обещают девяносто пять градусов* в тени — с тепловым ударом, а может, и с чем похуже.

Лейн снял котелок, заглянул в него, снова надел на голову, перекосив уже в другую сторону.

— Она выражается туманно, потому что должна оберегать репутацию знаменитой гадалки. Речь о том, что ты нам всем нравишься. Ты быстро учишься, делаешь все, о чем тебя просят, ты честный, никому не доставляешь хлопот, и дети безумно тебя любят, когда ты в шкуре. Но надо быть слепым, чтобы не увидеть, что с тобой что-то творится. Роззи думает, что проблема в девушке. Может, она права. Может, и нет.

Роззи одарила его возмущенным взглядом «да-как-ты-посмел-усомниться».

— Может, твои родители разводятся. Мои развелись, и меня это чуть не убило. Может, твоего старшего брата арестовали за торговлю наркотой...

* По Фаренгейту; примерно 35 °C.

— Моя мать умерла, и я единственный ребенок, — мрачно ответил я.

— Мне без разницы, кто ты в обычном мире, — отмахнулся Лейн. — Но здесь «Страна радости». *Шоу*. И ты один из нас. А это означает, что мы имеем право заботиться о тебе, хочешь ты этого или нет. Поэтому давай ешь.

— И ешь *много*, — поддакнула Роззи. — Сейчас, в полдень, весь день. И старайся есть что-нибудь помимо жареных кур. Поверь мне, там инфаркт в каждой ножке. Пойди в «Лангуст» и скажи, что хочешь взять навynos рыбу и салат. Скажи, пусть положат двойную порцию. Быстро набери вес, чтобы не выглядеть Живым скелетом в дешевом ярмарочном балагане. — Она повернулась к Лейну. — Это девушка, точно тебе говорю. Видно невооруженным глазом.

— Что бы то ни было, прекращай *чахнуть*, твою мать.

— Разве можно так говорить в присутствии дамы? — Роззи вновь трансформировалась в Фортуну. Еще чуть-чуть — и мы услышим: *Именно этофо хотят пгизгаки*.

— Да брось ты, — фыркнул Лейн, развернулся и направился к «Колесу».

После его ухода я посмотрел на Роззи. В матушки она не слишком годилась, но больше у меня никого не было.

— Роз, неужели *все* знают?

Она покачала головой:

— Нет, для большинства старожиллов ты всего лишь очередной салага... хотя и не такой зеленый, как три недели назад. Но многим здешним ты нравишься, и они видят: что-то не так. Твоя подруга Эрин, к примеру. Твой друг Том. — Слово «друг» в ее исполнении больше на-

поминало «тгук». — Я тоже твоя подруга, и как подруга могу сказать тебе, что сердце ты не подлатаешь. На это способно только время. А вот подлатать тело тебе по силам. Ешь!

— Вы говорите, как еврейская мама из анекдота.

— Я и *есть* еврейская мама, и, поверь мне, это не анекдот.

— Анекдот — это я. Все время о ней думаю.

— С этим ничего не поделаешь, по крайней мере сейчас. Но ты должен повернуться спиной к другим мыслям, которые иногда приходят к тебе.

Думаю, у меня отвисла челюсть. Точно не уверен. Знаю только, что вытаращился на нее. Люди, занимавшиеся предсказыванием судеб так же долго, как Роззи Голд — на Языке их называли *ладуньями* за умение гадать по ладони, — могли читать твои мысли, обставляя все так, будто владеют телепатией, но на самом деле пристально наблюдая за выражением лица.

Хотя не всегда.

— Я не понимаю.

— Перестань слушать свои ужасные записи, это ты понимаешь? — Она строго посмотрела на меня, потом рассмеялась при виде моего изумления. — Роззи Голд может быть еврейской мамой и бабушкой, но Мадам Фортунa видит многое.

Многое видела и моя домохозяйка, и я выяснил позже — после того как увидел Роззи и миссис Шоплоу на ленче в Хэвенс-Бэй в один из редких выходных Мадам Фортунy, — что они близкие подруги и знакомы уже много лет. Миссис Шоплоу раз в неделю вытирала пыль и пылесосила в моей комнате, а значит, видела мою коллекцию записей. Что касается остального — знаменитых суицидальных мыслей, иногда навещав-

ших меня, — почему бы женщине, большую часть жизни наблюдавшей человеческую природу и выживавшей психологические зацепки (*теллы* на Языке и в покерном мире), не догадаться, что легкоранимый молодой человек, только-только получивший отставку, может раздумывать о таблетках, веревке и подводных течениях?

— Буду есть, — пообещал я. До Первого петуха у меня хватало дел, но прежде всего мне хотелось расстаться с Роззи, прежде чем она окончательно добьет меня, сказав что-то вроде: *Ее имя Фенди, и ты по-пгеж-нему видишь ее, когда мастубигуешь.*

— И еще: выпивай большой стакан молока перед сном. — Она назидательно подняла палец. — Не кофе — молока. Будешь лучше спать.

— Стоит попробовать, — согласился я.

Мадам Фортуна вновь превратилась в Роз.

— В день, когда мы встретились, ты спросил, вижу ли я в твоём будущем красивую женщину с темными волосами. Помнишь?

— Да.

— И что я ответила?

— Что она в моем прошлом.

Роззи кивнула один раз, твердо и решительно.

— Так и есть. И когда тебе захочется позвонить ей и умолять о втором шансе — а тебе непременно захочется, — прояви характер. Прояви хоть каплю самоуважения. Кроме того, не забывай, что междугородние звонки стоят дорого.

Будто я сам не знаю, подумал я.

— Послушайте, мне действительно надо идти, Роз. Полно дел.

— Да, это будет тяжелый день для всех нас. Но прежде чем ты уйдешь, Джонси... ты уже видел того мальчика? С собакой? Или девочку в красной шапочке и с куклой? При нашей первой встрече я говорила тебе о них.

— Роз, я видел миллион детей за последние...

— Значит, еще нет. Ладно. Они обязательно появятся. — Она выпятила нижнюю губу и дунула, потревожив торчавшие из-под шарфа волосы. Потом сжала мое запястье. — Я вижу, что тебя ждет опасность, Джонси. Опасность и печаль.

Я подумал, что сейчас она добавит: *Берегись темного незнакомца! Он ездит на одноколесном велосипеде.* Но Роззи отпустила меня и указала на «Дом ужасов».

— Какая команда наводит чистоту в этой кошмарной дыре? Не твоя?

— Нет, команда «Доберман». — Доби также отвечали за два соседних аттракциона, «Особняк кривых зеркал» и Музей восковых фигур. Вот и все, что связывало «Страну радости» с жутковатыми ярмарочными шоу прошлого.

— Хорошо. Держись от него подальше. Там живет призрак, а юноше с дурными мыслями визит к призраку нужен ничуть не больше, чем мышьяк в зубном эликсире. *Сечешь?*

— Да. — Я посмотрел на часы.

Она поняла и отступила на шаг.

— Жди появления этих детей. И будь осторожнее, дружок. Над тобой витает тень.

Признаю, Лейн и Роззи как следует встряхнули меня. Я не перестал слушать «Дорз» — во всяком случае, не сразу, — но заставил себя больше есть и начал выпи-

вать по три молочных коктейля в день. И почувствовал, как новая энергия вливается в меня, будто кто-то открыл кран на полную мощь. Особую благодарность за это я ощутил во второй половине Четвертого июля. «Страна радости» накачалась, и я надевал шкуру десять раз, поставив рекорд всех времен.

Фред Дин самолично пришел ко мне, чтобы сообщить расписание выступлений и передать записку старого мистера Истербрука. *Если установишь, прекращай немедленно и скажи капитану команды, чтобы нашел замену.*

— Все будет хорошо, — заверил я его.

— Возможно, но обязательно покажи записку Папане.

— Как скажете.

— Брэду ты нравишься, Джонси. Редкий случай. Обычно он не замечает салаг, пока кто-нибудь не напортачит.

Мне он тоже нравился, но Фреду я этого не сказал. Подумал, что это будет выглядеть подхалимством.

Четвертого июля все мои выступления ограничивались десятью минутами — не самый плохой вариант, хотя многие десятиминутки на самом деле растягивались на пятнадцать минут, — но жара стояла жуткая. «Девяносто пять градусов в тени», — сказала Роззи, однако к полудню градусник, висевший напротив трейлера техслужбы парка, показывал сто два*. К счастью для меня, Дотти Лассен починила второй костюм размера «икс-эль», и я мог их менять. Пока выступал в

* По Фаренгейту; примерно 40 °C.

одном, второй Дотти выворачивала наизнанку и вешала перед тремя вентиляторами, чтобы высушить пропитанное потом нутро.

По крайней мере теперь я мог снимать костюм без посторонней помощи. К тому времени я раскрыл секрет. Правая лапа Хоуи на самом деле была перчаткой, а зная этот фокус, я мог легко расстегнуть молнию на шее. Стоило снять голову, и остальное шло как по маслу. Меня это радовало, потому что я мог переодеваться за занавеской. Отпала необходимость демонстрировать дамам-костюмершам мокрые от пота, полупрозрачные трусы.

Когда Четвертого июля начались мои послеполуденные выступления, меня освободили от всех прочих обязанностей. Я развлекал детей и их родителей, потом спускался в Под-страну, направлялся к лежке, плюхался на старый, продавленный диван и наслаждался кондиционированным воздухом. Когда чувствовал, что ожил, переулками добирался до костюмерной и менял один мех на другой. Между выступлениями выпивал пинты воды и кварты ледяного чая без сахара. Вы не поверите, что я отлично проводил время, но так оно и было. В тот день меня любили даже отъявленные паршивцы.

Итак, без четверти четыре пополудни. Я танцующей походкой иду по авеню Радости, нашему мидвею, а в динамиках над головой ревет Дедди Дьюдроп: «Чик-а-бум, чик-а-бум». Я обнимаю детей и раздаю родителям августовские купоны с «потрясающими» скидками: к концу лета посетителей в парке становилось заметно меньше. Я позирую для фото (некоторые делают Голливудские девушки, большую часть — орды потных, обгоревших родителей-папарацци). Восхищенные дети

следуют за мной, не отрывая от меня глаз. Я ищу ближайшую дверь в Под-страну, потому что вымотался. Мне осталось только одно выступление в костюме Хоуи, потому что Хоуи, Счастливый пес, никогда не показывает синие глаза и стоящие торчком уши после захода солнца. Не знаю почему: такова традиция этого шоу.

Заметил ли я ту девочку в красной шапочке до того, как она упала на раскаленную мостовую авеню Радости, корчась и дергаясь? Думаю, да, но наверняка сказать не могу, потому что прошедшее время добавляет ложные воспоминания и искажает реальные. Я точно не заметил бы «щенячий восторг», которым она размахивала, или ярко-красную песболку с изображением Хоуи: в парке развлечений ребенок с хот-догом на уникальное зрелище не тянет, и в тот день мы продали не меньше тысячи песболок с Хоуи. Если я и заметил ее, то благодаря кукле, которую она прижимала к груди рукой, свободной от вымазанного горчицей «щенка». Большую старую Тряпичную Энн. Всего два дня назад Мадам Фортуна посоветовала мне высматривать маленькую девочку с куклой, так что, возможно, я ее и заметил. А может, я думал только о том, как покинуть мидвей, прежде чем грохнуться в обморок. В любом случае кукла не доставила девочке никаких хлопот. Проблема оказалась в «щенячьем восторге».

Я только думаю, что помню, как она бежала ко мне (естественно, они все бежали), но знаю, что случилось потом и почему случилось. Она откусила от «щенка», тут же глубоко вдохнула, чтобы закричать: «ХО-У-У-УИ», — и втянула откушенный кусок в дыхательное горло. Хот-доги — идеальная удушающая еда. К счастью для девочки, некоторая часть конского дерьма Роззи Голд —

или Мадам Фортуны — застряла в моей голове, и я действовал быстро.

Колени девочки подогнулись, выражение счастливого экстаза сменилось удивлением, а потом ужасом, но я уже сунул руку за спину и взялся лапой-перчаткой за бегунок молнии. Голова Хоуи свалилась и повисла сбоку, открыв красное лицо и мокрые, сваливавшиеся волосы мистера Девина Джонса. Девочка выронила свою Тряпичную Энн. Красная шапочка упала. Малышка уже хваталась за шею.

— Холли? — вскрикнула какая-то женщина. — Холли, что с тобой?

Удача по-прежнему была на моей стороне. Я не просто знал, что с девочкой, — я знал, что надо делать. Не уверен, что вы понимаете, как удачно все сложилось. Не забывайте, что речь идет о 1973 году, и Генри Геймлих только через год опубликует статью о приеме, который с того момента будет называться приемом (или методом) Геймлиха. Однако этот прием всегда считался наиболее эффективным способом спасения человека, подавившегося едой, и мы овладели им на первом и единственном ознакомительном занятии, которое с нами провели, прежде чем мы начали работать в столовой Университета Нью-Хэмпшира. Обучал нас суровый ветеран ресторанных войн, лишившийся кофейни в Нашуа через год после того, как неподалеку открылся новый «Макдоналдс».

«Только помните, что давить нужно с силой, — объяснял он. — И не бойтесь сломать пару ребер, если человек умирает».

Я увидел, как лицо девочки побагровело, и не успел даже подумать о ее ребрах. Схватил ее в широкое, мохнатое объятие, левую лапу, которой обычно крутил

хвост, прижал к середине груди, где сходились ребра. Сильно надавил один раз, и тут же измазанный желтым кусок хот-дога длиной не меньше двух дюймов выскочил из ее рта, как пробка из бутылки шампанского, и пролетел почти четыре фута. Нет, я не сломал ей ни одного ребра. Косточки у детей податливые, слава Богу.

Я и не заметил, что меня и Холли Стэнсфилд — так ее звали — окружила растущая толпа взрослых. Не заметил и того, что нас сфотографировали десятки раз. Снимок Эрин Кук потом опубликовали в «Хэвенс-Бэй уикли» и в нескольких газетах покрупнее, в том числе «Уилмингтон стар-ньос». Эта фотография в рамочке до сих пор хранится у меня в одной из коробок на чердаке. На ней маленькая девочка сидит на руках странного гибрида человека и собаки с двумя головами, одна из которых свешивается на плечо. Девочка протягивает руки к своей матери. «Спид график» Эрин идеально запечатлел тот самый момент, когда мама упала перед нами на колени.

Все это уже подернулось туманом, но я отлично помню, как мать выхватила у меня девочку, а отец сказал: *Парень, я думаю, ты спас ей жизнь*. И еще я помню ясно и отчетливо, как девочка, глядя на меня большими синими глазами, прошептала: «Ох, бедный Хоуи, у тебя отвалилась голова».

Лучший газетный заголовок всех времен гласит: «ЧЕЛОВЕК КУСАЕТ СОБАКУ». «Стар-ньос» дотянуться до идеала не смогла, но все-таки не ударила в грязь лицом: «СОБАКА СПАСАЕТ ДЕВОЧКУ В ПАРКЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ».

Знаете, какое мстительное желание возникло у меня первым? Вырезать статью и отослать Уэнди Киган. Скорее всего я бы так и сделал, если бы на фотоснимке Эрин не напоминал утонувшую ондатру. Зато я отослал его отцу, который позвонил, чтобы сказать, как он мною гордится. По дрожи в голосе я понял, что он чуть не плачет.

— Благодаря Господу ты оказался в нужном месте в нужное время, Дев, — сказал он.

Может, благодаря Господу. Может, благодаря Роззи Голд или Мадам Фортуне. Может, оба приложили руку.

На следующий день меня вызвали в кабинет мистера Истербрука, обшитую сосновыми панелями комнату, стены которой украшали старые ярмарочные плакаты и фотографии. Особенно меня привлекла фотография мужчины в соломенной шляпе, с щегольскими усиками, который стоял рядом с аттракционом «Проверь свою силу». Закатав рукава белой рубашки, он опирался на молот, как на трость: круче не бывает. На вершине столба, рядом с колоколом, крепилась табличка с надписью: «ПОЦЕЛУЙТЕ ЕГО, ДАМЫ, ОН НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА».

— Это вы? — спросил я.

— Действительно, я, хотя и вел это глупое шоу лишь один сезон. Обманывать людей не по мне. Я люблю честную игру. Присядь, Джонси. Хочешь колу или что-нибудь?

— Нет, сэр. Спасибо. — По правде сказать, в желудке у меня плескался утренний молочный коктейль.

— Буду с тобой предельно откровенен. Вчера ты устроил этому шоу рекламу на добрые двадцать тысяч долларов, а я все равно не могу выписать тебе премию. Если бы ты знал... но это не важно. — Он наклонился вперед. — Что я могу, так это выполнить твою просьбу.

Если она у тебя появится. Сделаю все, что в моих силах. Согласен?

— Конечно.

— Хорошо. Надеюсь, ты не против еще раз появиться с этой маленькой девочкой в образе Хоуи? Ее родители хотят поблагодарить тебя лично, но появление перед публикой — отличная реклама для «Страны радости». Решать, разумеется, тебе.

— Когда?

— В субботу, после полуденного парада. Мы поставим платформу на пересечении авеню Радости и Собачьего проспекта. Пригласим прессу.

— Здорово, — ответил я. Должен признать, идея вновь появиться в газетах мне нравилась. Для моего эго и самоуважения это лето выдалось трудным, и я приветствовал все, что их повышало.

Он поднялся, как обычно, осторожно, словно стеклянный, протянул мне руку.

— Еще раз благодарю тебя. От имени маленькой девочки, и за «Страну радости» тоже. Бухгалтеры, которые управляют моей чертовой жизнью, будут прыгать от счастья.

Когда я вышел из административного здания, которое вместе с несколькими другими располагалось, по нашей терминологии, на задворках, меня уже ждала вся команда. Явился даже Папаня Аллен. Эрин в зеленом — цвет успеха — наряде Голливудской девушки выступила вперед со сверкающим металлическим «лавровым» венком, материалом для которого послужили банки от кэмпбелловского супа. Опустилась на одно колено.

— Тебе, мой герой.

Я думал, что достаточно загорел, чтобы никто не заметил прилившей к щекам крови, но ошибся.

— Господи, встань.

— Спаситель маленьких девочек, — поддержал почин Том Кеннеди. — И нашего места работы, которое не закроется из-за поданных исков.

Эрин вскочила, надела нелепый «суповой» венок мне на голову, а потом крепко обняла меня и расцеловала под радостные вопли команды «Бигль».

— Ладно, — подал голос Папаня, когда восторги смолкли. — Мы все согласны, что ты рыцарь в сверкающих доспехах, Джонси. Но ты не первый, кто спасает жизнь лоха на мидвее. Теперь мы все можем вернуться к работе!

Мне это понравилось. Было приятно ощущать себя знаменитостью, и я уловил послание, заложенное в жестяной «лавровый» венок: не зазнавайся и не теряй головы.

В ту субботу на платформу, сооруженную на нашем мидвее, я поднялся, одетый в шкуру. С радостью поднял Холли, и она сияла от счастья, очутившись на руках у Хоуи. Я думаю, фотографы и операторы отсняли девять миль пленки, пока она говорила, как любит песика, который ее спас, и снова и снова целовала его перед объективами.

Эрин какое-то время стояла в первом ряду со своей камерой, но репортеры отделов новостей — все мужчины и более габаритные — постепенно оттеснили ее на менее выигрышную позицию, да только ради чего? Эрин уже сфотографировала меня с откинутой головой Хоуи. В этот раз я снимать голову не собирался, хотя точно знал, что

ни Фред, ни Лейн, ни мистер Истербрук не стали бы меня за это журить. Я не хотел этого делать, чтобы не нарушать заведенную в парке традицию: Хоуи никогда не снимал шкуру на публике. Поступить так — все равно что пригласить на пикник Зубную фею. Я сделал это однажды, когда Холли Стэнсфилд задыхалась, но тогда сложились исключительные обстоятельства. Нарушать правила сознательно я не желал. А значит, мог отнести себя к карни (но, разумеется, не к карни-от-карни).

Позже, уже в обычной одежде, я встретился с Холли и ее родителями в Центре обслуживания посетителей. В узком кругу. Я увидел, что мама беременна, хотя ее еще ждали три или четыре месяца диеты из соленых огурчиков и мороженого. Она обняла меня и снова немного поплакала. Холли эта наша встреча не впечатлила. Она сидела на одном из пластиковых стульев, болтала ногами и проглядывала старые номера «Времени кино», произнося имена кинозвезд голосом придворного пажа, объявляющего о прибытии приглашенной коронованной особы. Я похлопывал маму по спине и говорил: да ладно, ладно. Папа не плакал, но слезы стояли у него в глазах, когда он подошел и протянул мне чек на пятьсот долларов, выписанный на мое имя. Когда я спросил, чем он зарабатывает на жизнь, он ответил, что у него собственная строительная фирма, которой чуть больше года. Пока она маленькая, но, по его словам, уверенно встает на ноги. Я принял во внимание этот факт, а также наличие одного ребенка и ожидаемое появление второго, и порвал чек. Сказал ему, что не могу брать деньги за то, что является частью моей работы.

Не забывайте, тогда мне был только двадцать один год.

Для летних работников «Страны радости» *обычных* суббот и воскресений не существовало. Мы получали полтора выходных каждые девять дней, а это означало, что выпадали они на разные дни недели. При выборе выходного наши желания учитывались, так что Том, Эрин и я практически всегда отдыхали вместе. По этой причине в первую среду августа мы оказались у костра на берегу, ужиная тем, что может переварить только молодой организм: пивом, бургерами, картофельными чипсами с ароматом барбекю и капустным салатом. На десерт мы съели сэндвичи из крекеров и маршмэллоу, которые Эрин поджарила на огне, воспользовавшись грилем, одолженным в заведении «Мороженое и вафли пирата Пита». Пошло хорошо.

Мы видели и другие костры — от маленьких, вроде нашего, до огромных, — цепочка которых уходила к сверкающим огням «Страны радости». Они напоминали красивое горящее ожерелье. Такие костры скорее всего запрещены в двадцать первом столетии, когда власти постоянно принимают законы, отнимающие у нас крупницы красоты, создаваемые простыми людьми. Я не знаю, почему так должно быть, но что есть, то есть.

Пока мы ели, я рассказал им о предсказании Мадам Фортуны насчет моих встреч с мальчиком с собакой и маленькой девочкой в красной шапочке с куклой в руках. Закончил словами:

— Одна встреча уже произошла, ждем вторую.

— Вау! — воскликнула Эрин. — Может, она *действительно* экстрасенс. Мне многие это говорили, но я, если по правде...

— И кто говорил? — спросил Том.

— Ну... Дотти Лассен из костюмерной, это раз. Тина Экерли, это два. Ты знаешь, библиотекарша, в спальню которой Дев прокрадывается по ночам.

Я показал ей средний палец. Она рассмеялась.

— Двое — это не многие, — отметил Том голосом занудного профессора.

— С Лейном Харди будет трое, — вставил я. — Он говорит, что иногда ее слова сшибают людей с ног. — И ради полной объективности счел необходимым добавить: — Разумеется, он также сказал, что девяносто процентов ее предсказаний — полная туфта.

— Вероятно, ближе к девяноста пяти процентам, — уточнил занудный профессор. — Предсказания Фортуны — обман, дети мои. Выражаясь Языком, надувашка. Возьмите, к примеру, ту красную шапочку. В «Стране радости» песболки продают только трех цветов: красные, синие и желтые. Красный — самый популярный. С куклой та же история. Сколько маленьких детей берут с собой в парк развлечений какую-нибудь игрушку? Место это незнакомое, а любимая игрушка всегда успокоит. Если бы она не подавилась хот-догом прямо перед тобой, если бы просто обняла старину Хоуи и прошла дальше, ты бы увидел какую-нибудь другую маленькую девочку в красной песболке и с куклой и подумал: *Ага! Мадам Фортуна действительно видит будущее. Я должен позолотить ей ручку, и тогда она скажет мне что-то еще.*

— Ты такой циник. — Эрин ткнула его локтем. — Роззи Голд никогда не берет денег со своих.

— Она не просила денег, — подтвердил я, но подумал, что Том рассуждал очень здраво. Действительно, она узнала (или *вроде бы* узнала), что темноволосая девушка была в моем прошлом, а не в будущем, но это могло быть

догадкой, основанной на теории вероятности... или на выражении моего лица, когда я задавал этот вопрос.

— Разумеется, нет. — Том взял еще один сандвич. — Она просто тренировалась на тебе. Чтобы держать форму. Готов спорить, она много чего наговорила и другим новичкам.

— В том числе и тебе? — спросил я.

— Мне... нет. Но это ничего не меняет.

Я посмотрел на Эрин, которая покачала головой.

— Она также думает, что в «Доме ужасов» обитает призрак, — добавил я.

— Я тоже об этом слышала, — вставила Эрин. — Девушки, которую здесь убили.

— Ерунда! — воскликнул Том. — Сейчас вы мне скажете, что это сделал безумный Крюк*, который до сих пор прячется за Кричащим черепом!

— Но убийство было на самом деле, — возразил я. — Девушку звали Линда Грей. Она родилась и жила во Флоренс, Южная Каролина. Их вместе с парнем, который ее убил, сфотографировали в тире и в очереди к «Чашкам-вертушкам». Никакого Крюка, но на руке у него была татуировка. Голова то ли орла, то ли ястреба.

Это заставило Тома замолчать, во всяком случае, на какое-то время.

— Лейн Харди сказал: Роз только *думает*, что в «Доме ужасов» обитает призрак, поскольку не заходила внутрь, чтобы выяснить наверняка. Она даже близко к нему не подходит без крайней на то необходимости. Лейн считает это забавным, потому что, по его словам, там действительно обитает призрак.

* Имеется в виду герой американского городского фольклора, безумец с крюком вместо руки, жертвами которого становятся влюбленные парочки.

Эрин широко раскрыла глаза и придвинулась к костру, отчасти работая на публику, а еще ради того, чтобы Том ее обнял.

— Он видел?..

— Не знаю. Он предложил побеседовать с миссис Шоплоу, и она рассказала мне всю историю. — Я поделился с ними. Хорошая история, чтобы рассказывать звездной ночью под шум прибоя возле угасающего костра. Даже Тома проняло.

— Она утверждает, что сама видела Линду Грей? — спросил он, когда я наконец закончил. — Ла Шоплоу?

Я мысленно прокрутил в голове все, что услышал от нее в тот день, когда арендовал комнату на втором этаже.

— Я не думаю, что видела. Иначе она бы сказала.

Он кивнул, удовлетворенный.

— Идеальный пример того, как все устроено. Все *знают* кого-то, кто видел НЛО, и все *знают* кого-то, кто видел призрака. Сведения, полученные из вторых рук, судом к рассмотрению не принимаются. Лично я — Фома неверующий. Уловили? Том Кеннеди, Фома неверующий.

Эрин резче ткнула его локтем.

— Мы это уже поняли. — Она задумчиво смотрела в костер. — Знаете что? Две трети лета позади, а я так и не побывала в кричащем аттракционе. Даже не подходила к нему, не сфотографировала ни одного ребенка на входе. Там фотографировать запрещено. Из-за того, как сказала нам Бренда Рафферти, что многие парочки приходят туда для этого дела. — Она повернулась ко мне. — Чего ты лыбишься?

— Ничего. — Я вспомнил, как ныне покойный муж Ла Шоплоу проходил по «Дому ужасов» после Последнего петуха и поднимал выброшенные за борт трусики.

— А кто-нибудь из вас туда заглядывал?

Мы оба покачали головой.

— «Дом ужасов» — сфера доби, — напомнил Том.

— Давайте прокатимся завтра. Втроем сядем в один вагончик. Может, и ее увидим.

— Идти в «Страну радости» в выходной, который можно провести на пляже? — спросил Том. — Это мазохизм высшей пробы.

На этот раз, вместо того чтобы ткнуть его локтем, она стукнула кулаком. Я не знал, спали они уже вместе или нет, но скорее всего да: их общение становилось все более *тесным, с физическим контактом*.

— Не валяй дурака! Сотрудники могут прокатиться бесплатно. Да и сколько времени займет такая поездка? Пять минут?

— Думаю, дольше, — ответил я. — Девять или десять. Плюс какое-то время в детской части. На все про все минут пятнадцать.

Том уткнулся подбородком в голову Эрин и посмотрел на меня сквозь облако ее волос.

— «Не валяй дурака». Сразу видно молодую женщину, получившую прекрасное образование в колледже. До знакомства с этим женским обществом она наверняка сказала бы: «Пошел в задницу».

— День, когда я начну общаться с этими тощими неразборчивыми шлюхами, станет тем самым днем, когда я заползу в свою жопу и умру. — По какой-то причине эти слова доставили мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Возможно, потому, что Уэнди была королевой неразборчивости. — Ты, Томас Патрик Кеннеди, просто боишься, что мы увидим ее, и тебе придется брать назад все сказанное тобой о Мадам Фортуне, и призраках, и НЛО, и...

Том вскинул руки.

— Сдаюсь. Мы встанем в очередь с остальными лохами... то есть кроликами... и проедемся по «Дому ужасов». Я только настаиваю на второй половине дня. Мне требуется отдых.

— Конечно, требуется, — хмыкнул я.

— Из уст такого человека, как ты, это звучит весьма забавно. Передай мне пиво, Джонси.

Я протянул ему банку.

— Расскажи, как прошла встреча со Стэнсфилдами, — попросила Эрин. — Они прыгали вокруг и называли героем?

В принципе так оно и было, но мне не хотелось о них говорить.

— Родители очень приятные. Девочка сидела в углу, листала «Время кино» и восхищалась Дином Мартином.

— Забудь про местный колорит и переходи к главному, — велел Том. — Тебе удалось заработать?

Меня занимали мысли о маленькой девочке, которая с таким почтением произносила имена знаменитостей, хотя могла бы лежать в коме или даже в гробу, а потому я рассеянно ответил:

— Этот парень предложил мне пятьсот долларов, но я отказался.

Том вытаращился на меня.

— Ты — что?

Я посмотрел на остатки сэндвича, который держал в руке. Маршмэллоу стекал на пальцы, и я бросил недоеденный кусок в костер. На сегодня хватит. Кроме того, я был смущен — и злился на себя за это.

— Человек пытается раскрутить собственную фирму. Судя по тому, что он говорил, шансы пятьдесят на пятьдесят. У него жена, ребенок, скоро появится второй. Не думаю, что он может позволить себе выложить такую сумму.

— Он не может? А как насчет *тебя*?

Я моргнул.

— А что насчет меня?

Я до сих пор не знаю, то ли Том действительно разозлился, то ли изображал злость. Думаю, поначалу изображал, а уже потом начал закипать, полностью осознав, что я сделал. Я понятия не имел, какая у него ситуация дома, но знал, что живет он от зарплаты до зарплаты, и автомобиля у него нет. Если он хотел поехать куда-то с Эрин, то брал мой... и очень тщательно — я бы сказал, до цента — подсчитывал стоимость сожженного бензина. Деньги не были для него пустым звуком. Я не могу сказать, что они полностью подчинили его себе, но значили для него многое.

— Ты в колледже на честном слове и на одном крыле, как и мы с Эрин, и работа в «Стране радости» не обогатит никого из нас. Что с тобой случилось? Мама уронила тебя в младенчестве на голову?

— Не горячись, — попыталась осадить его Эрин.

Он не обратил на нее внимания.

— Ты *хочешь* провести осенний семестр, вставая ни свет ни заря, чтобы ставить грязные тарелки на конвейер в столовой? Наверное, да, потому что в Ратгерсе в семестр за это платят пятьсот баксов. Я в курсе, потому что узнавал перед тем, как нашел другую подработку. Знаешь, как мне удалось оплатить первый год учебы? Писал рефераты и выполнял домашние задания для богатеньких членов студенческого братства, которые преуспевали в изучении углубленного пивоведения. Если бы меня поймали, могли бы отстранить от занятий на семестр, а то и вообще исключить. Я скажу тебе, к чему приведет твой благородный жест: ты отдал двадцать часов в неделю, которые мог бы потратить на учебу. — Он понял, что

кричит, замолчал, потом улыбнулся. — Или на ухлестывания за сговорчивыми девчушками.

— Я тебе покажу сговорчивых девчушек. — И Эрин набросилась на него с кулаками. Они покатались по песку, Эрин щекотала его, Том кричал (не слишком убедительно), требуя, чтобы она немедленно прекратила. Меня это вполне устраивало, потому что я не собирался раздумывать над проблемами, поднятыми Томом. По некоторым вопросам я, похоже, уже все для себя решил, и оставалось лишь до конца осознать принятые решения.

На следующий день, в четверть четвертого, мы стояли в очереди к «Дому ужасов». Вход регулировал парнишка по имени Брейди Уотерман. Я помню его, потому что он тоже хорошо играл Хоуи (но не так хорошо, как я... если быть объективным). В начале лета довольно упитанный, теперь Брейди стал стройным и подтянутым. По части похудения шкура могла дать сто очков форы любой диете.

— А что вы тут делаете? — удивился он. — У вас же выходной.

— Желаем своими глазами увидеть единственный темный аттракцион «Страны радости», — ответил Том, — и я уже предвкушаю трогательное чувство удивительного единения «Дома ужасов» и Брэда Уотермана. Это идеальная пара.

Он надулся.

— Вы хотите в один вагончик?

— У нас нет выбора. — Эрин наклонилась к загорелому уху Брэда и прошептала: — Как в игре «Правда или дело».

Раздумывая над ее словами, Брэд прикоснулся кончиком языка к верхней губе. Я видел, как он просчитывает варианты.

Тут подал голос мужчина, который стоял за нами:

— Молодежь, а не двинуть ли нам очередь? Как я понимаю, под крышей воздух кондиционированный, а мне его как раз и не хватает.

— Ладно, — кивнул нам Брэд. — Катитесь колбаской. — Для него это был юмор высшего сорта.

— Там есть призраки? — спросил я.

— Сотни, и я надеюсь, что все они залетят тебе в зад.

Мы начали с «Особняка кривых зеркал», задержавшись, чтобы полюбоваться, какие мы невероятно высокие или безмерно сплюснутые. В меру посмеявшись над собой, проследовали по крошечным красным точкам у нижнего края некоторых зеркал. Они привели нас напрямик в Музей восковых фигур. Благодаря этим секретным указателям мы намного обогнали остальных посетителей, которые еще бродили среди зеркал, хохотали и натывались на стеклянные панели, расположенные под различными углами.

К разочарованию Тома, для убийц в музее места не нашлось, нас встретили сплошь политики и знаменитости. Дверь охраняли улыбающийся Джон Кеннеди и Элвис Пресли в спортивном костюме. Игнорируя табличку «ПОЖАЛУЙСТА, НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙТЕ», Эрин прошла пальцами по струнам гитары Пресли.

— Не настр... — начала она и тут же отпрыгнула, потому что Элвис ожил и запел «Не могу не влюбиться в тебя».

— Попалась! — радостно воскликнул Том и обнял Эрин.

Из Музея восковых фигур дверь привела нас в зал Бочки и Моста, где угрожающе урчали невидимые (безобидные) машины и мигали разноцветные огни. Эрин прошла по трясущемуся и дрожащему мосту Козлика Билли, тогда как сопровождавшие ее мачо выбрали Бочку. Я миновал ее, качаясь, будто пьяный, и упал всего один раз. Том остановился на середине, растопырил ноги, вытянул руки и, напоминая бумажную куклу, сделал полный оборот внутри бочки.

— Прекрати, идиот, ты сломаешь шею! — крикнула Эрин.

— Не сломает, даже если упадет, — успокоил я ее. — Там все обито войлоком.

Том присоединился к нам, улыбающийся и покрасневший до корней волос.

— У меня пробудились клетки головного мозга, которые спали с тех пор, как мне исполнилось три года.

— А как насчет тех, которые это убило? — спросила Эрин.

Далее шла комната с наклонным полом, потом зал игровых автоматов, заполненный подростками, которые играли в пинбол и скибол. Эрин какое-то время понаблюдала за скиболом, скрестив руки на груди, с осуждающим выражением лица.

— Они знают, что это сплошное надувательство?

— Люди приходят сюда, чтобы их надули, — ответил я. — Среди прочего.

Эрин вздохнула.

— А я думала, что циник у нас *Том*.

На дальней стороне павильона, под светящимся зеленым черепом, висел плакат-предупреждение:

«ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ ДОМ УЖАСОВ! БЕРЕГИТЕСЬ! ДЛЯ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И РОДИТЕЛЕЙ С МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ ВЫХОД СЛЕВА».

Мы вошли в накопитель, из динамиков лились дикий смех и вопли. Пульсирующий красный свет отражался от единственного стального рельса и выхватывал из темноты горловину тоннеля. В его глубине тоже мерцали огни. Оттуда доносилось какое-то урчание и крики, уже настоящие. Издалека они не производили впечатления радостных, но, возможно, я ошибался. Кто-то наверняка веселился от души.

Эдди Паркс, хозяин «Дома ужасов» и капитан команды «Доберман», подошел к нам. На нем были кожаные перчатки и песболка, такая старая, что определить цвет не представлялось возможным (правда, при каждой световой вспышке она становилась кроваво-красной). Он пренебрежительно фыркнул.

— Похоже, у вас выдался чертовски скучный выходной.

— Просто захотели посмотреть, как живет другая половина, — ответил Том.

Эрин ослепительно улыбнулась Эдди. Ответной улыбки не последовало.

— Все трое вместе, как я понимаю. Вы этого хотите?

— Да, — ответил я.

— Ради Бога. Только помните, правила придуманы для всех. Держите свои гребаные руки внутри.

— Есть, сэр! — отсалютовал Том. Эдди посмотрел на него, как на диковинное насекомое, и вернулся к пульта управления, который состоял из трех рычагов с круглыми набалдашниками, торчавших из стойки высотой по пояс. На стойке также имелось несколько кнопок, освещенных лампой на шарнирном кронштей-

не, наклоненной очень низко, чтобы белый, не слишком призрачный свет не распространялся дальше пульта.

— Очаровашка, — пробормотал Том.

Эрин взяла Тома под правый локоть, меня — под левый.

— Его хоть кто-нибудь любит? — прошептала она.

— Нет, — ответил Том. — Даже команда терпеть не может. Он уже уволил двоих.

Начали подходить остальные члены нашей группы, и тут подъехал поезд, заполненный смеющимися кроликами (а также плачущими детьми, родителям которых следовало внять предупреждению и выйти из павильона игровых автоматов). Эрин спросила одну девушку, страшно ли было.

— Самое страшное — его бесстыжие руки, — ответила та и радостно заверещала, когда бойфренд сначала поцеловал ее в шею, а потом увлек к павильону игровых автоматов.

Мы забрались в вагончик, рассчитанный на двоих, так что внутри было тесновато. Бедро Эрин прижималось к моему, грудь касалась моей руки. Я почувствовал внезапное и весьма приятное шевеление к югу от экватора. Если отбросить фантазии, готов поспорить, что от подбородка и выше мужчина — моногамное существо. А ниже ремня обитает беспринципный охальник, который плевать хотел на моногамию.

— Руки держим *вну-у-утри!* — прокричал Эдди Паркс заунывно-монотонным голосом, прямая противоположность рекламной тираде Лейна Харди. — Руки держим *вну-у-утри!* Если рост ребенка меньше трех футов, сажаем его на колени или выходим *нару-у-ужу!* Сидим тихо и следим за *по-о-оручнем!*

Защелкнулись поручни безопасности, некоторые девушки вскрикнули. Можно сказать, прочищая головные связки перед поездкой в темноту.

Потом мы рывком тронулись с места и вкатились в тоннель.

Девять минут спустя мы вылезли из вагончика и вместе с остальными участниками нашего заезда вышли через павильон игровых автоматов. За нашими спинами Эдди инструктировал новых посетителей, убеждая держать руки *вну-у-утри* и следить за *по-о-оручнем*. Нас он не удостоил и взглядом.

— Подземная темница получилась так себе, потому что всех пленников изображали доби, — поделилась своими впечатлениями Эрин. — В пиратском прикиде был Билли Руджеро. — Ее щеки горели румянцем, волосы растрепались, и я подумал, что она чудо как хороша. — Но Кричащий череп меня пронял, как и Камера пыток... Господи!

— Действительно, круто, — согласился я. В старших классах я насмотрелся фильмов ужасов и думал, что меня ничем не удивить, но когда по наклонному желобу скатилась голова с выпученными глазами, только что отрубленная гильотиной, я чуть в штаны не наложил. Понимаете, губы еще шевелились.

На авеню Радости мы заметили Кэма Йоргенсена из команды «Гончих», который продавал лимонад.

— Кто хочет стаканчик? — спросила Эрин. Она все еще бурлила от впечатлений. — Я угощаю!

— С удовольствием, — ответил я.

— Том?

Он рассеянно пожал плечами. Эрин вопросительно посмотрела на него и побежала за лимонадом. Я повернулся к Тому, но он наблюдал за описывавшей круг за кругом Ракетой. А может, смотрел сквозь нее.

Эрин вернулась с тремя высокими бумажными стаканчиками с ломтиком лимона на каждом. Мы пошли к скамейкам в парке Радости, рядом с детским городком Качай-Болтай, и сели в тени. Эрин говорила о летучих мышах, которые атаквали поезд в самом конце поездки: она, конечно, знала, что это игрушки на проволоке, но летучие мыши всегда вызывали у нее страх и...

Тут она замолчала.

— Том, ты в порядке? Ты не произнес ни слова. Может, у тебя схватило живот после колеса в Бочке?

— Мой живот отлично себя чувствует. — Том отпил лимонада, словно в доказательство своих слов. — В чем она была, Дев? Ты знаешь?

— Кто?

— Девушка, которую убили. Лори Грей.

— *Линда* Грей.

— Лори, Ларкин, Линда, без разницы. Какая на ней была одежда? Пышная юбка... длинная, до щиколоток... и блузка без рукавов?

Я пристально посмотрел на него. Мы с Эрин оба посмотрели, поначалу подумав, что это очередная шутка Тома Кеннеди. Но в тот момент он вовсе не напоминал шутника. Более того, теперь, приглядевшись к нему, я понял, что он напуган до полусмерти.

— Том? — Эрин коснулась его плеча. — Ты ее видел? Только давай без шуток.

Он накрыл ее руку своей, но голову не повернул. Продолжал смотреть на меня.

— Да, длинная юбка и блузка без рукавов. Ты знаешь, ведь Ла Шоплоу говорила тебе.

— Какого цвета? — спросил я.

— Трудно сказать, потому что огни постоянно мигали и менялись, но я думаю, синего. И блузка, и юбка. Тут до Эрин дошло.

— Вот дерьмо, — выдохнула она. Румянец торопливо сходил с ее щек.

Был еще один штрих, который полиция долго держала в секрете, согласно миссис Шоплоу.

— А прическа, Том? Конский хвост, да?

Он покачал головой. Отпил лимонада. Вытер губы тыльной стороной ладони. Его волосы не поседели, глаза не вылезали из орбит, руки не дрожали, но выглядел он совсем не тем парнем-шутником, который сопровождал нас в «Особняке кривых зеркал» и в зале Моста и Бочки. Он выглядел человеком, которому жизнь поставила клизму, выбившую из него все студенческое летнее дерьмо.

— Нет. Длинные волосы и какая-то штуковина, которая не давала им падать на лицо. Я все время такие вижу, но не могу вспомнить, как девчонки ее называют.

— Лента Алисы, — подсказала Эрин.

— Да. Думаю, тоже синяя. Она протягивала руки. — И он протянул руки, точно так же, как протягивала их Эммелина Шоплоу, когда рассказывала ту историю. — Словно просила помощи.

— Ты узнал все это от миссис Шоплоу, — предположил я. — Так ведь? Скажи, мы не разозлимся. Правда, Эрин?

— Нет, естественно.

Но Том покачал головой.

— Я говорю вам то, что видел. Ни один из вас ее не видел?

Мы не видели, о чем ему и сказали.

— Почему я? — изумленно спросил Том. — Как только мы вошли туда, я о ней и думать забыл. Просто развлекался. *Так почему я?*

Пока мы возвращались в Хэвенс-Бэй на моей колымаге, Эрин пыталась выудить у него подробности. Том ответил на первые два или три вопроса, а потом сказал, что больше не хочет об этом говорить, причем весьма резко, я никогда не слышал, чтобы он так обращался к ней. Она, похоже, тоже, потому что до конца поездки сидела как мышка. Возможно, они обсуждали это между собой, но со мной он коснулся этого только раз, за месяц до смерти, да и то мимоходом. Произошло это в конце нашего телефонного разговора, который отзывался у меня болью в сердце из-за отрывистого, гнусавого голоса Тома, а еще потому, что он то и дело терял нить разговора.

— По крайней мере... я знаю... там *что-то* есть, — сказал он. — Я видел... сам... тем летом. В «Атасной хижине». — Я не стал его поправлять. Понял, о чем он. — Ты... помнишь?

— Помню, — ответил я.

— Но я не знаю... это *что-то*... оно хорошее... или плохое. — Его умирающий голос переполнял ужас. — Как она... Дев, *то, как она протягивала руки...*

Да.

То, как она протягивала руки.

Когда я получил полный выходной в следующий раз, уже практически в середине августа, количество кроликов заметно поубавилось. Мне больше не приходилось лавировать между ними на авеню Радости по пути к «Каролинскому колесу»... и к павильону Мадам Фортуны, накрытому вращавшейся тенью.

Лейн и Фортуна — сегодня она была Фортунной, в полной цыганской экипировке — разговаривали у пульта управления «Колесом». Лейн заметил меня и приподнял скособоченный котелок, как и всегда при встрече со мной.

— Гляньте-ка, кого кошка притащила. — Он улыбнулся. — Как сам, Джонси?

— Отлично, — ответил я, покривив душой. Теперь, когда я влезал в шкуру не чаще четырех-пяти раз за день, вернулись бессонные ночи. Я лежал в кровати, дожидаясь, когда предрассветные часы сменятся зарей, не закрывал окно, чтобы слышать шум прибоя, и думал об Уэнди и ее новом бойфренде. А также думал о девушке, которую Том видел стоящей у монорельса в «Доме ужасов», в псевдокирпичном тоннеле между Подземной темницей и Камерой пыток.

Я повернулся к Фортуне.

— Мы можем поговорить?

Она не спросила, о чем, просто повела меня в свой павильон, отдернула закрывавшую вход пурпурную занавеску и пригласила войти. В комнате стоял круглый стол, накрытый ярко-розовой тканью. На нем, под покрывалом, красовался хрустальный шар Фортуны. Два простеньких складных стула располагались друг против друга, чтобы прорицательницу и желавшего

узнать свою судьбу разделял хрустальный шар. Я знал, что он подсвечивается маленькой лампочкой, которую Мадам Фортуна включала ножной педалью. Дальнюю стену украшала занавешенная шелком огромная человеческая кисть с растопыренными пальцами, обращенная к комнате ладонью. На ней аккуратные надписи обозначали семь главных элементов гадания: линии жизни, сердца, разума, любви (она же Пояс Венеры), солнца, судьбы и здоровья.

Мадам Фортуна подобрала юбки и села. Знаком предложила мне занять стул напротив. Не сняла чехол с хрустального шара, не попросила позолотить ей ручку, чтобы узнать свое будущее.

— Спрашивай, что хотел.

— Я хотел знать, была ли та девочка просто догадкой — или вы действительно что-то знали? Что-то видели?

Она долго и пристально смотрела на меня. В павильоне Мадам Фортуны стоял легкий аромат благовоний, а не запах поп-корна и жареных пончиков. И, несмотря на тонкие стены, музыка, болтовня кроликов и грохот аттракционов доносились сюда словно издалека. Мне хотелось опустить глаза, но я совладал с собой.

— То есть ты хочешь знать, шарлатанка ли я. Правильно?

— Я... мэм, если честно, я не знаю, *чего* хочу.

Она улыбнулась. По-доброму... словно я прошел какую-то проверку.

— Ты милый мальчик, Джонси, но, как и очень многие милые мальчики, никудышный лжец.

Я уже собрался ответить, но она остановила меня взмахом украшенной крупными кольцами правой руки. Достала из-под стола денежный ящик. Предсказания

Мадам Фортуна делала бесплатно — стоимость входит в цену входного билета, дамы и господа, мальчики и девочки, — но чаевые приветствовались, что полностью соответствовало закону Северной Каролины. Когда она открыла ящик, я увидел стопку мятых купюр, главным образом по одному доллару, что-то подозрительно напоминавшее лотерейную доску с отверстиями (запрещенную по закону Северной Каролины) и маленький конверт. С моим именем, написанным на лицевой стороне. Мадам Фортуна протянула его мне. Я помялся, потом взял.

— Сегодня ты пришел в «Страну радости» не только для того, чтобы задать мне вопрос.

— Ну...

Она вновь оборвала меня взмахом руки.

— Ты *точно* знаешь, чего хочешь. Во всяком случае, на ближайшее время. И поскольку ближайшее время — это все, что есть у каждого из нас, не дело Фортуны — да и Роззи Голд — спорить с тобой. Иди. Сделай то, зачем пришел. Когда закончишь, вскрой конверт и посмотри, что там написано. — Она улыбнулась. — С сотрудников я денег не беру. Особенно с таких хороших мальчиков, как ты.

— Я не...

Она поднялась в шуршании юбок и звоне украшений.

— Иди, Джонси. Мы закончили.

Я вышел из ее маленького павильона, как в тумане. Исторгаемая двумя десятками аттракционов и павильонов музыка налетела со всех сторон, солнце било молотом. Я направился к административному зданию (на

самом деле двухсекционному трейлеру), вежливо постучал, переступил порог, поздоровался с Брендой Рафферти, которая металась от бухгалтерской книги к старому верному арифмометру и обратно.

— Привет, Девин, — поздоровалась она. — Ты заботишься о вашей Голливудской девушке?

— Да, мэм. Мы все приглядываем за ней.

— Дана Элхарт, правильно?

— Эрин Кук, мэм.

— Эрин, ну разумеется. Команда «Бигль». Рыженькая. Что я могу для тебя сделать?

— Я бы хотел поговорить с мистером Истербруком.

— Он отдыхает, и мне так не хочется его беспокоить. Он очень много говорил по телефону с разными людьми, а нам еще предстоит просмотреть кое-какие бумаги, пусть я и не хочу занимать его время. Теперь он очень быстро устает.

— Я буквально на минутку.

Она вздохнула:

— Ладно, посмотрю, не спит ли он. О чем пойдет речь?

— Об услуге, — ответил я. — Он поймет.

Он понял и задал только два вопроса. Первый о том, уверен ли я. Я ответил, что да. Второй...

— Ты сказал родителям, Джонси?

— У меня только отец, мистер Истербрук, и я позвоню ему этим же вечером.

— Что ж, хорошо. Поставь Бренду в известность, когда будешь уходить. Она даст тебе все необходимые бумаги, чтобы ты заполнил... — Не закончив фразу, он раскрыл рот в широченном зевке, демонстрируя лоша-

диные зубы. — Извини, парень. Тяжелый выдался денек. Да и все *лето*.

— Благодарю вас, мистер Истербрук.

Он отмахнулся.

— Я буду только рад. Уверен, ты станешь для нас ценным сотрудником, но ты меня разочаруешь, если поступишь так без одобрения отца. Закрой, пожалуйста, дверь, когда выйдешь из кабинета.

Я попытался не замечать хмурого лица Бренды, когда она рылась в бюро и доставала различные бланки корпорации «Страна радости», необходимые для оформления на постоянную работу. Зря старался, потому что все равно чувствовал ее осуждение. Сложил бумаги, сунул в задний карман джинсов и отбыл.

За скворечниками в дальнем конце заднего двора росла небольшая ниссовая роща. Я вошел в нее, сел, привалившись спиной к стволу одного из деревьев, и вскрыл конверт, который дала мне Мадам Фортуна. В нем была короткая записка:

Ты идешь к мистеру Истербруку, чтобы узнать, сможешь ли остаться в парке после Дня труда. Ты знаешь, что в этой просьбе он тебе не откажет.

Она не ошиблась, я хотел узнать, шарлатанка ли она. Ответ был передо мной. И да, я уже решил для себя, что делать с жизнью Девина Джонса. В этом она тоже оказалась права.

Но ниже Мадам Фортуна добавила еще кое-что.

Ты спас маленькую девочку, но, дорогой мальчик, ты не сможешь спасти всех.

Когда я сказал отцу, что не собираюсь возвращаться в Университет Нью-Хэмпшира — что мне нужно отдохнуть от колледжа, и я хочу провести год в «Стране радости», — на том конце провода, в южном Мэне, воцарилось долгое молчание. Я думал, он закричит на меня, но он этого не сделал. Только его голос вдруг стал таким уставшим:

— Все из-за той девушки, верно?

Двумя месяцами ранее я говорил ему, что мы с Уэнди решили «какое-то время побыть врозь», но папа, конечно же, все понял. С того момента он ни разу не упомянул ее имени в наших еженедельных телефонных разговорах. Она стала просто «той девушкой». После того как он пару раз так ее назвал, я попытался пошутить, спросив, не думал ли он, что я гулял с Марло Томас*. Он не рассмеялся. Больше я такого не говорил.

— Отчасти из-за Уэнди, — признал я, — но не совсем. Мне надо вырваться из привычного круга. Перевести дух. И мне здесь нравится.

Он вздохнул.

— Может, тебе действительно нужна передышка. По крайней мере ты будешь работать, а не колесить по Европе на попутках, как дочка Дьюи Мишо. Четырнадцать месяцев в молодежных хостелах! Четырнадцать, и конца этому не видно! Господи! Само собой, заполучит стригущий лишай или проглотит арбуз.

— Думаю, мне удастся избежать и первого, и второго, — ответил я. — Если буду соблюдать осторожность.

— Ты лучше избегай ураганов. Похоже, в этом году их будет много.

* Марло Томас (р. 1937) — исполнительница главной роли в телевизионном сериале «Та девушка» (1966–1971).

— Так ты согласен, папа?

— Почему нет? Ты хотел, чтобы я с тобой спорил? Отговаривал тебя? Если таков твой выбор, почему не попробовать? Тем более что я знаю, что сказала бы твоя мама: если он достаточно взрослый, чтобы покупать спиртное, значит, имеет право решать, как ему жить.

Я улыбнулся:

— Да. Очень на нее похоже.

— Что касается меня, я не хочу, чтобы ты вернулся в колледж и продолжал сохнуть из-за той девушки, забросив учебу. Если покраска аттракционов и ремонт павильонов помогут тебе избавиться от мыслей о ней, это хорошо. Но как насчет твоей стипендии и ссуд на учебу, если ты захочешь вернуться осенью семьдесят четвертого?

— Это не проблема. У меня средний балл три и две десятых. Более чем достаточно.

— Та девушка. — В его голосе слышалось безмерное отвращение, и мы перешли к другим темам.

Я по-прежнему грустил и переживал из-за того, что с Уэнди все так закончилось, тут отец не ошибся, но я все же двинулся по трудному пути (*путешествие*, так в наши дни называют этот процесс в группах психологической поддержки) от отрицания к принятию. Разумеется, душевное равновесие еще даже не маячило на горизонте, однако я уже не верил — как в долгие, тоскливые июньские дни и ночи, — что оно недостижимо.

В «Стране радости» я оставался по другим причинам, которые еще даже не начал сортировать, потому что их бесформенную кучу удерживал грубый шпагат

интуиции. Сказалось и происшествие с Холли Стэнсфилд, и слова Брэдли Истербрука в самом начале лета, что *мы продаем веселье*, и ночной шум океана, и мелодия, которую порывистый ветер играл на каркасе «Каролинского колеса». Внесли свою лепту и прохладные тоннели под территорией парка развлечений, и секретный Язык, который другие новички забудут к рождественским каникулам. Я не хотел его забывать, он был слишком ярким и образным. Я чувствовал, что «Страна радости» может дать мне что-то еще. Не знал, что именно, просто... что-то еще.

Но главная причина — странно, я проверял и перепроверял воспоминания о тех днях, чтобы убедиться в их истинности, и сомнений у меня не осталось — заключалась в том, что именно наш Фома неверующий увидел призрак Линды Грей. И это его изменило, пусть незначительно, но существенно. Не думаю, что Том *хотел* меняться — полагаю, его и так все устраивало, — а вот я хотел.

И еще я хотел увидеть ее.

Во второй половине августа несколько старожилов — Папаня Аллен, Дотти Лассен и другие — посоветовали мне помолиться о том, чтобы в День труда зарядил дождь. Но дождя не было, и уже в субботу пополудни я понял, о чем они толковали. Кролики в огромном количестве пошли на последний приступ, и «Страна радости» опять накачалась. К этому времени многие летние сотрудники разъехались по своим колледжам, что только усугубило ситуацию. Оставшиеся носились, как собаки, вывалив язык на плечо.

А некоторые не просто носились, но и изображали собак, точнее, одну собаку. Большую часть этого праздника я видел через сетчатые глаза Хоуи, Счастливого пса. Только в воскресенье залезал в этот чертов меховой костюм дюжину раз. После предпоследнего, когда я уже преодолел три четверти Бульвара под авеню Радости, мир поплыл у меня перед глазами, застилаемый серыми тенями. *Тенями Линды Грей*, помнится, подумал я.

Я ехал на маленьком электрокаре, стянув шкуру до пояса, чтобы кондиционированный воздух охлаждал разгоряченное тело, и в тот момент осознал, что отключаюсь. Мне хватило ума свернуть к стене и убрать ногу с резиновой кнопки, заменявшей педаль газа. Толстый Уолли Шмидт, который заведовал аттракционом «Угадай-свой-вес», как раз пришел в лежку передохнуть на несколько минут. Он увидел, как я припарковался под углом к стене и навалился на руль. Достал из холодильника кувшин ледяной воды, вперевалочку подошел ко мне, поднял мой подбородок пухлой рукой.

— Эй, салага, у тебя есть еще один костюм или это единственный, который на тебя налезает?

— Есь один, — промямлил я заплетающимся языком. — В косямной. Ошнь блшой.

— Это хорошо. — И он вылил кувшин мне на голову. На мой крик прибежало несколько человек.

— Какого *хрена*, Толстый Уолли?

Он ухмыльнулся:

— Освежает, не правда ли? Конечно же, освежает. День труда, салага. Никакого сна на работе. Благодарим счастливые звезды и полосы, что наверху не сто десять*.

* По Фаренгейту; примерно 43 °С.

Было б сто десять, я бы не рассказывал эту историю. Умер бы от спекшегося мозга где-то на середине танца Счастливого Хоуи, на эстраде детского городка Качай-Болтай. Однако непосредственно в День труда небо затянули облака. А с моря дул освежающий ветерок. Так что я продержался.

В тот понедельник, около четырех пополудни, когда я надевал шкуру для последнего шоу сезона, в костюмерную вошел Том Кеннеди. Он расстался с песболкой и грязными кроссовками, сменив их на идеально отглаженные чинос (я еще задался вопросом, *а где же он их хранил*), рубашку «Лиги плюща» и кожаные туфли. Розовощекий сукин сын даже подстригся. С макушки до пяток выглядел успешным во всех отношениях студентом колледжа, прокладывающим дорогу в мир бизнеса. Никто бы не догадался, что всего двумя днями ранее он в сползших грязных «ливайсах» ползал с масленкой под «Зиппером» и клял Папаню Аллена, бесстрашного капитана нашей команды, всякий раз, когда ударялся головой о стойку.

— Уезжаешь? — спросил я.

— В точку, дружище. В восемь утра отбываю на поезде в Филли. Проведу неделю дома, потом обратно на каторгу.

— Рад за тебя.

— Эрин надо добить кое-какие дела, но вечером она встретится со мной в Уилмингтоне. Я уже заказал номер с завтраком в уютном маленьком отеле.

Естественно, я почувствовал укол зависти.

— Здорово.

— Она сокровище.

— Знаю.

— И ты тоже, Дев. Будем на связи. Люди часто такое говорят ради красного словца, но только не я. Мы *обязательно* будем на связи. — И он протянул руку.

Я сжал ее и потряс.

— Хорошо. Ты славный парень, Том, а Эрин — лучшая девчонка на свете. Береги ее.

— Нет проблем. — Он широко улыбнулся. — В ближайший весенний семестр она переведется в Ратгерс. Я уже научил ее боевой песне «Алых рыцарей»*. Знаешь, «Вперед, “Алые”, “Алые”, вперед...»

— Сложно, однако.

Он погрозил мне пальцем.

— В этом мире сарказм тебя до добра не доведет. Если только ты не собираешься писать для журнала «Мэд». Учти это.

Тут подала голос Дотти Лассен:

— Может, ускорим трогательное прощание? Тебе пора на выход, Джонси.

Том повернулся к ней и вытянул руки.

— Дотти, как я вас люблю! Как мне будет вас *недоставать*!

Она шлепнула себя по заду, показывая, как ей будет не доставать его, и вернулась к починке какого-то костюма.

Том протянул мне листок бумаги.

— Мой домашний адрес, адрес колледжа, оба телефона. Надеюсь, ты ими воспользуешься.

— Обещаю.

— Ты действительно собираешься пожертвовать годом, в течение которого мог бы пить пиво и трахаться, ради облезлых развалюх здесь, в «Стране радости»?

* Алый — цвет формы всех спортивных команд Ратгерса.

— Ага.

— Ты рехнулся?

Я задумался.

— Вероятно. Немного. Но иду на поправку.

Я был весь потный, а он пришел в чистой одежде, но Том все равно крепко обнял меня. Потом направился к двери, задержавшись лишь для того, чтобы чмокнуть Дотти в морщинистую щеку. Она не отшила его — помешал полный рот булавок, — но прогнала взмахом руки.

У двери Том повернулся ко мне.

— Хочешь совет, Дев? Держись подальше от... — Он мотнул головой, и я прекрасно понял, о чем речь: от «Дома ужасов». Потом он ушел, вероятно, думая о приезде домой, и об Эрин, и о машине, которую собирался купить, и снова об Эрин, и о ближайшем учебном годе, и опять об Эрин. «Вперед, “Алые”, “Алые”, вперед». Уже в ближайшем весеннем семестре они смогут скандировать вместе. Черт, смогут скандировать сегодня вечером, если захотят. В Уилмингтоне. В постели. Вместе.

Контрольные часы в парке развлечений отсутствовали: наши приходы и уходы фиксировали капитаны команд. После моего последнего выступления в роли Хоуи в первый понедельник сентября Папаня Аллен велел мне принести карточку табельного учета.

— Мне работать еще час, — возразил я.

— Нет, кое-кто ждет тебя у ворот, чтобы проводить домой. — Я знал, о ком речь. С трудом верилось, что в сморщенной изюмине, которая заменяла Папане сердце, могло остаться место для теплых чувств, но в то лето

мисс Эрин Кук его проняла. — Насчет завтрашнего дня все понятно?

— С половины восьмого и до шести, — ответил я. И никакой шкуры. Красота.

— Я буду руководить тобой две недели, а потом отправлюсь в солнечную Флориду. После этого перейдешь в подчинение Лейна Харди. И Фредди Дина, наверное, если он заметит, что ты по-прежнему здесь.

— Все понял.

— Хорошо. Я распишусь в твоей карточке, и ты десять сорок два. — На Языке это означало то же самое, что и у любителей модного тогда сленга гражданского радиодиапазона: *свободен*. — И... Джонси? Попроси эту девочку время от времени присылать мне почтовую открытку. Я буду по ней скучать.

Я его понимал.

Эрин также сделала первые шаги на пути из Страны радости к Реальной жизни. Исчезли линялые джинсы и футболка с вызывающе закатанными до плеч рукавами, не говоря уже о зеленом платье Голливудской девушки и робин-гудовской шляпке. За воротами, в алом свете неоновой вывески, меня ждала молодая женщина в шелковой синей блузке без рукавов и юбке-трапеции. Ее волосы были собраны в пучок на затылке, и она выглядела великолепно.

— Пойдем по берегу, — предложила она. — У меня есть немного времени до автобуса в Уилмингтон. Я там встречаюсь с Томом.

— Он мне говорил. Об автобусе и не думай. Я тебя отвезу.

— Правда?

— Конечно.

Мы зашагали по мелкому белому песку. Половинка луны уже поднялась над горизонтом и проложила дорожку по воде. На полпути — если на то пошло, неподалеку от большого зеленого викторианского особняка, который той осенью сыграл столь большую роль в моей жизни, — она взяла меня за руку и уже не отпускала. Мы практически не разговаривали, пока не добрались до лестницы, ведущей на автомобильную стоянку. Там Эрин повернулась ко мне.

— Разрыв с ней ты переживешь. — Она не отрывала своих глаз от моих. В тот вечер она не накрасилась, да это было и не нужно. Макияжем служил лунный свет.

— Да, — согласился я. Я знал, что это правда — и в глубине души сожалел об этом. Отпускать всегда нелегко. Даже когда держишь что-то шипастое. А может, именно тогда — особенно трудно.

— Сейчас здесь тебе самое место. Я это чувствую.

— Том тоже чувствует?

— Нет, но он никогда не воспринимал «Страну радости», как ты... и как я. А после того, что случилось в тот день в «Доме ужасов»... когда он увидел...

— Ты говорила с ним об этом?

— Пыталась. Потом перестала. Случившееся не укладывается в его картину мира, поэтому он пытается от этого отгородиться. Но, думаю, он тревожится за тебя.

— А *ты* за меня тревожишься?

— Из-за призрака Линды Грей — нет. Из-за призрака той Уэнди — немного.

Я улыбнулся:

— Мой отец больше не произносит ее имени. Для него она — «та девушка». Эрин, сможешь оказать мне

услугу, когда вернешься в университет? Если у тебя найдется время.

— Конечно. Какую?

Я объяснил.

Она попросила высадить ее на автобусном вокзале Уилмингтона, а не возле отеля, в котором Том снял номер. Сказала, что лучше доедет туда на такси. Я уже собрался протестовать — чего тратить деньги попусту? — потом не стал. Она покраснелась, выглядела смущенной. Я догадался, в чем причина: она не хотела вылезать из моего автомобиля, чтобы двумя минутами позже сбросить одежду и прыгнуть в койку с Томом Кеннеди.

Когда я остановился напротив стоянки такси, она сжала руками мое лицо и поцеловала меня в губы. Долгим-предолгим поцелуем.

— Не встретить я Тома, я бы заставила тебя забыть ту глупую девчонку.

— Но ты встретила.

— Да, встретила. Оставайся на связи, Дев.

— Помни, о чем я тебя попросил. Если появится возможность, сделай это.

— Я помню. Ты очень милый, Дев.

Не знаю почему, но от этих слов мне захотелось плакать. Но я лишь улыбнулся.

— А еще, признай это, из меня получился чертовски хороший Хоуи.

— Это точно. Девин Джонс, спаситель маленьких девочек.

На мгновение я подумал, что она поцелует меня вновь, но этого не произошло. Она выскользнула из

автомобиля и побежала через улицу к стоянке такси, ее юбка развевалась. Я ждал, пока она не села на заднее сиденье и не уехала. Потом последовал ее примеру, отправился в обратный путь, к пляжу, и миссис Шоплоу, и моей осени в «Стране радости», самой лучшей и самой ужасной осени в моей жизни.

Сидели ли Энни и Майк Росс у дорожки, тянувшейся к пляжу от зеленого викторианского особняка, когда во вторник после Дня труда я шел по берегу в парк развлечений? Я помню теплый круассан, который ел на ходу, и круживших над головой чаек, но насчет Энни и Майка уверенности у меня нет. Они стали такой важной частью пейзажа — таким ориентиром, — что просто невозможно вспомнить, когда я впервые заметил их присутствие. Повторение — самый страшный враг памяти.

Через десять лет после описываемых здесь событий я работал (возможно, за мои грехи) обозревателем «Кливленд мэгезин». Черновой вариант практически всех материалов я писал в больших блокнотах с желтой линованной бумагой, сидя в кафетерии на Третьей Западной улице, неподалеку от стадиона «Лэйкфронт», где тогда выступали «Индейцы». Каждый день в десять утра в кафетерий заходила молодая женщина, брала несколько чашек кофе и уносила в риелторское агентство, располагавшееся по соседству. И я тоже не могу сказать, когда заметил ее впервые. Знаю точно, что однажды *увидел* ее и понял, что иногда она поглядывала на меня. Потом пришел день, когда я перехватил ее взгляд и ответил на улыбку улыбкой. Через восемь месяцев мы поженились.

С Энни и Майком произошло то же самое: в какой-то момент они стали частью моего мира. Я всегда махал им рукой, и мальчик в инвалидном кресле махал мне в ответ, а собака наблюдала за мной, наострив уши, и ветер ерошил ее шерсть. Женщина приковывала взгляд: блондинка, красавица, с высокими скулами, широко посаженными синими глазами, полными, словно чуть припухшими губами. Мальчик носил бейсболку «Уайт сокс», натянутую по самые уши. Выглядел он болезненным. Впрочем, улыбка у него была вполне здоровая. Когда я шел на работу или возвращался домой, он одаривал меня ею. Раз или два даже показал «знак мира», который я не преминул повторить. Я тоже стал частью его пейзажа. Думаю, даже Майло, джек-рассел, начал признавать меня за своего. Только мама держалась отстраненно. Когда я проходил мимо, она обычно не отрывалась от книги, которую читала. А если отрывалась, не махала мне рукой и уж тем более не показывала «знак мира».

Дел в «Стране радости» мне хватало, и пусть я не мог назвать эту работу столь же интересной и разнообразной, как летом, она и не выматывала меня до такой степени. Мне даже выпадал шанс выступить в звездной роли Хоуи и спеть «С днем рождения тебя» в детском городке Качай-Болтай, потому что «Страна радости» открывалась для публики в первые три сентябрьских уик-энда, хотя, конечно, ни один аттракцион не накачивался. Даже «Каролинское колесо», которое по популярности уступало только карусели.

— На севере, в Новой Англии, большинство парков развлечений работает по выходным до Хэллоуина, —

как-то раз объяснил мне Фред Дин. Мы сидели на скамье и ели сытный, богатый витаминами ленч, состоявший из чили-бургера и шкварок. — Во Флориде они работают круглый год. Мы в промежуточной зоне. В шестидесятых годах мистер Истербрук пытался удлинить сезон, потратил кучу денег на большую рекламную кампанию, но не получилось. Как только ночи становятся прохладнее, местные жители начинают думать об окружающих ярмарках и тому подобном. Опять же многие наши постоянные сотрудники отправляются зимовать на юг или на запад. — Он посмотрел на пустынный Собачий проспект и вздохнул. — В это время года здесь одиноко.

— Мне нравится, — ответил я, не покривив душой. В тот год я познал одиночество. Иногда ездил в кино в Ламбертон или Миртл-Бич, с миссис Шоплоу и Тиной Экерли, библиотечаршей с выпученными глазами, но большинство вечеров проводил в своей комнате, перечитывал «Властелина колец» и писал письма Эрин, Тому и папе. Я также написал немало стихотворений, о которых мне теперь стыдно даже думать. Слава Богу, я их сжег. Добавил в свою коллекцию новую и весьма мрачную «Темную сторону луны». В Книге Притчей сказано: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою»*. В ту осень я вновь и вновь возвращался к «Темной стороне», выключая «Пинк Флойд» только для того, чтобы услышать Джима Моррисона: «Это конец, прекрасная подруга». Да уж, тяжелый случай, я знаю, знаю.

К счастью, забот в «Стране радости» вполне хватало, чтобы заполнить мои дни. Первые пару недель, пока

* Книга Притчей Соломоновых, 26:11.

парк работал по выходным, мы занимались осенней уборкой. Фред Дин поставил под мое начало небольшую бригаду газонтов, и к тому времени, когда на воротах появилась табличка «ЗАКРЫТО ДО СЛЕДУЮЩЕГО СЕЗОНА», мы подчистили граблями и выкосили все лужайки, подготовили к зиме каждую клумбу и вымыли начисто все аттракционы и павильоны. Возвели на заднем дворе ангар из гофрированных металлических панелей и закатали в него все передвижные киоски для продажи еды (на Языке — жрачроллеры), где им предстояло зимовать. Каждый — и для поп-корна, и для мороженого, и для хот-догов — накрыли зеленым брезентовым чехлом.

Когда газонты отбыли на север собирать яблоки, меня направили на подготовку парка к зиме, вместе с Лейном Харди и Эдди Парксом, вспыльчивым старожилом «Страны радости». В сезон он заправлял «Домом ужасов» и руководил командой «Доберман». Мы осушили фонтан на пересечении авеню Радости и Собачьего проспекта и уже переместились к «Бултыху капитана Немо», где работа предстояла более серьезная, когда к нам подошел Брэдли Истербрук в черном костюме, готовый к отъезду.

— Вечером уезжаю в Сарасоту, — сообщил он. — Бренда Рафферти, как обычно, едет со мной. — Он улыбнулся, продемонстрировав лошадиные зубы. — Обхожу парк и благодарю тех, кто еще в нем остался.

— Прекрасной вам зимы, мистер Истербрук, — пожелал ему Лейн.

Эдди пробормотал что-то, прозвучавшее для меня как «скатертью дорога», но скорее всего он сказал: «Легкой вам дороги».

— Спасибо за все, — поблагодарил его я.

Он пожал нам руки, мне — последнему.

— Надеюсь увидеть тебя в следующем году, Джон-си. Я думаю, у вас, молодой человек, в душе немало от карни.

Но он не увидел меня в следующем году, и никто не увидел его. Мистер Истербрук умер первого января в кондоминиуме на бульваре Джона Ринглинга, менее чем в полумиле от того места, где зимовал знаменитый цирк братьев Ринглинг.

— Чокнутый старый ублюдок, — пробормотал Паркс, наблюдая, как Истербрук идет к своему автомобилю, где его ожидала Бренда, чтобы помочь сесть внутрь.

Лейн долго и пристально смотрел на Паркса, прежде чем процедить:

— Заткнись, Эдди.

Эдди совету внял. И, вероятно, поступил мудро.

Как-то утром, когда я шагал в «Страну радости» со своими круассанами, джек-рассел наконец-то решил познакомиться со мной поближе.

— Майло, назад! — одернула его женщина.

Майло повернулся, посмотрел на нее, потом на меня яркими черными глазами. Я оторвал кусочек круассана, присел на корточки. Протянул ему. Майло помчался ко мне.

— Не кормите его! — крикнула женщина.

— Ах, мама, да перестань, — подал голос мальчик.

Майло услышал ее и не взял круассан, но сел передо мной и поднял передние лапы. Я дал ему кусочек.

— Больше не буду, — я поднялся, — но нельзя не вознаградить его старания.

Женщина фыркнула и вернулась к книге, толстой и, похоже, сложной.

— Мы постоянно его кормим, — сообщил мальчик. — Но он не толстеет, потому что все время бегаёт.

Не отрываясь от книги, женщина спросила:

— Что нам известно о разговорах с незнакомцами, Майки?

— Но он не совсем незнакомец, раз мы видим его каждый день, — возразил мальчик. Вполне резонно, во всяком случае, по моему разумению.

— Я Девин Джонс, — представился я. — Живу чуть дальше по берегу. Работаю в «Стране радости».

— Полагаю, вы не хотите опоздать на работу. — Она по-прежнему не отрывалась от книги.

Мальчик пожал плечами, говоря тем самым: что тут поделаешь. Бледный, сгорбленный, будто старичок, он, как мне показалось, обладал живым чувством юмора, о чем свидетельствовало и пожатие плечами, и сопровождавший его взгляд. Я тоже пожал плечами и пошел дальше. На следующее утро я съел круассаны до того, как поравнялся с зеленым домом, чтобы не искушать Майло, но помахал рукой. Мальчик, Майк, ответил тем же. Женщина сидела на привычном месте, под зеленым зонтом, на этот раз без книги, но — как и всегда — рукой она мне не помахала. Ее очаровательное лицо напоминало маску. *Здесь тебя не ждут, говорило оно. Иди в свой паршивый парк развлечений и оставь нас в покое.*

Я так и поступил. Но продолжал махать им рукой, и мальчик всегда отзывался. Утром и вечером приветствовал меня.

В понедельник, после отъезда Гэри Аллена по прозвищу Папаня во Флориду — ему предстояло заведовать одним из аттракционов в парке развлечений «Все звезды Олстона» в Джексонвилле, — я прибыл в «Страну радости» и увидел Эдди Паркса, моего самого нелюбимого старожилы. Он сидел на деревянном ящике перед «Домом ужасов». Курить в парке не разрешалось, но мистер Истербрук уехал, а Фреда Дина поблизости не было, и Эдди полагал, что может преспокойно нарушить запрет. Он курил, не снимая перчаток, что могло показаться странным, если бы он когда-нибудь их снимал, но без них я его ни разу не видел.

— А вот и ты, пацан, и опоздал всего-то на пять минут. — Все звали меня Дев или Джонси, но для Эдди я раз и навсегда остался *пацаном*.

— Я пришел ровно в семь тридцать. — Я постучал по циферблату.

— Значит, у тебя часы отстают. Почему ты не едешь из города, как остальные? Добирался бы за пять минут.

— Мне нравится ходить по берегу.

— Мне насрать на то, что тебе нравится, пацан, главное, чтобы ты приходил сюда вовремя. Это не лекции в колледже, на которые являются, как бог на душу положит. Это *работа*, и теперь, когда Большого Бигля нет, тебе придется воспринимать ее как работу.

Я мог бы передать ему слова Папани о том, что после его отъезда руководить мной будет Лейн Харди, но предпочел промолчать. Не имело смысла ухудшать и без того плохую ситуацию. Почему Эдди невзлюбил меня, я знал. Он одинаково не любил всех. Я бы пошел к Лейну, если бы работать под руководством Эдди ста-

ло совсем невыносимо, но только в крайнем случае. Отец учил меня, главным образом на своем примере, что человек должен сам решать свои проблемы, если собирается оставаться хозяином своей жизни.

— Что мне делать, мистер Паркс?

— Много чего. Я хочу, чтобы ты взял в кладовой бутылку «Тартл вакс» и не болтался там, зацепившись языками с кем-то из своих дружков. Потом я хочу, чтобы ты пошел в «Ужас» и отполировал стенки всех вагончиков. — Разумеется, он сказал «ва-а-агончиков». — Ты ведь знаешь, что мы полируем их после окончания сезона?

— Честно говоря, не знал.

— Господи Иисусе, ох уж эта молодежь. — Он затоптал окурок, приподнял деревянный ящик, запихнул окурок под него. Как будто от этого улики исчезли. — И тебе придется поработать на совесть, пацан, иначе будешь полировать все заново. Ты понял?

— Понял.

— И хорошо. — Он сунул в рот новую сигарету. Покрылся в карманах в поисках зажигалки. Не снимая перчаток, так что на это ушло время. Наконец, нашел, откинул крышку, но колесико не крутанул. — Чего вылизился?

— Ничего.

— Тогда иди. Включи свет, чтобы видеть, что творишь. Ты ведь знаешь, где выключатели?

Я не знал, но не сомневался, что найду их без его помощи.

— Конечно.

Он нахмурился.

— Надо же, какой умник. — У-у-умник.

Я нашел металлический ящик с надписью «СВЕТ» между Музеем восковых фигур и залом Бочки и Моста. Открыл его и ребром ладони поднял все рычажки выключателей. При свете «Дому ужасов» следовало разом утратить свою мрачную загадочность, но почему-то этого не произошло. В углах залегли тени, и я слышал, как ветер — достаточно сильный в это утро — завывал за тонкими деревянными стенами и где-то постукивал оторвавшейся доской. Отметил про себя, что надо ее найти и закрепить.

В одной руке я держал проволочную корзину с чистыми тряпками и большой — экономичная расфасовка — бутылкой «Тартл вакс». Пересек Наклонную комнату — теперь пол в ней застыл под небольшим углом, — оказался в зале игровых автоматов. Вспомнил, с каким неодобрением Эрин смотрела на автоматы для игры в скибол. *Они знают, что это сплошное надувательство?* Это воспоминание вызвало у меня улыбку, но мое сердце билось учащенно. Видите ли, я знал, что собираюсь сделать, закончив работу.

Вагончики, все двадцать, выстроились вдоль посадочной платформы. Впереди тоннель уходил в чрево «Дома ужасов», освещенный парой ярких рабочих ламп, а не мигающими огнями. В таком виде он выглядел куда более прозаичным.

Я не сомневался, что летом Эдди Паркс разве что изредка протирал маленькие вагончики влажной тряпкой, а это означало, что сначала их следовало вымыть. То есть принести из кладовки мыльный порошок и ведрами таскать воду от ближайшего работающего крана. Когда я наконец вымыл все двадцать вагончиков, подошло время перерыва на ленч, но я решил продол-

жить работу, вместо того чтобы идти на задний двор или спускаться в лежку ради чашечки кофе. В любом из этих мест я мог наткнуться на Эдди, а снова слушать его брюзжание мне не хотелось. Так что я принялся за полировку, толстым слоем нанося «Тартл вакс», а потом растирая по поверхности, переходя от вагончика к вагончику. Те, что я оставлял позади, сверкали как новенькие. Хотя едва ли это заметили бы жаждущие острых ощущений лохи, которым не терпелось отправиться в девятиминутную поездку. К тому моменту, когда я закончил, мои перчатки уже ни на что не годились. Мне предстояло купить новые в магазине рабочей одежды в городе, а хорошие перчатки стоили недешево. Я чуть не рассмеялся, попытавшись представить себе, как бы отреагировал Эдди, попроси я его заплатить за перчатки.

Корзину с грязными тряпками и практически пустой бутылью «Тартл вакс» я поставил в павильоне игровых автоматов, у двери на улицу. Часы показывали десять минут первого, но в этот момент думал я совсем не о еде. Потянувшись, чтобы размять руки и ноги, я вернулся на посадочную платформу. Постоял, любуясь блестящими, отполированными бортами вагончиков, потом медленно пошел вдоль рельса в чрево «Дома ужасов».

Мне пришлось наклонить голову, чтобы пройти под Кричащим черепом, хотя его подняли к потолку и закрепили на межсезонье. Далее находилась Подземная темница, где пятеро юных талантов из возглавляемой Эдди команды «Доберман» пытались (и вполне успешно) стопами и воплями напугать до полусмерти детей всех возрастов. Здесь я снова смог выпрямиться, спасибо высокому потолку. Мои шаги эхом отдавались от

деревянного пола, выкрашенного под камень. Я слышал свое дыхание, отрывистое и сухое. Я боялся, понимаете? Том советовал мне держаться подальше от этого места, но не Том направлял мою жизнь, и не Эдди Паркс. Я слушал «Дорз», я слушал «Пинк Флойд», но я хотел большего. Я хотел увидеть Линду Грей.

Между Подземной темницей и Камерой пыток рельс спускался вниз, при этом дважды изгибаясь буквой «S», так что вагончики набирали скорость, а пассажиров бросало из стороны в сторону. «Дом ужасов» относился к темным аттракционам, но по большому счету только на этом отрезке пути царила абсолютная тьма. Здесь убийца перерезал горло девушке и выбросил из вагончика тело. Как же быстро и уверенно он действовал! За последним поворотом пассажиров слепили разноцветные мигающие огни. И хотя Том об этом не рассказывал, я не сомневался, что именно в этот момент он увидел то, что увидел.

Я медленно шел вдоль двойного «S», думая, что Эдди, услышав мои шаги в тоннеле, вполне может выключить свет, рассудив, что это отменная шутка. Оставить меня в темноте, чтобы я на ощупь пробирался мимо места убийства, под стук доски на ветру. И допустим... просто допустим... в темноте рука молодой женщины возьмет меня за руку, как сделала Эрин в наш последний вечер на берегу.

Огни не погасли. Мерцающие призрачным светом окровавленные перчатки и рубашка не появились у рельса. И когда я вышел на то самое место, у въезда в Камеру пыток, призрак девушки не протягивал ко мне руки.

Но что-то там было. Я знал это тогда, знаю и теперь. Температура воздуха упала. Не настолько, чтобы из рта пошел пар, но ощутимо. Мои руки, ноги и мошон-

ка покрылись мурашками, волосы на загривке встали дыбом.

— Покажись мне, — прошептал я, чувствуя себя дураком, причем испуганным насмерть. Желая, чтобы это произошло, надеясь на обратное.

Послышался звук. Долгий, медленный выдох. Не человеческий. Словно кто-то открыл невидимый паровой вентиль. Потом он стих. И больше ничего не случилось. В тот день.

— Долго же ты возился. — Такими словами встретил меня Эдди, когда без четверти час я наконец вышел из «Дома ужасов». Он сидел на том же деревянном ящике, с остатками сэндвича с беконом в одной руке и пластмассовой чашкой с кофе в другой. Я перепачкался с ног до головы, он же выглядел чистеньким и свежим как огурчик.

— Вагончики оказались довольно грязными. Мне пришлось сначала вымыть их.

Эдди отхаркнул черную мокроту, отвернулся и сплюнул.

— Если ты ждешь медали, я их не выдаю. Иди и пощи Харди. Он говорит, пора осушать ирригационную систему. Такому лентяю, как ты, этого хватит до конца рабочего дня. Если управишься раньше, возвращайся ко мне, и я найду для тебя занятие. Работы у меня выше крыши, можешь мне поверить.

— Хорошо, — ответил я и повернулся, радуясь, что могу уйти.

— Пацан!

Я с неохотой посмотрел на него.

— Ты видел ее?

— Что?

Он неприятно ухмыльнулся:

— Нечего мне чтокать. Я знаю, что ты там делал. Не ты первый, и точно не ты последний. Ты ее видел?

— А *вы* ее когда-нибудь видели?

— Нет. — Он смотрел на меня, его маленькие злые глазки сверкали на узком загорелом лице. Сколько ему было лет? Тридцать? Шестьдесят? Я не мог определить, равно как и понять, говорил ли он правду. Впрочем, меня это не волновало. Я хотел побыстрее уйти. Меня от него трясло.

Эдди вскинул затянутые в перчатки руки.

— У парня, который это сделал, были такие же. Ты в курсе?

Я кивнул.

— И вторая рубашка.

— Совершенно верно. — Ухмылка стала шире. — Чтобы не перепачкать первую в крови. И ведь все получилось, так? Его не поймали. А теперь убирайся отсюда.

Когда я подошел к «Колесу», меня поприветствовала только тень Лейна. Сам он добрался уже до середины «Колеса» и лез все выше. Проверял каждое стальное перекрестье, прежде чем поставить на него ногу. Кожаная сумка с инструментом висела у него на бедре, и он то и дело доставал из нее торцевой ключ. Темный аттракцион в «Стране радости» был только один, зато «высоких» хватало, включая «Колесо», «Зиппер», «Шаровую молнию» и «Неистового трясуну». Во время сезона их каждый день до Первого петуха проверяла бригада из трех механиков, и, естественно, их осматривали

(как по графику, так и внезапно) назначенные правительством Северной Каролины инспекторы, ведавшие вопросами безопасности аттракционов. Но Лейн говорил, что всякий хозяин аттракциона должен проверять его сам. Вот я и задался вопросом, когда Эдди Паркс последний раз ездил в одном из своих *ва-а-агончиков* и проверял, а вдруг может случиться что-то *пло-о-о-о-ое*.

Лейн посмотрел вниз, увидел меня и крикнул:

— Этот уродливый сукин сын отпускал тебя на ленч?

— Я хотел все доделать, — крикнул я в ответ. — Потерял счет времени. — Но теперь мне хотелось есть.

— В моей каморке есть салат из макарон с тунцом. Возьми, если хочешь. Вчера вечером я приготовил слишком много.

Я направился в будку, где располагался пункт управления, нашел приличных размеров пластмассовый контейнер, снял крышку. К тому времени как Лейн спустился, салат уже перекочевал в мой живот, и я заедал его парой оставшихся «фиг ньютонов»*.

— Спасибо, Лейн. Очень вкусно.

— Когда-нибудь я стану чьей-то хорошей женой. Дай сюда «ньютоны», пока не съел все.

Я передал ему коробку.

— Как «Колесо»?

— Что надежно, то не ломается. Поможешь мне с двигателем после того, как съеденное немного переварится?

— Конечно.

Он снял котелок и покрутил на пальце. Его волосы были стянуты сзади в маленький конский хвост, и я

* «Фиг ньютонс» — мягкое ванильное печенье с фруктовым пюре.

заметил несколько седых прядей. В начале лета их не было — в этом я практически не сомневался.

— Послушай, Джонси, Эдди Паркс — карни-от-карни, но это не меняет того факта, что он отъявленный сукин сын. С его точки зрения, у тебя два минуса: ты молод и ты закончил школу. Когда он тебя окончательно достанет, скажи мне, и я заставлю его притормозить.

— Благодарю, но пока все в порядке.

— Я знаю. Наблюдал, как ты держишься, и должен отметить, нахожусь под впечатлением. Но Эдди — не простой грубиян.

— Он задира.

— Да, но это и неплохо: как и с большинством задир, если копнуть, обнаружишь труса. Обычно глубоко копать не приходится. В парке есть люди, которых он боится, и я, так уж вышло, один из них. Он уже получал от меня в нос, и я с удовольствием расквашу его вновь. Я это говорю только по одной причине. Если придет день, когда ты захочешь отдохнуть от него, я это устрою.

— Могу я задать один вопрос о нем?

— Валяй.

— Почему он всегда носит перчатки?

Лейн рассмеялся, вернул котелок на голову, наклонил под положенным углом.

— Псориаз. У него чешуйчатая кожа... или он так говорит... но я не помню, когда в последний раз видел его руки. Он говорит, что без перчаток раздражает их до крови.

— Может, по этой причине у него такой дурной характер.

— Я думаю, все в точности до наоборот: дурной характер вызвал болезнь. — Он постучал себя по виску. — Голова контролирует тело, я в это верю. Пошли, Джонси, вернемся к работе.

Мы закончили подготовку «Колеса» к долгой зимней спячке, потом перешли к ирригационной системе. К тому времени, когда продули трубы сжатым воздухом и залили в дренажи несколько галлонов антифриза, солнце опустилось к деревьям, росшим в западной части парка, а тени заметно удлинились.

— На сегодня все, — подвел черту Лейн. — Хорошо потрудились. Неси свою табельную карточку, и я в ней распишусь.

Я постучал по часам, намекая, что еще только четверть шестого.

Он с улыбкой покачал головой:

— Меня не будет мучить совесть, если я напишу шесть часов. Сегодня мы поработали на двенадцать, пацан. Минимум на двенадцать.

— Ладно, — кивнул я, — только не называйте меня пацаном. Это он так меня всегда называет. — И я мотнул головой в сторону «Дома ужасов».

— Я это учту. А теперь неси карточку и проваливай.

После полудня ветер немного поутих, но погода оставалась теплой и ветреной. Я направился по берегу к городу. Обычно на таких прогулках мне нравилось наблюдать за своей длинной тенью на воде, но в этот раз я смотрел главным образом себе под ноги. Устал.

Думал о сэндвиче с ветчиной и сыром из «Пекарни Бетти» и паре банок пива из магазина «Севн-илевн». Потом я поднимаюсь в свою комнату, сяду на стул у окна и за едой почитаю Толкина. Я уже углубился в «Две крепости».

Поднять голову меня заставил мальчишечий голос. Ветер дул в мою сторону, так что я слышал его ясно и отчетливо.

— *Быстрее, мама! У тебя почти по...* — Его прервал приступ кашля. — *У тебя почти получилось.*

В этот вечер мать Майка не сидела под зонтом. Она бежала по пляжу ко мне, но меня не видела, потому что смотрела вверх, на воздушного змея, которого держала в руках над головой. Леер тянулся к мальчику, сидевшему в инвалидном кресле у края дорожки.

Не в ту сторону бежите, мама, подумал я.

Она отпустила змея. Он поднялся на фут или два, капризно покачиваясь из стороны в сторону, потом упал на песок. Ветер подбросил его и потащил за собой. Ей пришлось его догонять.

— *Еще раз!* — крикнул Майк. — Сейчас... — *Кхе-кхе-кхе*, кашель сухой и хриплый, как при бронхите. — Сейчас ты его почти запустила.

— Нет, — ответила она, усталая и злая. — Эта чертова штукавина меня ненавидит. Пойдем в дом и поужи...

Майло сидел рядом с креслом Майка, блестящими глазами наблюдая за происходящим. Заметив меня, он загавкал и помчался ко мне. Наблюдая за его приближением, я вспомнил предсказание Фортуны в день нашей первой встречи: *Твое будущее — маленькая девочка и маленький мальчик. У мальчика есть собака.*

— Майло, ко мне! — крикнула мама. Перед выходом на пляж она наверняка туго стянула волосы на затылке

в конский хвост, но после нескольких упражнений в аэронавтике они растрепались и теперь прядями падали на лицо. Она устало откинула их тыльной стороной ладоней.

Майло не обратил на ее крик ни малейшего внимания. Остановился передо мной, взрыв песок, сел на задние лапы, поднял передние. Я рассмеялся и потрепал его по голове.

— Это все, что ты можешь получить, дружище... Сегодня никаких круассанов.

Он гавкнул, потом затрусил к маме, которая стояла по щиколотки в песке, тяжело дыша и недоверчиво глядя на меня. Пойманный змей лежал у ее ноги.

— Видите? — сказала она. — Поэтому я и не хочу, чтобы вы кормили его. Он жуткий попрошайка и думает, что любой, кто дает ему хоть крошку, его друг.

— Знаете, я человек дружелюбный.

— Приятно это слышать, — ответила она. — Просто ничем не кормите нашу собаку. — На ней были велосипедки и старая синяя футболка с выцветшей надписью на груди. Судя по пятнам пота, она уже достаточно давно пыталась запустить змея. Старалась изо всех сил, и почему нет? Будь у меня ребенок, прикованный к инвалидному креслу, я бы, наверное, тоже хотел дать ему в руки что-то летающее.

— Вы бежите не в ту сторону, — подсказал я. — И бежать нет никакой необходимости. Я не понимаю, почему все думают, что без этого не обойтись.

— Я уверена, что вы специалист по змеям, но уже поздно, и мне надо готовить Майку ужин.

— Мама, позволь ему запустить змея, — вмешался Майк. — Пожалуйста.

Она постояла несколько секунд, опустив голову, с растрепавшимися, влажными прядями, падавшими на лицо и прилипшими к шее. Потом вздохнула и протянула воздушного змея мне. Теперь я смог прочитать надпись на футболке: «ТУРНИР ЛАГЕРЯ ПЕРРИ (ЛЕЖА) 1959». А при виде лицевой стороны воздушного змея я не смог сдержать смех. Ее украшало лицо Иисуса.

— Семейная шутка, — пояснила она. — Не спрашивайте.

— Хорошо.

— У вас одна попытка, мистер Радость, а потом я увожу его на ужин. Ему нельзя замерзать. В прошлом году он болел и еще окончательно не поправился. Он считает себя здоровым, но это не так.

Температура воздуха на берегу составляла никак не меньше семидесяти пяти градусов*, но я не стал об этом упоминать. Любое возражение только еще больше разозлило бы маму. Вместо этого я повторил, что меня зовут Девин Джонс. Она всплеснула руками: мол, как скажешь.

Я посмотрел на мальчика.

— Майк?

— Да?

— Сматывай леер, а я скажу тебе, когда остановиться.

Он сматывал леер, а я шел к нему по песку. Когда поравнялся с мальчиком, посмотрел на Иисуса.

— Уж на этот-то раз вы взлетите, мистер Христос?

Майк рассмеялся. В отличие от мамы, но я подумал, что губы у нее все-таки дрогнули.

* По Фаренгейту; примерно 24 °С.

— Он говорит, что да, — сообщил я Майку.

— Хорошо, потому что... — Кашель. *Кхе-кхе-кхе*. Она говорила правду. Окончательно он не выздоровел, чем бы ни болел, — ...потому что пока он только ел песок.

Повернувшись лицом к Хэвенс-Бэй, я поднял воздушного змея над головой. Почувствовал, как ветер вырывает его из моих рук. Пластик шел рябью.

— Сейчас я его отпущу, Майк. Когда я это сделаю, снова начинай наматывать леер.

— Но это только...

— Нет, не только. От тебя потребуются быстрота и внимание. — Слова прозвучали чуть резче, чем следовало, потому что я хотел, чтобы мальчик почувствовал себя спокойным и уверенным, когда змей поднимется в воздух. Он не поднялся бы только в одном случае: если бы ветер внезапно стих. Я очень надеялся, что этого не случится, поскольку мама не шутила, говоря про мой единственный шанс. — Змей поднимется. И когда он это сделает, начинай отпускать леер. Но держи его натянутым, хорошо? То есть когда он начнет провисать...

— Я его сметаю. Понял. Конечно же.

— Хорошо. Готов?

— Да!

Майло сидел между мной и мамой, глядя на воздушного змея.

— Тогда приготовились. Три... два... один... полетели.

Мальчик горбился, его ноги, торчавшие из шорт, напоминали спички, но с руками было все в порядке, и он знал, как следовать указаниям. Он начал сматывать леер, и змей сразу же поднялся. Майк тут же принялся

отпускать его, поначалу излишне быстро — леер провис, змей потерял высоту, — но мгновенно выправил ситуацию, натянув леер, и змей продолжил подъем. Мальчик рассмеялся.

— Я его чувствую. Я чувствую его руками.

— Ты чувствуешь ветер, — уточнил я. — Давай, Майк. Как только он поднимется выше, ветер захватит его. И тогда главное — не упустить.

Он отпускал леер, и змей поднимался, сначала над пляжем, потом над океаном, улетал все выше и выше в синее предвечернее сентябрьское небо. Какое-то время я смотрел на него, потом осторожно скосил глаза на женщину. Она не отреагировала, потому что ничего не заметила. Ее внимание целиком и полностью сосредоточилось на сыне. Не думаю, что мне доводилось видеть столько любви и счастья на человеческом лице. Потому что *он* был счастлив. Его глаза сверкали, кашель прекратился.

— Mamochka, такое ощущение, что он *живой*!

Это точно, подумал я, вспомнив, как отец учил меня запускать воздушного змея в городском парке. Тогда я был ровесником Майка, но твердо стоял на ногах. *Пока он там, наверху, где ему и положено быть, он действительно живой.*

— Подойди и попробуй сама!

Она поднялась по пологому склону пляжа к дорожке, встала рядом с креслом. Она смотрела на воздушного змея, но ее рука поглаживала темно-каштановые волосы Майка.

— Ты действительно этого хочешь, дорогой? Это же твой змей.

— Да, но ты должна попробовать. Это невероятно!

Она взяла заметно похудевшую катушку (змея уже превратился в черный ромб, лицо Иисуса давно пропало из виду) и теперь держала перед собой. На ее лице читалась неуверенность. И тут она улыбнулась. Когда порыв ветра подхватил змея, наклонил влево, а потом вправо над накатывающими на берег волнами, улыбка стала шире.

Какое-то время она управляла змеем, пока Майк не попросил:

— Дай ему.

— Нет, не надо, — попытался увильнуть я.

Но она протянула мне катушку:

— Мы настаиваем, мистер Джонс. Вы у нас специалист по воздушным змеям.

Я взял катушку и почувствовал знакомый восторг. Словно держал в руках удочку, а на конце лески билась заглотнувшая крючок приличных размеров форель. Вот только когда имеешь дело с воздушным змеем, не приходится никого убивать.

— А еще выше он может подняться? — спросил Майк.

— Не знаю, но, возможно, не следует увеличивать высоту. Ветер там сильнее, он может разорвать змея. Опять же вам пора ужинать.

— А мистер Джонс может поужинать с нами, мама?

Эта идея удивила ее и явно не обрадовала. Однако я видел, что она намерена согласиться, потому что мне удалось отправить змея в полет.

— Спасибо, конечно, — сказал я. — Мне приятно, что вы меня пригласили, но в парке выдался тяжелый день. Мы готовили дренажную систему к зиме, так что я грязный с головы до пят.

— Вы можете помыться в доме, — настаивал Майк. — У нас, наверное, семьдесят ваннных комнат.

— Майкл Росс, у нас нет семидесяти ваннных комнат!

— Может, и семьдесят пять, и в каждой по джакузи! — Он засмеялся. Весело, заразительно — во всяком случае, пока смех не перешел в кашель. Кашель усиливался, но когда на лице мамы отразилась тревога (я-то встревожился сразу), мальчик одолел приступ.

— В другой раз. — Я протянул ему катушку. — Мне нравится твой змей с Иисусом. И собака у тебя отличная. — Я наклонился и погладил Майло по голове.

— Ну... хорошо. В другой раз. Только не откладывайте надолго, потому что...

Тут торопливо вмешалась мама:

— Вы можете завтра пойти на работу чуть пораньше, мистер Джонс?

— Конечно, думаю, да.

— Мы можем позавтракать фруктовым смузи прямо здесь, если погода будет хорошей. Я готовлю отличные смузи.

Я в этом не сомневался. Отличный способ не приводить в дом незнакомого мужчину.

— Придете? — спросил Майк. — Это будет круто.

— С удовольствием и принесу с собой выпечку от Бетти.

— В этом нет необход... — начала она.

— Мне будет приятно, мэм.

— Ох! — Она вздрогнула. — Я же не представилась, правда? Энн Росс. — И протянула руку.

— Я бы ее пожал, миссис Росс, но моя ладонь очень грязная. — Я показал ей руки. — Наверное, я и змея запачкал.

— Вам следовало нарисовать Иисусу усы! — крикнул Майк. Рассмеялся и вновь закашлялся.

— У тебя провисает леер, Майк, — сообщил я ему. — Получше натяни его. — Когда он начал наматывать леер на катушку, я еще раз погладил Майло и двинулся к городу.

— Мистер Джонс, — позвала она.

Я обернулся. Она стояла, выпрямившись, вскинув подбородок. Потная футболка облегла тело, подчеркивая отличную грудь.

— Я вообще-то *мисс* Росс. Но раз уж мы должным образом представлены друг другу, почему бы вам не называть меня Энни?

— С удовольствием, — ответил я и кивнул на футболку. — А что это за турнир? И почему лежа?

— По стрельбе из положения лежа, — пояснил Майк.

— Я уже сто лет не стреляла. — Судя по резкости в голосе, она хотела закрыть тему.

Я не возражал. Помахал Майку рукой, а он помахал мне в ответ. Мальчик улыбался. Улыбка у него была восхитительная.

Пройдя сорок или пятьдесят ярдов, я оглянулся. Змей опускался, но пока по-прежнему находился во владениях ветра. Они оба смотрели на змея, рука женщины лежала на плече сына.

Мисс, подумал я. Мисс, не миссис. И живет ли с ними мистер в этом большом старом викторианском доме с семьюдесятью ванными комнатами? Если я не видел с ними мужчину, это не означало, что его нет, но я так не думал. Я чувствовал, что их только двое. И они представлены сами себе.

Наутро Энни Росс мне мало что прояснила, зато многое рассказал Майк. И, конечно, я получил порцию отличного смузи. Она сказала, что йогурт делает сама, а уж где она взяла свежую клубнику, знал только Господь Бог. Я принес круассаны и булочки с черникой из «Пекарни Бетти». Майк к выпечке не притронулся, зато умял смузи и попросил добавки. По тому, как раскрылся рот его матери, я понял, что событие это экстраординарное. Причем в хорошем смысле.

— Ты уверен, что осилишь вторую порцию?

— Может, половину, — ответил он. — А что такое, мама? Ты всегда говоришь, что свежий йогурт улучшает работу кишечника.

— Не думаю, что нам так уж необходимо обсуждать твой кишечник в семь утра, Майк. — Она поднялась, с сомнением глянула на меня.

— Не волнуйся. — Майк широко улыбнулся. — Если он начнет приставать ко мне, я скажу Майло, чтобы он его укусил.

У нее зарделись щеки.

— *Майкл Эверетт Росс!*

— Извини. — Но он не выглядел виноватым. Его глаза сверкали.

— Извиняйся не передо мной, а перед мистером Джонсом.

— Извинение принято. Принято.

— Вы присмотрите за ним, мистер Джонс? Я быстро.

— Присмотрю, если вы будете звать меня Девин.

— Идет. — И она поспешила по дорожке к дому, задержавшись на полпути, чтобы посмотреть на нас. Думаю, хотела вернуться, но возможность впихнуть несколько лишних калорий в болезненно худого маль-

чика перевесила, и Энни продолжила путь. Майк проследил, как она поднимается по ступенькам на задний дворик, потом вздохнул.

— Теперь придется есть вторую порцию.

— Ну... да. Ты же сам ее попросил.

— Только чтобы поговорить с тобой без ее присмотра. Нет, я люблю ее и все такое, но она пытается меня контролировать. Как будто моя болезнь — большой позорный секрет, который мы должны хранить. — Он пожал плечами. — У меня мышечная дистрофия, ничего больше. Поэтому я в инвалидном кресле. Я могу ходить, знаешь ли, но все эти ортезы и костыли — такая морока.

— Мне очень жаль, — вздохнул я. — Хреново тебе, Майк.

— Наверное, но я не помню, чтобы было иначе, так что сравнивать мне не с чем. Только это какой-то особый вид эм-дэ. Она называется мышечная дистрофия Дюшенна. Большинство детей, которые ею болеют, умирают, не дожив до двадцати лет или чуть позже.

Вот и посоветуйте мне, что бы вы сказали десяти-летнему мальчику, ровным голосом сообщившему вам о вынесенном ему смертном приговоре?

— Но. — Он назидательно поднял палец. — Помнишь, она говорила о моей прошлогодней болезни?

— Майк, тебе не обязательно все это рассказывать, если ты не хочешь.

— Да, но только я хочу. — Он пристально, даже настойчиво всматривался в меня. — Потому что ты хочешь это знать. Возможно, тебе необходимо это знать.

Я вновь подумал о Фортуне. Двое детей, сказала она мне, девочка в красной шапочке и мальчик с собакой. У одного был дар, но она не знала, у кого именно. Я подумал, что теперь знаю.

— Мама сказала, что я думаю, будто выздоровел. По мне похоже?

— Кашель нехороший, — решил я, — но в остальном... — Я не знал, как закончить. *В остальном твои ноги — как спички? В остальном мы с твоей мамой можем привязать леер к воротнику твоей рубашки и запустить тебя в небо, как воздушного змея? В остальном, если бы мне предложили поспорить, кто проживет дольше, ты или Майло, я бы поставил на собаку?*

— Я слег с пневмонией сразу после Дня благодарения, понимаешь. За две недели в больнице мне не стало лучше, и врач сказал маме, что я скорее всего умру и ей, ты понимаешь, надо быть к этому готовой.

Но он не мог сказать этого при тебе, подумал я. Они никогда не говорят такого, если знают, что их может услышать пациент.

— Но я выкарабкался. — В его голосе слышалась гордость. — Мой дед позвонил маме... Я думаю, они говорили первый раз за долгое время. Не знаю, кто ему сказал о том, что происходит, но у него везде свои люди. Это мог сделать любой из них.

«Везде свои люди» прозвучало как паранойя, но я держал рот на замке. А позднее выяснил, что никакой паранойи нет. У деда Майка действительно везде были свои люди, и они салютовали Иисусу, флагу и НСА*, хотя не обязательно в такой последовательности.

— Дед сказал, что я выздоровел от пневмонии благодаря Божьей воле. Мама ответила ему, что это чушь собачья, как и его более раннее утверждение, что моя дистрофия — кара Божья. Она ответила, что я крепкий маленький сукин сын, и Бог не имеет к этому никакого отношения. Потом бросила трубку.

* НСА — Национальная стрелковая ассоциация.

Майк мог слышать, что говорила его мать, но не дед, и я сомневался, чтобы Энни пересказала сыну подобный разговор. Однако я и не думал, что он все это сочинил; более того, теперь мне хотелось, чтобы Энни не торопилась возвращаться на пляж. Откровения Майка воспринимались совсем не так, как пророчества Мадам Фортуны. Я верил (и до сих пор верю, после стольких лет), что она обладала толикой шестого чувства, которая подкреплялась тонким пониманием человеческой природы, а потом окутывалась сверкающей ярмарочной мишурой. Экстрасенсорные способности Майка проступали более четко. Без прикрас. *По-настоящему*. Не призрак Линды Грей, но что-то близкое к этому, понимаете? Прикосновение другого мира.

— Мама говорила, что мы никогда не вернемся сюда, но мы здесь. Потому что я хотел вернуться, и потому что хотел запускать змея, и потому что я не доживу до двенадцати, не говоря уже о двадцати. Это все та пневмония. Понимаешь? Я принимал стероиды, и они помогали, но пневмония в сочетании с эм-дэ Дюшенна навсегда загубила мои гребаные легкие и сердце.

Он взглянул на меня с детской воинственностью, наблюдая за реакцией на свой совсем не детский лексикон. Мне было не до того. Меня занимал смысл его слов, а не они сами.

— То есть ты хочешь сказать, что вторая порция смузи тебе не поможет.

Он откинул голову назад и рассмеялся. К сожалению, смех почти сразу перешел в жуткий кашель. В тревоге я даже подошел к нему и похлопал по спине... но мягко. Его тело, казалось, состояло из куриных косточек. Майло гавкнул один раз и положил лапы на худенькую ногу Майка.

На столе стояли два кувшина, с водой и свежесжатым апельсиновым соком. Майк указал на воду, и я налил ему полстакана. Когда попытался поднести к его губам, он сердито посмотрел на меня — продолжая кашлять — и взял стакан. Немного воды выплеснулось на рубашку, но большая часть попала в рот, и кашель начал затихать.

— Сильный приступ. — Он похлопал себя по груди. — Сердце стучит, зараза. Матери не говори.

— Господи, малыш! Как будто она не знает!

— Она знает слишком много, вот что я думаю, — ответил Майк. — Она знает, что у меня впереди три более или менее хороших месяца, а потом четыре или пять действительно плохих. Когда я уже не смогу вставать с постели, буду только вдыхать кислород и смотреть по телевизору «Военно-полевой госпиталь» и «Толстяка Альберта». Единственный вопрос, позволит ли она присутствовать на моих похоронах бабушке и дедушке Росс. — Он вновь сильно закашлялся, его глаза увлажнились, но я знал, что это не слезы. Несмотря на слабость, он не поддавался эмоциям. Прошлым вечером, когда змей парил в небесах, а Майк крепко сжимал катушку с леером, мальчик казался моложе своих лет. Теперь, когда я видел его борьбу с болезнью, он выглядел старше. А более всего пугало хладнокровие, с которым он переносил выпавшее на его долю. Его взгляд встретился с моим, уперся в мои глаза. — Она знает. Просто не подозревает, что я знаю.

Хлопнула дверь. Мы повернулись и увидели, как Энни пересекает задний дворик, направляясь к дорожке, ведущей к пляжу.

— Почему *мне* это надо знать, Майк?

Он покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия. Но не говори об этом с мамой, хорошо? Она только расстроится. Кроме меня, у нее никого нет. — Эти слова он произнес без гордости, просто признавая суровую правду жизни.

— Ладно.

— И вот еще что. Я чуть не забыл. — Он вновь посмотрел на Энни, которая уже миновала полдорожки, повернулся ко мне. — Это не белое.

— Что не белое?

Майк выглядел озадаченным.

— Понятия не имею. Проснувшись сегодня утром, я вспомнил, что ты придешь за смузи, и тут это пришло мне в голову. Я думал, *ты* сразу поймешь.

Прибыла Энни. Она приготовила мини-смузи в стакане для сока. Сверху красовалась клубничина.

— Ням-ням! — воскликнул Майк. — Спасибо, мама!

— На здоровье, милый.

Она заметила его мокрую рубашку, но ничего не сказала. Когда спросила, не хочу ли я сока, Майк подмигнул мне. Я ответил, что с удовольствием. Пока она наливала сок, Майк скормил Майло две большие ложки своего смузи.

Энни повернулась к сыну, увидела наполовину опустевший стакан, и на ее лице отразилось удивление.

— Надо же, ты сегодня действительно голодный.

— Я тебе говорил.

— И о чем вы с мистером Джонсом... Девином... беседовали?

— Да ни о чем. Он сидел такой грустный, но сейчас немного повеселел.

Я промолчал, но почувствовал, как кровь приливает к щекам. Когда решился взглянуть на Энни, она улыбалась.

— Добро пожаловать в мир Майка, Девин.

— Я, наверное, выглядел так, будто проглотил карася, потому что она рассмеялась. Ее смех ласкал слух.

Вечером, когда я возвращался из «Страны радости», она стояла у конца дорожки, дожидаясь меня. Впервые я увидел ее в блузке и юбке. И в одиночестве.

— Девин? Есть секундочка?

— Конечно. — Я поднялся по пологому песчаному склону. — А где Майк?

— С ним три раза в неделю занимаются лечебной физкультурой. Обычно Джейнис — его инструктор — приходит утром, но сегодня я попросила ее прийти вечером, потому что хотела поговорить с тобой наедине.

— Майк знает?

Она печально улыбнулась:

— Вероятно. Майк знает гораздо больше, чем следует. Я не буду спрашивать, о чем вы говорили после того, как он избавился от меня, но догадываюсь, что его... озарения... не стали для тебя сюрпризом.

— Он рассказал мне, почему сидит в инвалидном кресле, вот и все. И упомянул пневмонию, которой заболел на прошлый День благодарения.

— Я хотела поблагодарить тебя за воздушного змея. Ночи у моего сына очень беспокойные. У него ничего не болит, но во сне ему трудно дышать. Это что-то вроде апноэ. Он вынужден спать полусидя, но это не помогает. Иногда он совсем перестает дышать, и когда такое случается, монитор начинает звенеть и будит его. А в прошлую ночь — после полета воздушного змея —

он проспал до утра. Я даже подошла к нему, около двух часов, чтобы убедиться, что монитор не сломался. Майк спал как младенец. Не метался по кровати, не стонал, ему не снились кошмары — а он их часто видит. Это все воздушный змей. Едва ли что-то еще способно было так порадовать Майка. Разве что поход в твой чертов парк развлечений, но это исключено. — Она замолчала, улыбнулась. — Черт, кажется, меня понесло.

— Все нормально, — заверил я ее.

— Просто мне не с кем поговорить. К нам приходит уборщица — очень милая женщина из Хэвенс-Бэй — и, разумеется, Джейнис, но это совсем не то. — Она глубоко вдохнула. — И вот еще что. Несколько раз я тебе нагрубила безо всяких на то оснований. Извини.

— Миссис... мисс... — Вот дерьмо. — Энни, извиняться не за что.

— Есть за что. Ты мог пройти мимо, увидев, как я борюсь с воздушным змеем, и тогда Майк не выпался бы ночью. В оправдание могу сказать только одно: к незнакомым людям я отношусь с недоверием.

Теперь она пригласит меня на ужин, подумал я. Но она не пригласила. Возможно, из-за того, что я сказал дальше.

— Знаешь, он *может* приехать в парк. Сейчас это просто, потому что он закрыт и все такое. Так что устроить ему экскурсию — не проблема.

Ее лицо закрылось, словно сжавшаяся в кулак ладонь.

— Ох нет. Ни под каким видом. Если ты так думаешь, значит, он рассказал тебе о своем состоянии не так много, как я считала. Пожалуйста, не упоминай при нем об этом. Я настаиваю.

— Хорошо, — кивнул я. — Но если ты передумаешь...

Я не договорил. Не вызывало сомнений, что она не передумает. Энни посмотрела на часы, и ее лицо озарила улыбка. Такая яркая, что оставалось удивляться, как это она не добралась до глаз.

— Ух ты, как быстро бежит время. Майк всегда такой голодный после лечебной физкультуры, а я даже не начинала готовить ужин. Так я пошла?

— Конечно.

Я постоял, наблюдая, как она спешит по дорожке к зеленому викторианскому особняку, попасть в который я, вероятно, уже мог и не мечтать — и все из-за моего длинного языка. Но идея отвезти Майка в «Страну радости» казалась мне правильной. В сезон парк посещали группы детей с различными отклонениями от нормы: калеки, слепые, больные раком, с проблемами в развитии (в дремучих семидесятых их называли *умственно отсталыми*). Я же не собирался сажать Майка на переднее сиденье «Неистового трясуну». Даже если бы «Трясуна» и не законсервировали на зиму, не следовало держать меня за идиота.

Тем более что карусель еще была в рабочем состоянии, и он мог на ней прокатиться. А также на поезде, который курсировал по детскому городку Качай-Болтай. И я не сомневался, что Фред Дин разрешил бы мне провести его по «Особняку кривых зеркал». Но нет. Нет. Она видела в Майке хрупкий оранжерейный цветок и не собиралась что-то менять. История с воздушным змеем являлась исключением, а извинения — горькой пилюлей, которую она сочла необходимым проглотить.

Но меня восхищало, какая она быстрая и гибкая, какая грациозная. Я смотрел на ее голые ноги, мелькавшие под краем юбки, и совершенно не вспоминал об Уэнди Киган.

Уик-энд у меня выдался свободным — и знаете, что произошло? Я считаю надуманным утверждение, что по выходным всегда идет дождь, но со мной согласятся не все: спросите любого работягу, который в выходные намеревался отправиться в туристический поход или на рыбалку.

Что ж, зато для Толкина плохой погоды не существовало. И в субботу во второй половине дня я сидел на стуле у окна, все дальше уходя с Фродо и Сэмом в горы Мордора, когда миссис Шоплоу постучала в дверь и спросила, не хочу ли я спуститься в гостиную и сыграть с ней и Тиной Экерли в «Эрудит». «Эрудит» я не жаловал, немало настрадавшись от моих тетюшек Тэнси и Наоми, обладавших невероятным запасом слов, которые для меня до сих пор остаются «дерьмоэрудятиной», вроде кечуа, тальма или бхут*. Тем не менее я ответил, что с удовольствием сыграю. В конце концов, дом, где я снимал комнату, принадлежал миссис Шоплоу, а дипломатия может принимать самые разные формы.

На лестнице она призналась:

— Мы тренируем Тину. Она акула «Эрудита». В следующий уик-энд участвует в каком-то турнире в Атлан-

* Кечуа — одно из индейских племен Южной Америки. Тальма — плащ или накидка без рукавов. Бхут — призрак умершего или бестелесная душа у индейцев.

тик-Сити. Как я понимаю, победитель получит денежный приз.

Мне потребовалось немного времени — каких-то четыре хода, — чтобы понять, что наша библиотекарьша могла бы дать фору моим тетушкам и все равно обскакала бы их. Когда мисс Экерли выложила слово «случка» (с извиняющейся улыбкой, свойственной всем знатокам «Эрудита», — думаю, они репетируют ее перед зеркалом), Эммелина отставала на восемьдесят очков. Что касается меня... не будем о грустном.

— Полагаю, никто из вас ничего не знает об Энни и Майке Росс? — спросил я во время одной из пауз в игре (обе женщины непременно до-о-олгое время внимательно изучали доску, прежде чем выложить однуединственную фишку с буквой). — Они живут на Бичроу, в большом зеленом викторианском особняке.

Мисс Экерли замерла, так и не вынув руку из коричневого мешочка с фишками. Ее и без того большие глаза за толстыми стеклами стали совсем гигантскими.

— Ты познакомился с *ними*?

— Да. Они пытались запустить воздушного змея... точнее, *она* пыталась... и я немного помог. Они очень милые. Я просто подумал... Они вдвоем в таком большом доме, и он так болен.

По их взглядам чувствовалось, что они просто не верят своим ушам, и я пожалел, что коснулся этой темы.

— Она *говорила* с тобой? — спросила миссис Шоплоу. — Снежная королева *говорила* с тобой?

Не только говорила, но и угостила клубничным смузи. Поблагодарила меня. Даже извинилась передо мной. Однако ничего этого я не сказал. И не потому, что Энни действительно вела себя как Снежная королева, когда

я проявлял излишнюю активность. Просто мне показалось, что этим я ее предам.

— Да, немного. Я запустил им воздушного змея, вот и все. — Я повернул доску. Она принадлежала Тине, профессиональная, со встроенной осью. Библиотекарьша, конечно же, вновь выигрывала. — Давайте, миссис Шо, ваша очередь. Может, вы даже сложите слово, которое есть в моем жалком словаре.

— Между прочим, слово «жалкий» может стоить семьдесят очков, — заметила Тина Экерли. — Даже больше, если от «ж» выложить новое слово.

Миссис Шоплоу проигнорировала и доску, и совет.

— Ты, разумеется, знаешь, кто ее отец.

— Понятия не имею. — Хотя я *знал*, что Энни с ним не в ладах, и по-крупному.

— Бадди Росс. Из «Часа силы с Бадди Россом». Ни о чем тебе не говорит?

Если и говорило, то смутно. Я подумал, что, возможно, слышал какого-то проповедника с фамилией Росс по радио в костюмерной. Скорее всего того самого. Однажды, когда я быстро трансформировался в Хоуи, Дотти Лассен спросила меня — ни с того ни с сего, — нашел ли я Иисуса. У меня на языке уже вертелся ответ: «Я и не знал, что он потерялся», — но мне удалось сдержаться.

— Один из крикунов с Библией в руке?

— После Орала Робертса и Джимми Сваггерта он — первый, — ответила миссис Ш. — Его проповеди транслируются из гигантской церкви в Атланте. Она называется «Цитадель Бога». Его радиопрограмму слушает вся страна, а теперь он активно осваивает телевидение. Я не знаю, предоставляют ли телестанции время бесплатно или ему приходится его покупать, но уверена,

что он может себе это позволить, особенно глубокой ночью, когда старики просыпаются от боли. Его шоу — наполовину чудесные исцеления, наполовину просьбы о пожертвованиях.

— Как я понимаю, с чудесным исцелением внука у него не сложилось, — сказал я.

Тина вытащила из мешочка с буквами пустую руку. На какое-то время она забыла про «Эрудит», то есть ее горемычным жертвам повезло. Глаза библиотекари сверкали.

— Так ты не знаешь этой истории? Обычно я не верю в сплетни, но... — она понизила голос до доверительного шепота, — ...раз уж ты с ними знаком, могу тебе рассказать.

— Да, пожалуйста, — кивнул я и подумал, что на один мой вопрос — каким образом Энни и Майк поселились в огромном доме, расположенном на одном из самых дорогих участков побережья Северной Каролины — ответ уже получен. Летний домик бабушки Бадди, купленный на пожертвования верующих.

— У него двое сыновей, — продолжила Тина. — Оба занимают высокое положение в его церкви — диаконы или ассистенты пастора, не знаю, как это у них называется, потому что меня их святые выкрутасы не привлекают. Дочь, однако, оказалась из другого теста. Увлекалась спортом. Верховая езда, теннис, стрельба из лука, охота на оленей с отцом, участие, и успешное, в соревнованиях по пулевой стрельбе. Все это попало в газеты после того, как она стала источником проблем.

Теперь я понимал, откуда взялась футболка с «ЛА-ГЕРЕМ ПЕРРИ».

— К тому времени, когда ей исполнилось восемнадцать, она пошла вразнос, в прямом смысле этого слова,

с его точки зрения. Она поступила в так называемый мирской гуманитарный колледж, и у нее действительно началась бурная жизнь. Она не только забросила стрелковые и теннисные турниры, но и перестала ходить в церковь, предпочтя ей вечеринки, выпивку и мужчин. Плюс... — Тина еще понизила голос, — ...покуривала травку.

— Господи! — воскликнул я. — Только не это.

Миссис Шоплоу строго на меня посмотрела, но Тина ничего не заметила.

— Да! Покуривала! Еще и попала в газеты, эти таблоиды, потому что была красивой и богатой, но главным образом из-за своего отца. Падшая женщина, так это у них называется. Она позорила церковь отца тем, что носила мини-юбки и обходилась без бюстгальтера, а также многим другим. Ты же знаешь, что эти фундаменталисты в своих проповедях руководствуются только Ветхим Заветом. Праведники будут вознаграждены, а грешники — наказаны до седьмого колена. И она пошла даже дальше, чем участие в вечеринках в Зеленой ведьминой деревне*. — Глаза Тины стали такими огромными, что почти выкатились из глазниц и грозили растечься по щекам. — *Она вышла из НСА и присоединилась к Американскому атеистическому обществу!*

— Ох. И все *это* попало в газеты?

— Естественно! Потом она забеременела, что неудивительно, а когда ребенок родился больным... церебральный паралич, если не ошибаюсь...

— Мышечная дистрофия.

* Имеется в виду Гринвич-Виллидж, богемный район Нью-Йорка, название которого в английском созвучно с Green Witch Village — Зеленая ведьмина деревня.

— В любом случае, когда ее отца спросили об этом во время одной из проповедей, знаешь, что он ответил?

Я покачал головой, хотя, конечно, догадывался.

— Он сказал, что Бог наказывает неверующих и грешников. Сказал, что его дочь в этом ничем не отличается от других и, возможно, болезнь сына вновь приведет ее к Богу.

— Судя по всему, этого еще не произошло. — Я подумал о лике Христа на воздушном змее.

— Я не понимаю, почему люди используют религию, чтобы причинять друг другу боль, когда в этом мире ее и так хватает, — подала голос миссис Шоплоу. — Религия призвана *утешать*.

— Просто он старый самодовольный зануда, — высказала свое мнение Тина. — Со сколькими бы мужчинами она ни переспала, сколько бы косячков ни выкурила, она по-прежнему его дочь, а ребенок — по-прежнему его внук. Я видела мальчика в городе пару раз, в инвалидном кресле или в этих отвратительных ортезах, которые он должен надевать, если хочет ходить. Мне показалось, что он очень хороший мальчик и она была трезвой. И в бюстгальтере. — Она помолчала, уточняя воспоминания. — Кажется.

— Ее отец может измениться, но я в этом сомневаюсь. — Миссис Шоплоу покачала головой. — Дети растут, а у стариков с годами растет только уверенность в собственной правоте. Особенно если они знают Священное Писание.

Я вспомнил фразу, которую частенько повторяла моя мать.

— Дьявол может цитировать Писание.

— И приятным для слуха голосом, — задумчиво добавила Тина. Потом просияла. — Однако если препо-

добный Росс разрешает им пользоваться его особняком, есть шанс, что он готов забыть прошлое. *Возможно*, до него наконец дошло, что тогда она была всего лишь молоденькой девушкой, еще не имевшей права голосовать. Дев, разве сейчас не твоя очередь?

Она не ошиблась. Я составил слово «слеза». Оно принесло мне пять очков.

Трепку мне учинили безжалостную, но, к счастью, как только Тина Экерли по-настоящему взялась за дело, все закончилось достаточно быстро. Я вернулся в свою комнату, сел у окна, попытался присоединиться к Фродо и Сэму. Не смог. Закрыв книгу и сквозь залитое дождем стекло уставился на пустынный пляж и уходивший вдаль серый океан. Вид из окна навевал тоску, а в такие моменты мои мысли обычно возвращались к Уэнди: я гадал, где она, что делает, кто с ней рядом. Вспоминал ее улыбку, падающие на щеку волосы, мягкие выпуклости груди под одним из бесчисленных кардиганов.

Но не сегодня. Я обнаружил, что вместо Уэнди думаю об Энни Росс, и осознал неожиданно для себя, что увлекся ею. Тот факт, что ничего из этого не выйдет — она была на десять, а то и на двенадцать лет старше, — похоже, несколько меня не отпугивал. Возможно, даже имел положительные стороны, потому что безответная любовь по-своему привлекательна для молодых мужчин.

Миссис Ш. предположила, что благочестиво-лицемерный отец Энни хотел забыть прошлое, и я думал, что в чем-то она права. Я слышал, что внуки растапливают даже самые заледенелые сердца, и, возможно, он хотел получше узнать мальчика, пока еще оставалось

время. Он мог выяснить (через своих людей), что Майк не просто калека, но еще и умный. Вполне вероятно, до него дошли слухи о том, что у Майка, как говорила Мадам Фортуна, «дар». А может, я смотрел на все через розовые очки. Скорее мистер Разрази-тебя-гром отдал ей дом в обмен на обещание держать рот на замке и нигде не появляться в мини-юбке и с дымящимся косячком в руке в столь важный для него период покорения телевизионных просторов.

Наверное, я мог бы размышлять об этом, пока закрытое облаками солнце не закатилось бы за горизонт, и так и не пришел бы к какому-то однозначному выводу касательно Бадди Росса. А вот с Энни у меня была полная определенность: забывать прошлое она не собиралась.

Я встал и спустился в гостиную, на ходу выуживая из бумажника листок с телефонным номером. Я слышал, как Тина и миссис Шоплоу весело щебечут на кухне. Позвонил в общежитие Эрин Кук, не ожидая застать ее там во вторую половину субботы. Она вполне могла уехать в Нью-Джерси к Тому и в этот самый момент, возможно, смотрела футбольный матч, распевая боевую песню «Алых рыцарей».

Но дежурившая на телефоне девушка сказала, что сейчас ее позовет, и тремя минутами позже я услышал голос Эрин:

— Дев, я как раз собиралась тебе позвонить. Собственно, я хочу приехать и повидаться с тобой, если удастся уговорить Тома. Я думаю, что сумею, но не в следующий уик-энд. Скорее всего еще через неделю.

Я посмотрел на календарь, висевший на стене, и понял, что это будет первый октябрьский уик-энд.

— Ты действительно что-то выяснила?

— Не знаю. Возможно. Мне вообще нравятся такие поиски, а тут я действительно увлеклась. Раскопала много чего, но это не значит, что мне удалось разгадать убийство Линды Грей, сидя в библиотеке колледжа. Однако... кое-что мне хочется тебе показать. То, что меня тревожит.

— Почему тревожит? Как?

— Не хочу пытаться объяснить по телефону. Если мне не удастся уговорить Тома, я положу все в большой конверт и пришлю тебе по почте. Но я думаю, что удастся. Он хочет повидаться с тобой, хотя и близко не подходит к моему маленькому расследованию. Даже на фотографии отказался взглянуть.

Я подумал, что все это звучит чересчур таинственно, но давить на нее не стал.

— Скажи, ты слышала о евангелисте Бадди Росссе?

— Бадди... — Она рассмеялась. — «Час силы с Бадди Росссом». Моя бабушка постоянно слушает этого старого мошенника! Он вытаскивает из людей козлиные желудки и утверждает, что это опухоли! Знаешь, что сказал бы Папаня Аллен?

— Карни-от-карни, — ответил я улыбаясь.

— Именно. И что ты хочешь о нем знать? Почему не можешь выяснить сам? Твою маму напугал библиотечный каталог, когда она вынашивала тебя?

— Этого я не знаю, но библиотека Хэвенс-Бэй закрывается к тому времени, когда я заканчиваю работу. Да и вряд ли у них есть справочник «Кто есть кто». Там же всего одна комната. Собственно, меня интересует не он, а его сыновья. Хочу выяснить, есть ли у них дети.

— Почему?

— Потому что у его дочери есть. Мальчик, и замечательный, но он умирает.

Пауза. Потом:

— Во что ты впутался на этот раз, Дев?

— Знакомлюсь с новыми людьми. Приезжайте. Буду рад увидеть вас вновь. Пообещай Тому, что мы будем держаться подальше от «Дома ужасов».

Я думал, что этим рассмешу ее, но ошибся.

— С этим проблем не возникнет. Ближе чем на тридцать ярдов ты его к этому месту не подтащишь.

Мы попрощались. Я записал продолжительность разговора на «Листке правды», поднялся на второй этаж, сел у окна. Вновь почувствовал эту странную тупую зависть. *Почему призрак Линды Грей увидел Том? Почему он, а не я?*

Газета «Хэвенс-Бэй уикли» выходила по четвергам, и заголовок в номере от четвертого октября гласил: «СОТРУДНИК «СТРАНЫ РАДОСТИ» СПАСАЕТ ВТОРУЮ ЖИЗНЬ». Я полагал, что это преувеличение. Да, Холли Стэнсфилд осталась в живых исключительно благодаря мне, но к спасению Эдди Паркса я имел только некоторое отношение. В остальном — если не считать Лейна Харди — заслуга принадлежала Уэнди Киган. Не порви она со мной в июне, я бы той осенью находился в Дарэме, штат Нью-Хэмпшир, в семистах милях от «Страны радости».

Я понятия не имел, что мне опять предстоит спасти чью-то жизнь: такое могут предчувствовать лишь люди необыкновенные, вроде Роззи Голд и Майка Росса. И первого октября, после еще одного дождливого уик-энда, пришел в парк, занятый мыслями о предстоящем визите Эрин и Тома. Небо по-прежнему заволакивали облака, но дождь в честь понедельника перестал. Эдди

восседал на своем деревянном троне перед «Домом ужасов», выкуривал привычную утреннюю сигарету. Я вскинул руку, приветствуя его. Он, конечно, руки не поднял, просто растоптал окурочек и наклонился, чтобы приподнять деревянный ящик и засунуть окурочек под него. Я это видел раз пятьдесят, а то и больше (иногда гадал, сколько же окурочков сейчас под ящиком), но сегодня, вместо того чтобы приподнять ящик, он продолжил клониться к земле.

Читалось ли на его лице изумление? Не могу сказать. К тому времени, когда я осознал, что творится неладное, мне было видно лишь его выцветшую, измазанную машинным маслом песболку на упавшей между колен голове. Они склонялись все ниже, и дело кончилось тем, что он совершил кувырок, приземлился на спину и застыл, раскинув ноги, лицом к облакам. Тогда-то я и разглядел гримасу боли.

Я выронил пакет с ленчем, подбежал к нему, опустился рядом с ним на колени.

— Эдди? Что не так?

— Дви...

На мгновение я подумал, что он предлагает мне убраться подальше, но тут обратил внимание, что правой рукой Эдди держался за левую сторону груди.

Прежний Дев Джонс, еще не вымуштрованный «Страной радости», просто позвал бы на помощь, но четыре месяца разговоров на Языке выбили подобные слова из моей головы. Я глубоко вдохнул, поднял голову и со всей силы крикнул в сырой утренний воздух:

— *НАШИХ БЬЮТ!*

Услышать меня мог только Лейн Харди, и он мгновенно примчался.

От летних сотрудников, которых нанимал Фред Дин, умения проводить реанимацию не требовалось, но им приходилось этому учиться. Благодаря курсам спасателей, на которых я занимался еще подростком, я знал, как это делается. Меня в компании с несколькими мне подобными учили этому рядом с бассейном Ассоциации молодых христиан на манекене с необычным именем Херкимер Солорыб. Теперь я впервые получил возможность применить теоретические знания на практике, и знаете что? На самом деле это не слишком отличалось от приема, который я использовал, чтобы выбить кусок хот-дога из горла маленькой дочери Стэнсфилдов. Правда, на этот раз я был без шкуры, и мне не пришлось обнимать старого поганца, но и здесь потребовалось приложить силу. Четыре ребра Паркса треснули, а одно сломалось, однако я не могу сказать, что раскаиваюсь в этом.

К тому времени, когда подбежал Лейн, я стоял на коленях рядом с Эдди и делал непрямой массаж сердца: сначала наваливался на ладони всем своим весом, затем подавался назад и прислушивался, чтобы понять, вдохнул ли он воздух.

— Господи, — сказал Лейн. — Сердечный приступ?

— Да. Я практически уверен. Вызовите «скорую».

Ближайший телефон находился в маленькой будке рядом с тиром Папани Аллена — или, на Языке, конуре. На двери, конечно, висел замок, но Лейн владел волшебной палочкой — тремя шаблонными ключами, которые открывали все замки в парке развлечений. Он убежал. Я продолжал массировать сердце, нажимая на грудь и отпуская, нажимая и отпуская. Мышцы бедер болели, колени негодовали от долгого контакта с жесткой мостовой авеню Радости. После каждого пяти на-

жаний я медленно считал до трех, ожидая вдоха Эдди, но ничего не слышал. Последняя радость, отпущенная ему в «Стране радости», похоже, иссякла. Он не задышал ни после первых пяти нажатий, ни после вторых, ни после шестых. Просто лежал, раскинув руки в перчатках и открыв рот. Эдди гребаный Паркс. Я смотрел на него, и тут вернулся Лейн, крича, что «скорая» уже едет.

Не буду этого делать, подумал я. Будь я проклят, если сделаю это.

Потом я наклонился, еще раз нажал ему на грудь и прижался своими губами к его. Я знал, что будет плохо, но не представлял насколько. Его губы были горькими от сигарет, изо рта чем-то воняло... да поможет мне Бог, кажется, перцем халапеньо, который он, возможно, добавил в омлет на завтрак. Тем не менее я только прижался плотнее, заткнул ему ноздри и дунул в горло.

Я проделал это пять или шесть раз, прежде чем он задышал сам. Затем я перестал нажимать ему на грудь, чтобы посмотреть, что произойдет, и он продолжил дышать самостоятельно. Наверное, в этот день ад уже выполнил план по душам. Я повернул Эдди на бок, на случай если начнется рвота. Лейн стоял рядом, положив руку мне на плечо. А вскоре мы услышали приближающуюся сирену «скорой».

Лейн поспешил к воротам, чтобы встретить их. Как только он ушел, я обнаружил, что смотрю на скалящиеся зеленые рожи демонов, украшавшие декоративный фасад «Дома ужасов». «ВОЙДИ, ЕСЛИ ПОСМЕЕШЬ», — гласила надпись над рожами, зеленая, сочащаяся каплями. И я вновь подумал о Линде Грей, которая вошла в «Дом ужасов» живой, а несколькими часами позже ее вынесли оттуда, холодную и мертвую.

Думаю, эти мысли пришли мне в голову потому, что вскоре должна была прибыть Эрин с какими-то сведениями. Сведениями, которые *тревожили* ее. Еще я подумал об убийце девушки. *Им мог быть кто угодно*, говорила миссис Шоплоу. *Даже ты, только ты черно-волосый, а не блондин, и на руке у тебя нет татуировки с головой птицы. Орла, может, ястреба.*

Волосы Эдди преждевременно поседели, как и у всех заядлых курильщиков, но четыре года назад вполне могли быть светлыми. И он всегда носил перчатки. Правда, возраст... Линду Грей в последней ее поездке в темноте сопровождал мужчина помоложе, это *точно*, но...

«Скорая» приближалась, но еще не доехала до «Страны радости». Я видел, что Лейн стоит у ворот, машет вскинутыми над головой руками, призывая поторопиться. Решив, что терять нечего, я сдернул перчатки Эдди. Его пальцы покрывали чешуйки отмершей кожи, на тыльной стороне рук из-под слоя белого крема проглядывала воспаленная краснота. Никаких татуировок.

Только псориаз.

Как только его загрузили в «скорую» и машина направилась в маленькую больницу Хэвенс-Бэй, я поспешил в ближайший скворечник и принялся споласкивать рот водой. Прошло немало времени, прежде чем я избавился от привкуса проклятого халапеньо, и с того дня этот перец перестал для меня существовать.

Когда я вышел из туалета, Лейн Харди стоял у двери.

— Ну ты даешь. — Он покачал головой. — Вернул его с того света.

— Какое-то время ему будет не до работы, и, возможно, у него поврежден мозг из-за недостатка кислорода.

— Может, поврежден, может, и нет, но если б не ты, он бы точно нас покинул. Сначала маленькая девочка, теперь этот грязный старикан. Наверное, мне пора переименовать тебя из Джонси в Иисуса, потому что ты точно спаситель.

— Если до этого дойдет, я дэ-эн-ю. — «Двину на юг», что на Языке означало сдать свою табельную карточку и уйти с концами.

— Ладно, но ты все сделал правильно, Джонси. Более того, должен сказать, ты меня потряс.

— Как же у него воняло изо рта! Господи!

— Да, охотно тебе верю, но взгляни на светлую сторону. Как говорил старина Мартин Лютер Кинг, с его уходом ты свободен, наконец-то свободен, слава тебе Господи, ты наконец-то свободен. Я думаю, так будет лучше, правда?

Я придерживался того же мнения.

Лейн достал из кармана перчатки Эдди.

— Нашел на земле. Почему ты их с него снял?

— Э... хотел, чтобы его руки тоже дышали. — Прозвучало невероятно глупо, но правда выглядела бы еще глупее. Я и сам не верил, что хоть на секунду мог представить себе Эдди Паркса убийцей Линды Грей. — Когда я учился на курсах спасателей, нам говорили, что у жертв сердечного приступа кожа должна дышать. Каким-то образом это помогает. — Я пожал плечами. — Во всяком случае, должно помогать.

— Ух ты. Век живи — век учись. — Он шлепнул перчатками друг о друга. — Думаю, Эдди еще долго не

вернется... если вернется вообще... Можешь бросить их в его конуру?

— Хорошо, — кивнул я — и так и сделал. Но в тот же день снова забрал их. Вместе с кое-чем еще.

Хочу еще раз подчеркнуть: мне он не нравился. Он ничего не сделал для того, чтобы я его любил. Насколько я понимаю, Эдди Паркс не дал повода любить себя никому из сотрудников «Страны радости». Даже старожилы вроде Роззи Голд и Папани Аллена обходили его стороной. Тем не менее в четыре часа дня я вошел в муниципальную больницу Хэвенс-Бэй, чтобы спросить, может ли Эдвард Паркс принять посетителя. Перчатки я держал в руке, вместе с кое-чем еще.

Секретарь-волонтер с волосами голубого цвета дважды пролистала свои бумаги, покачивая головой, и я уже успел подумать, что Эдди умер, когда услышал:

— А! Его зовут Эдвин — не Эдвард. Он в палате триста пятнадцать. Это палата интенсивной терапии, поэтому сначала вам надо подойти к сестринскому посту.

Я поблагодарил ее и направился к лифту, достаточно большому, чтобы в нем поместилась каталка. Он полз как улитка, и мне вполне хватило времени подумать, а что, собственно, я здесь делаю. Если бы Эдди хотел, чтобы его навестил кто-то из сотрудников парка, эта роль предназначалась бы не мне, а Фреду Дину, потому что той осенью именно он был за старшего. И меня... меня могли к Эдди просто не пустить.

Но, глянув в его медицинскую карту, старшая сестра дала добро.

— Правда, он, возможно, спит.

— А как у него?.. — Я постучал себя по голове.

— С мозговой деятельностью? Что ж... свое имя он назвал.

Это внушало надежду.

Он действительно спал. Лежал с закрытыми глазами, лучи выглянувшего из-за облаков солнца освещали его лицо, и фантазии о том, что четыре года назад он пригласил Линду Грей проехаться по «Дому ужасов», представлялись еще более нелепыми. Я бы дал ему лет сто, если не сто двадцать. И я видел, что зря принес перчатки. Кто-то перевязал ему руки, вероятно, предварительно обработав их более эффективным средством от псориаза, чем продаваемый без рецепта крем, которым пользовался Эдди. Глядя на эти толстые белые «варежки», я ощутил странную, непрошеную жалость.

Я тихонько пересек палату, положил перчатки в стенной шкаф, где уже лежала одежда, в которой его привезли в больницу. Теперь у меня в руках осталась только фотография, которую я нашел приколотой к стене неприбранной, прокуренной каморки рядом с календарем двухлетней давности. На фотографии Эдди и женщина с простым, незапоминающимся лицом стояли на заросшей сорняками лужайке типового дома. Эдди выглядел лет на двадцать пять. Он обнимал женщину. Она улыбалась ему. И — чудо из чудес — он улыбался в ответ.

У кровати стоял столик на колесиках, а на нем — пластмассовый кувшин с водой и стакан. Я подумал, что это глупо, поскольку с забинтованными руками он не сможет ничего себе налить. Но кувшин годился и для других целей. Я прислонил к нему фотографию, чтобы, проснувшись, он увидел ее. Покончив с этим, направился к двери с чувством выполненного долга.

Я почти добрался до нее, когда он едва слышно позвал меня, шепотом, который сильно отличался от его привычного недовольного и скрипучего голоса:

— Пацан.

Я вернулся — с неохотой — к его кровати. В углу стоял стул, но я не собирался присаживаться.

— Как вы себя чувствуете, Эдди?

— Не могу сказать. Дышать трудно. Они накачали меня лекарствами.

— Я принес вам перчатки, но вижу, что... — Я кивнул на забинтованные кисти.

— Да. — Он втянул воздух. — Если тут и сделают что-то хорошее, так это вылечат их. Гребаные руки постоянно зудят, не дают покоя. — Он посмотрел на фотографию. — Зачем ты ее принес? И что делал в моей конуре?

— Лейн велел мне оставить там перчатки. Я оставил, но потом подумал, что они могут вам понадобиться. И фотография тоже. Может, вы захотите, чтобы Фред Дин позвонил ей.

— Коринн? — Он фыркнул. — Она уже двадцать лет как мертва. Налей мне воды, пацан. Горло сухое, как прошлогоднее собачье дерьмо.

Я налил воды, поднес стакан к его губам и даже вытер простыней уголок рта, когда вытекло несколько капель. Мне совершенно не хотелось столь близких отношений, но я подумал, что всего пару часов назад было намного хуже — ведь я целовался с этим жалким мерзавцем.

Он не поблагодарил меня, но когда такое случилось?

— Подними фотографию. — Я выполнил его просьбу. Он несколько секунд смотрел на нее, потом

вздыхнул. — Жалкая, брюзжащая, подлая сука. Самое умное, что я сделал в своей жизни, так это удрал от нее в «Американское королевское шоу». — Слеза задрожала в уголке его левого глаза, повисела и скатилась по щеке.

— Вы хотите, чтобы я унес ее и повесил на прежнее место в вашей конуре, Эдди?

— Нет, можешь оставить здесь. У нас был ребенок, знаешь ли, маленькая девочка.

— Да?

— Да. Ее сбил автомобиль. Ей было три года, и она погибла под колесами, как дворняга. Эта мерзкая дрянь трепалась по телефону, вместо того чтобы приглядывать за нашей дочерью. — Он отвернулся и закрыл глаза. — Давай иди отсюда. Говорить больно, и я устал. Словно слон сидит у меня на груди.

— Ладно. Будьте осторожны.

Он поморщился, не открывая глаз.

— Смешно. Каким это образом? У тебя есть идеи? У меня нет ни родственников, ни друзей, ни сбережений, ни стра-а-аховки. И что мне теперь делать?

— Все как-нибудь образуется, — проямлил я.

— Конечно, в кино так всегда и бывает. Иди, проваливай.

Я уже переступал порог, когда он заговорил вновь:

— Лучше бы ты позволил мне умереть, пацан. — Никакой мелодрамы, будничное наблюдение. — Я бы уже был с моей маленькой девочкой.

Спустившись в вестибюль больницы, я остановился как вкопанный и поначалу не мог поверить собственным глазам. Но нет, все правильно, это была она,

как обычно, с раскрытой книгой, очередным сложным романом, на этот раз под названием «Диссертация».

— Энни?

Она настороженно подняла голову, но тут же узнала меня и улыбнулась:

— Дев! Что ты здесь делаешь?

— Навещал одного парня из парка. У него сегодня случился сердечный приступ.

— О Господи, бедняга. Он выкарабкается?

Она не пригласила меня сесть рядом, но я все равно сел. Визит в палату Эдди необъяснимым образом нарушил мое душевное равновесие, и нервы расшалились. Случившееся не огорчило меня и не опечалило. Зато появилась непонятная, неопределенная злость, каким-то боком связанная с отвратительным привкусом халатенью, который я по-прежнему ощущал. И с Уэнди. Один Бог знал почему. Мне не доставляло удовольствия осознавать, что я до сих пор переживаю разрыв с ней, хотя прошло столько времени. Сломанная рука срослась бы быстрее.

— Не знаю. Я не говорил с врачом. Что-то случилось с Майком?

— Нет. Просто он регулярно приезжает на обследование. Рентген грудной клетки, клинический анализ крови. Из-за той пневмонии. Слава Богу, все уже позади. Если не считать остаточного кашля, у Майка все в порядке. — Она не закрыла книгу, возможно, давая понять, что ждет моего ухода, и меня это разозлило еще больше. Вы не должны забывать, что в тот год *все* хотели, чтобы я ушел, даже парень, которому я спас жизнь.

Вероятно, злость и заставила меня сказать:

— *Майк* не думает, что у него все в порядке. Так кому мне верить, Энни?

Ее глаза удивленно раскрылись, потом их заволочило туманом.

— Мне все равно, кому или во что ты веришь, Девин. И вообще это не твое дело.

— Как раз его, — слышалось за нашими спинами. Майк подкатывал к нам в инвалидном кресле. Без моторчика, то есть крутить колеса ему приходилось руками. И он справлялся, невзирая на кашель. Только рубашку застегнул неправильно.

Энни повернулась к нему, в ее голосе слышалось недоумение:

— А что ты здесь делаешь? Где медсестра, которая...

— Я сказал ей, что доберусь сам, и она мне разрешила. От радиологии всего один поворот налево и два направо, ты знаешь. И я не слепой, просто ум...

— Мистер Джонс приходил навестить своего друга, Майк. — Значит, меня вновь разжаловали в «мистеры Джонсы». Она резко захлопнула книгу и встала. — Он наверняка спешит домой, и я уверена, что тебе надо...

— Я хочу, чтобы он отвез нас в парк, — произнес Майк спокойно, но достаточно громко, чтобы другие люди начали оборачиваться. — *Нас.*

— Майк, ты знаешь, это...

— В «Страну радости». «Страну... *радости*». — Так же спокойно, но громче. Теперь на нас смотрели все. У Энни зарделись щеки. — Я хочу, чтобы вы вдвоем отвезли меня. — И еще громче: — *Я хочу, чтобы вы отвезли меня в «Страну радости» до того, как я умру.*

Ее рука метнулась к губам. Глаза стали огромными. Слова звучали глухо, но разобрать их не составляло труда:

— Майк... ты не умрешь, кто тебе сказал... — Она повернулась ко мне. — Это тебя надо благодарить за то, что у него появилась такая идея?

— Разумеется, нет. — Я видел, что число наших слушателей растет — теперь аудитория включала двух медсестер и врача в синем хирургическом костюме, — но меня это не волновало. Я все еще злился. — *Мне* об этом сказал *он*. И почему это тебя удивляет, если ты все знаешь о его озарениях?

В тот день я только и делал, что провоцировал слезы. Сначала Эдди, теперь Энни. Глаза Майка оставались сухими, но чувствовалось, что злится он не меньше моего. Однако он ничего не сказал, когда она схватила за рукоятки инвалидного кресла, развернула его и покатила к двери. Я думал, сейчас произойдет столкновение, но «магический глаз» вовремя раздвинул створки.

Пусть уходят, подумал я, однако мне все меньше нравилось, что женщины уходили. Надоело, что события происходили сами по себе, а я потом переживал по этому поводу.

Ко мне приблизилась медсестра.

— Все в порядке?

— Нет, — ответил я и последовал за Энни и Майком.

Энни припарковалась на примыкавшей к больнице автомобильной стоянке, рядом с табличкой-указателем «ЭТИ ДВА РЯДА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ». Ездила она на «универсале», в багажном отделении которого вполне хватало места для сложенного инвалидного кресла. Она уже открыла дверцу со стороны пассажир-

ского сиденья, но Майк отказывался вылезать из кресла. Вцепился в подлокотники с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Залезай в машину! — рывкнула на него Энни.

Майк покачал головой, не глядя на нее.

— *Залезай, черт поberi!*

На этот раз он даже не стал качать головой.

Она схватила его и дернула. Стоявшее на тормозе кресло наклонилось вперед. Я вовремя успел ухватить его за спинку, прежде чем оно перевернется и затолкнет их обоих в автомобиль.

Волосы Энни упали на лицо, сквозь них яростно сверкали глаза, совсем как у норовистой лошади в грозу.

— *Отцепись! Это твоя вина! Не следовало мне...*

— Хватит. — Я уже держал ее за плечи. Тонкие, с глубокими впадинами. Подумал: *Она слишком занята тем, чтобы снабжать калориями Майка, и забывает о себе.*

— ОТПУСТИ МЕНЯ НЕ...

— Я не собираюсь отнимать его у тебя, — прервал ее я. — Энни, у меня и в мыслях такого нет.

Она перестала вырываться. Недоверчиво посмотрела на меня. Я медленно убрал руки. Книга, которую она раньше читала, упала на асфальт. Я поднял ее и сунул в карман на спинке коляски.

— Мама. — Майк взял ее за руку. — Это не обязательно будет последний хороший день.

Тут я понял. Еще прежде, чем ее плечи поникли и послышались рыдания, я понял. Она боялась не того, что я посажу мальчика на какой-нибудь быстрый аттракцион и выброшу адреналина убьет его. Не незнаком-

ца, который займет ее место в сердце калеки, так сильно ею любимого. Просто она верила, той верой, которая свойственна матерям, что жизнь будет продолжаться, как и всегда — утренний смузи у конца дорожки на пляж, вечера с запусками воздушного змея, бесконечное лето, — если они не начнут делать нечто такое, что может стать последним. Но наступил октябрь, и побережье уже опустело. Давно смолкли радостные крики подростков на «Шаровой молнии» и маленьких детей, скользящих по водным горкам «Бултых», в воздухе чувствовалась прохлада, дни становились короче. Ни одно лето не бывает бесконечным.

Она закрыла лицо руками и села на пассажирское сиденье «универсала». Слишком высокое для нее, она чуть не сползла. Я поймал ее, помог усесться поудобнее. Не думаю, что она это заметила.

— Давай, бери его, — пробормотала она. — Мне насрать. Подними его на парашютную вышку и спрыгни с ним, если хочешь. Только не жди, что я буду участвовать в ваших... в ваших *мальчишечьих играх*.

— Я не могу поехать без тебя, — возразил Майк.

Эти слова заставили ее опустить руки и посмотреть на него.

— Майкл, кроме тебя, у меня никого нет. Ты это понимаешь?

— Да. — Он взял ее руку в свои. — И у меня никого нет, кроме тебя.

По ее лицу я видел, что эта мысль никогда не приходила ей в голову. По-настоящему не приходила.

— Помогите мне перебраться на сиденье, — попросил Майк. — Вы оба.

Когда мы устроили его в машине (я не помню ремня безопасности, возможно, тогда ему еще не прида-

вали такого значения), я захлопнул дверцу, и мы вдвоем пошли к водительскому месту, обходя «универсал» спереди.

— Его кресло, — рассеянно сказала она. — Мне надо забрать его кресло.

— Я положу его в багажник. А ты садись за руль и приготовься вести машину. Несколько раз глубоко вдохни.

Я помог ей сесть за руль. При этом я держал Энни выше локтя, моя кисть полностью охватывала ее руку. Я даже подумал о том, чтобы сказать, что нельзя жить на одних романах, но передумал. Сегодня ей уже многое пришлось выслушать.

Я сложил кресло, убрал в багажное отделение, провозившись чуть дольше, чем требовалось, чтобы она успела взять себя в руки. Идя к водительской дверце, подсознательно ожидал увидеть поднятое стекло, но, к счастью, ошибся. Она уже вытерла глаза и нос и привела волосы в относительный порядок.

— Он не может поехать без тебя, и я тоже не могу.

Она заговорила со мной так, будто Майк не мог ее слышать.

— Я так боюсь за него, постоянно. Он видит так много, и почти все причиняет ему боль. В этом причина его кошмарных снов, я знаю. Он такой удивительный ребенок. Почему ему не быть здоровым? Почему все так? *Почему?*

— Не знаю, — честно ответил я.

Она повернулась, чтобы поцеловать Майка в щеку. Вновь посмотрела на меня. Всклипнув, глубоко вздохнула:

— Так когда мы поедем?

«Возвращение короля» — не столь сложный для чтения роман, как «Диссертация», но в тот вечер я бы не осилил и «Кота в шляпе» доктора Сьюза. Поужинав консервированными спагетти (и, по существу, проигнорировав многозначительное замечание миссис Шоплоу на предмет того, что некоторые молодые люди не желают заботиться о своем здоровье), я поднялся в свою комнату, сел у окна и, глядя в темноту, начал слушать мерный шум прибора.

Уже почти задремал, когда миссис Ш. легонько постучала в дверь:

— Тебя к телефону, Дев. Это маленький мальчик.

Я торопливо спустился в гостиную, потому что знал только одного маленького мальчика, который мог мне позвонить.

— Майк!

Он ответил тихим голосом:

— Мама спит. Сказала, что устала.

— Конечно, устала. — Я подумал о том, как мы на пару насели на нее.

— Я знаю, что насели. — Майк словно подслушал мои мысли. — Нам пришлось.

— Майк... ты можешь читать мысли? Ты читаешь мои?

— Точно не знаю, — ответил он. — Иногда я что-то вижу и что-то слышу, вот и все. Иногда приходят какие-то идеи. Это была моя идея — приехать в дом деда. Мама сказала, что он нам не позволит, но я знал, что позволит. Если у меня что-то и есть, что-то необычное, я думаю, это от него. Он излечивает людей, знаешь ли. Я хочу сказать, иногда он все подстраивает, но иногда действительно излечивает.

— Почему ты позвонил, Майк?

Он оживился.

— Насчет «Страны радости»! Мы действительно сможем прокатиться на карусели и чертовом колесе?

— Я в этом почти полностью уверен.

— Пострелять в тире?

— Возможно. Если твоя мама позволит. Все это возможно, если мы получим разрешение твоей мамы. Я хочу сказать...

— Я знаю, о чем ты, — нетерпеливо прервал он меня. Потом в его голосе вновь послышался детский восторг: — Как будет здорово!

— Но никаких быстрых аттракционов. Согласен? Во-первых, они закрыты на зиму. — «Каролинское колесо» тоже закрылось на зиму, но с помощью Лейна Харди подготовка к работе не заняла бы и сорока минут. — Во-вторых...

— Да, я знаю, мое сердце. Колеса вполне хватит. Его видно с края нашей дорожки, знаешь ли. На вершине я буду смотреть на мир, словно с воздушного змея.

Я улыбнулся:

— Что-то в этом роде. Но помни, только если позволит твоя мама. Она — главная.

— Мы идем туда ради *нее*. Она поймет, когда мы окажемся там. — В его голосе слышалась абсолютная уверенность. — И ради тебя, Дев. Но главным образом из-за девушки. Она пробыла там слишком долго. Она хочет уйти.

У меня отвисла челюсть, во рту мгновенно пересохло.

— Как... — Горло перехватило. Я судорожно сглотнул. — Как ты узнал о ней?

— Не знаю, но думаю, я оказался здесь из-за нее. Я говорил тебе, это не белое?

— Да, но ты сказал, что не знаешь, о чем речь. Теперь знаешь?

— Нет. — Он закашлялся. Я ждал. Когда приступ закончился, он продолжил: — Я должен идти. Мама просыпается. Теперь будет полночи бодрствовать, читать.

— Да?

— Да. Я действительно надеюсь, что она позволит нам прокатиться на чертовом колесе.

— Оно называется «Каролинское колесо», но для людей, которые там работают, это подъемка. — Некоторые, к примеру Эдди, называли «Колесо» лохолифтом, но этого я Майку говорить не стал. — У сотрудников «Страны радости» есть свой секретный язык. Это одно из словечек.

— Подъемка. Я запомню. Спокойной ночи, Дев. В трубке щелкнуло.

На этот раз сердечный приступ случился у Фреда Дина.

С посиневшим и перекошенным лицом он лежал на пандусе, ведущем к «Каролинскому колесу». Я опустился рядом с Фредом на колени и начал делать непрямой массаж сердца. Осознав, что мои усилия не дают результата, наклонился вперед, зажал ему ноздри, накрыл его губы своими. Что-то пробралось между моими зубами на язык. Я резко отдернул голову и увидел лавину черных паучков, выбегающих из его рта.

Проснулся и обнаружил, что наполовину сполз с кровати, простыня обмотала меня, как саван, сердце бешено бьется, а во рту копошатся паучки. Потребо-

валось несколько секунд, чтобы понять, что рот пуст. Тем не менее я поднялся, прошел в ванную, выпил два стакана воды. Возможно, мне снились и более кошмарные сны, чем разбудивший меня в три часа утра того вторника, но если и так, вспомнить их я не могу. Я перестелил постель, лег, в полной уверенности, что больше мне в эту ночь не заснуть. Но уже задремал вновь, когда мне в голову пришла мысль, что душераздирающая сцена, устроенная нами в больнице, может ни к чему не привести.

Конечно, в «Стране радости» делали все возможное, чтобы осчастливить больных, хромых и слепых — как теперь говорят, «детей с особыми потребностями» — во время сезона, но сезон закончился. И я сомневался, что весьма дорогая страховка, которую платил парк, распространяется на октябрь и покроет какое-либо происшествие с Майком Россом. Я буквально видел, как Фред Дин качает головой, выслушав мою просьбу, и говорит, что он очень сожалеет, но...

Утро выдалось холодным, дул сильный ветер, поэтому я поехал на работу на автомобиле и припарковал его рядом с пикапом Лейна. Было рано, и наши две машины оказались единственными на стоянке А, рассчитанной на пятьсот посетителей. Опавшие листья шуршали по мостовой. Этот звук напомнил мне о пауках из моего сна.

Лейн сидел на раскладном стуле перед павильоном Мадам Фортуны (который вскорости предстояло разобрать и отправить на зиму на склад) и ел бублик, щедро намазанный сливочным сыром. Как обычно, в

котелке набекрень, с торчащей из-за уха сигаретой. Одно изменение в его внешности, правда, произошло: он надел джинсовую куртку. Еще одно свидетельство (как будто я в них нуждался) того, что наше бабье лето закончилось.

— Джонси, Джонси, ты выглядишь таким одиноким. Хочешь бублик? Я могу поделиться.

— Конечно, — ответил я. — Можно кое-что обсудить с вами, пока я буду есть?

— Пришел покаяться в своих грехах, да? Присядь, сын мой. — Он указал на пару складных стульев у боковой стены павильона.

— Никаких грехов. — Я разложил стул, сел, взял протянутый Лейном бумажный пакет. — Но я кое-что пообещал, а теперь боюсь, что у меня ничего не выйдет.

Я рассказал ему о Майке, о том, как убедил его мать разрешить мальчику приехать в парк — нелегкая задача, учитывая ее эмоциональную неуравновешенность. Закончил тем, что проснулся глубокой ночью в полной уверенности, что Фред Дин никогда мне этого не разрешит. Опустил только подробности сна, который меня разбудил.

— Понятно, — кивнул Лейн, выслушав меня. — Она милашка? Мамуля?

— Ну... да. Если на то пошло, да. Но дело не в этом...

Он похлопал меня по плечу и одарил снисходительной улыбкой, без которой я вполне мог обойтись.

— Больше ничего не говори, Джонси, ничего.

— Лейн, она на десять лет старше меня!

— Что с того? Получай я доллар за каждую крошку на десятку *моложе* меня, с которой я гулял, без проблем

купил бы себе обед со стейком в «Хэнраттиз» в городе. Возраст — всего лишь число, сын мой.

— Потрясающе. Благодарю за урок арифметики. А теперь скажите мне, облажался ли я, пообещав мальчику, что он сможет приехать в парк и покататься на «Колесе» и карусели?

— Ты облажался, — ответил Лейн, и мне стало тошно. Затем он поднял палец. — *Но*.

— Но?

— Ты уже определился с днем экскурсии?

— Точно — нет. Я думал, может, в четверг. — То есть до приезда Эрин и Тома.

— Четверг не подойдет. Пятница тоже. Малыш и его симпатичная мамуля будут здесь на следующей неделе?

— Думаю, да, но...

— Тогда планируй понедельник или вторник.

— А чего ждать?

— Газету. — И он посмотрел на меня как на первого в мире идиота.

— Газету?..

— Местную газетенку. Она выходит по четвергам. Когда твой очередной героический поступок попадет на первую страницу, ты станешь любимчиком Фреда Дина. — Лейн бросил остатки бублика в ближайшую урну — точно, словно положил мяч в баскетбольное кольцо, — потом вскинул руки, очерчивая газетный заголовок. — Приходите в «Страну радости»! Мы не только продаем веселье, мы спасаем жизни! — Он улыбнулся и сдвинул котелок в противоположную сторону. — Это бесценная реклама. Фред опять окажется у тебя в долгу. Отнеси в банк и скажи спасибо.

— Но как в газете об этом узнают? Сомневаюсь, что Эдди Паркс им расскажет. — А уж если расскажет, проследит, чтобы уже в первом абзаце упомянули мое жестокое обращение с его грудной клеткой.

Лейн закатил глаза.

— Все время забываю, что ты здесь новичок. В этой подстилке для кошачьей корзинки читают только о работе полиции и вызовах «скорой». Но заметки про вызовы такие сухие. В знак особого благоволения к тебе, Джонси, в перерыве на ленч я прогуляюсь в редакцию «Заголовка» и расскажу лохам о твоём подвиге. Они тут же пришлют кого-нибудь, чтобы взять у тебя интервью и сфотографировать.

— Но я не хочу...

— Господи, бойскаут ты наш со знаком отличия за скромность. Давай без этого. Ты хочешь, чтобы мальчику устроили экскурсию по парку?

— Да.

— Тогда дай интервью. И улыбайся в объектив.

Что я — забегая вперед, — собственно говоря, и сделал.

Когда я складывал стул, Лейн добавил:

— Наш Фредди Дин мог бы и без этого наплевать на страховку и рискнуть, знаешь ли. Несмотря на внешность, он сам карни-от-карни. Его отец был пшик-бери-на-голос в зерноцепи. Фредди говорил мне, что он таскал мичиганскую котлету, которой можно было удушить лошадь.

Слова «мелкий зазывала» и «зерновые штаты» он произнес на Языке, и я их знал, но мичиганская котлета поставила меня в тупик. Лейн рассмеялся, когда его спросил.

— Это «кукла», сверху и снизу по двадцатке, внутри купюры по доллару или нарезанная зеленая бумага. Отличная хохма, когда хочется привлечь к себе внимание. Но к Фредди это отношения не имеет. — И он вновь изменил наклон котелка.

— А что имеет?

— Карни питают слабость к кругляшкам в юбках в обтяжку и детям, которым не повезло в жизни. У них также сильная аллергия на лоховские правила. В том числе на бухгалтерское дерьмо.

— Так, может, мне и не надо...

Он вскинул руки, останавливая меня.

— Лучше нам это не выяснять. Дай интервью.

Фотограф из «Заголовка» запечатлел меня на фоне «Шаровой молнии». Увидев фотоснимок, я поморщился. На нем я жмурился и, по моему мнению, выглядел деревенским дурачком, но свою службу он сослужил: газета лежала на столе, когда в пятницу утром я пришел к Фреду. Он замялся, а потом согласился на мою просьбу, при условии, что Лейн будет с нами во время экскурсии по парку.

Лейн согласился без колебаний. Добавил, что хочет посмотреть на мою подружку, и заржал, когда я начал закипать.

Тем же днем, только позже, я сказал Энни Росс, что договорился насчет экскурсии утром следующего вторника, если погода будет хорошей. Если нет — утром среды или четверга. Потом затаил дыхание.

Последовала долгая пауза, вздох.

И она согласилась.

Пятница оказалась напряженной. Я ушел с работы пораньше, поехал в Уилмингтон и уже ждал, когда Том и Эрин вышли из вагона. Эрин пробежала всю платформу, бросилась мне на шею, поцеловала меня в обе щеки и кончик носа. Я тоже радостно обнял ее, но не вызывало сомнений, что поцелуи эти сестринские, и ничего больше. Потом я отпустил Эрин и позволил Тому сжать меня в объятиях и энергично похлопать по спине. Со стороны могло показаться, что мы не виделись пять лет, а не недель. Я теперь работал и, хотя надел лучшие чинос и спортивную рубашку, выглядел рабочим человеком. Мои запачканные машинным маслом джинсы и выцветшая под солнцем песболка остались в стенном шкафу в пансионе миссис Ш., но дела это не изменило.

— До чего приятно тебя видеть! — воскликнула Эрин. — Господи, какой загар!

Я пожал плечами:

— Что тут скажешь? Я работаю на крайнем севере южной Ривьеры.

— Ты сделал правильный выбор, — кивнул Том. — Я просто не мог поверить, когда ты сказал, что не вернешься в колледж, но ты сделал правильный выбор. Может, мне тоже следовало остаться в «Стране радости».

Он улыбнулся своей блаженной, прекрасной улыбкой, очарование которой могло заставить птиц спуститься на землю, но по его лицу пробежала тень. Он бы никогда не остался в «Стране радости» после той нашей поездки в темноте.

На уик-энд они остановились в «Приморском пансионе миссис Шоплоу» (миссис Ш. с радостью посе-

лила их у себя, а Тина Экерли порадовалась новой встрече с ними), и впятером мы весело поужинали на берегу, у пылающего костра, который отгонял вечерний холод. Но во вторую половину субботы, когда пришло время поделиться со мной встревожившей Эрин информацией, Том выразил желание поиграть с Тиной и миссис Ш. в «Эрудита» и отправил нас в парк развлечений вдвоем. Я думал, что познакомлю Эрин с Энни и Майком, окажись они на привычном месте. Однако день выдался холодным, с океана дул пронизывающий ветер, и у края дорожки я увидел только столик для пикника. Исчез даже зонт, сложенный и убранный на зиму.

В «Стране радости» пустовали все четыре стоянки, если не считать нескольких автомобилей технического обслуживания. Эрин — в толстом свитере под горло и шерстяных брюках, с тонким, изящным портфелем, на котором были вытиснены ее инициалы, — удивленно вскинула брови, когда я достал кольцо с ключами и самым большим открыл ворота.

— Значит, теперь ты один из них.

Меня это смутило — мы все смущаемся (даже если не знаем почему), когда кто-то говорит, что ты — один из *них*.

— Не совсем, но ключ от ворот у меня имеется, на случай, что я приду сюда раньше всех или мне придется уходить последним, хотя все ключи от королевства есть только у Фреда и Лейна.

Она рассмеялась, словно я сморозил какую-то глупость.

— Ключ от ворот и *есть* ключ от королевства, вот что я думаю. — Она стала серьезной, смерила меня долгим, оценивающим взглядом. — Ты выглядишь старше, Девин. Я подумала об этом, еще увидев тебя на

платформе. Теперь я знаю, в чем дело. Ты начал работать, а мы вернулись в страну Где-то-там, играть с пропавшими мальчиками и девочками. Теми самыми, которые со временем наденут костюмы от «Брук бразерс» и положат в карман диплом МБА.

Я кивнул на портфель.

— Он будет прекрасно смотреться в паре с костюмом от «Брук бразерс»... если они шьют костюмы для женщин.

Она вздохнула.

— Это подарок родителей. Папа хочет, чтобы я стала адвокатом, как он. Я еще не собралась с духом, чтобы сказать ему, что хочу стать внештатным фотографом. Он выпрыгнет из штанов.

Мы шагали по авеню Радости в полной тишине... если не считать хруста опавших листьев. Эрин разглядывала укрытые тентами аттракционы, осушенный фонтан, застывших лошадок карусели, пустующую эстраду в обезлюдевшем детском городке Качай-Болтай.

— Грустно все это. Навевает мысли о смерти. — Она оценивающе посмотрела на меня. — Газету мы видели. Миссис Шоплоу предусмотрительно положила ее в нашу комнату. Ты опять это сделал.

— Ты про Эдди? Я просто оказался рядом. — Мы поравнялись с павильоном Мадам Фортуны. Складные стулья все еще стояли у стены. Я взял два, разложил и знаком предложил Эрин сесть. Затем опустился на второй стул рядом с ней и достал из кармана куртки пинтовую бутылку «Олд лог кэбин». — Бурбон дешевый, но холод прогонит.

Улыбаясь, она сделала маленький глоток. Я последовал ее примеру, потом завинтил пробку, сунул бутылку в карман. В пятидесяти ярдах по авеню Радости —

нашему мидвею — возвышался декоративный фасад «Дома ужасов» с сочащимися зелеными буквами. «ВОЙ-ДИ, ЕСЛИ ПОСМЕЕШЬ».

Маленькая рука Эрин сжала мое плечо с удивительной силой.

— Ты спас старого мерзавца. Спас. Это твоя заслуга.

Я улыбнулся, подумав о Лейне, о его словах насчет моего знака отличия за скромность. Возможно, в те дни я не очень-то ценил свои заслуги.

— Он выживет?

— Вероятно. Фредди Дин говорил с врачами, которые объяснили, что, бла-бла-бла, пациент должен бросить курить, бла-бла-бла, пациент должен отказаться от картофеля фри, бла-бла-бла, пациент должен регулярно заниматься физическими упражнениями.

— Представляю себе Эдди Паркса, бегущего трусцой, — сказала Эрин.

— Ага, с сигаретой во рту и пакетом свиных шкварок в руке.

Она засмеялась. Порыв ветра отбросил волосы с ее лица. В толстом свитере и темно-серых строгих брюках она мало напоминала раскрасневшуюся американскую красотку, которая бегала по «Стране радости» в коротком зеленом платье, сияя очаровательной улыбкой и убеждая людей позволить сфотографировать их старомодным фотоаппаратом.

— Так что ты хотела мне показать? Что выяснила?

Она открыла портфель и достала папку.

— Ты абсолютно уверен, что хочешь в это ввязаться? Видишь ли, я не думаю, что, выслушав меня, ты скажешь: «Элементарно, моя дорогая Эрин», — и назовешь имя убийцы, как Шерлок Холмс.

Для доказательства того, что я не Шерлок Холмс, хватало одной моей безумной идеи: Эдди Паркс и есть так называемый Убийца из «Дома ужаса». Я подумал о том, чтобы сказать ей, что упокоение жертвы интересует меня гораздо больше, чем поиск убийцы, но это прозвучало бы дико, даже в свете случившегося с Томом.

— В этом я с тобой солидарен.

— И между прочим, с тебя почти сорок долларов за оплату материалов, полученных по межбиблиотечному абонементу.

— Мне это по карману.

Она двинула меня в ребра.

— И хорошо. Я подрабатываю не ради удовольствия, а чтобы оплачивать учебу.

Она поставила портфель между лодыжками и раскрыла папку. Я увидел ксерокопии, два или три листка с записями и несколько глянцевых фотографий вроде тех, что получали кролики, если соглашались фотографироваться у Голливудских девушек.

— Ладно, поехали. Я начала со статьи в чарлстонской «Ньюс энд курьер», о которой ты мне говорил. — Она протянула мне одну ксерокопию. — Это воскресная статья, пять тысяч слов рассуждений и, возможно, восемьсот — информации. Прочитаешь позже, если захочешь. Я изложу наиболее важные моменты. Четыре девушки. Пять, считая ее. — Она кивнула на «Дом ужасов». — Первую звали Делайт Маубрей, Ди-Ди для друзей. Из Уэйкросса, штат Джорджия. Белая, двадцать один год. За два или три дня до гибели сказала своей лучшей подруге, Джасмин Уитерс, что у нее новый бойфренд, старше ее и красавчик. Ее нашли рядом с проселочной дорогой, проходящей по краю болота

Окефеноки, тридцать первого августа тысяча девятьсот шестьдесят первого года, через девять дней после исчезновения. Если бы этот парень оттащил ее чуть подалее в болото, поиски заняли бы намного больше времени.

— Если бы ее вообще нашли, — вставил я. — Аллигаторы сожрали бы тело за двадцать минут.

— Грубо, но правильно. — Она протянула мне следующую ксерокопию. — Это статья из «Уэйкросс джорнэл-хэролд» — На фотографии мрачный коп демонстрировал гипсовый слепок протектора. — Согласно версии полиции, он бросил девушку на том месте, где перерезал ей горло. В статье написано, что следы оставлены пикапом.

— Выбросил из кабины, как мусор, — уточнил я.

— Опять грубо, и опять правильно. — Она протянула мне ксерокопию третьей статьи. — Это номер два. Клодин Шарп, из Роки-Маунта, здесь, в Северной Каролине. Белая, двадцать три года. Найдена мертвой в местном кинотеатре второго августа тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Показывали «Лоуренса Аравийского», фильм очень длинный и очень громкий. Автор статьи цитирует «анонимный полицейский источник», который утверждает, что этот парень перерезал девушке горло во время одной из батальных сцен. Разумеется, всего лишь предположение. Убийца оставил окровавленную рубашку и перчатки, а потом вышел в рубашке, поддетой под первую.

— Конечно, это был тот же парень, который убил Линду Грей, — сказал я. — Или ты так не думаешь?

— Очень похоже. Копы допросили всех ее подруг, но Клодин никому не говорила, что у нее появился новый бойфренд.

— Или с кем она собиралась в кино в тот вечер? Не сказала даже родителям?

Эрин снисходительно глянула на меня.

— Ей было двадцать три года, Дев, не четырнадцать. Она жила отдельно, в другой части города. Работала в аптеке и снимала маленькую квартиру над ней.

— Ты почерпнула все это из газетной статьи?

— Разумеется, нет. Я еще звонила. Чуть не стерла палец диском, если хочешь знать правду. Ты мне должен и за междугородние разговоры. Позже мы еще вернемся к Клодин Шарп. Сейчас двигаемся дальше. Жертва номер три — согласно статье в «Ньюс энд курьер» — девушка из Санти, Южная Каролина. Теперь мы уже в шестьдесят пятом году. Ева Лонгботтом, девятнадцать лет. Черная. Исчезла четвертого июля. Тело нашли девятью днями позже двое рыбаков, оно лежало на северном берегу реки Санти. Ее изнасиловали и убили ударом ножа в сердце. Сам видишь, она единственная черная, и только ее изнасиловали. Ты можешь занести ее в список жертв Убийцы из «Дома ужасов», но лично я в этом сомневаюсь. Последняя жертва... до Линды Грей... вот она.

Эрин протянула мне фотографию — вероятно, из школьного ежегодника — ослепительно красивой золотоволосой девушки. Из тех, кто возглавляет группу поддержки, кого выбирают королевой выпускного бала, кто встречается с квотербеком школьной футбольной команды... и кого при этом все любят.

— Дарлин Стамнагер. Вероятно, изменила бы фамилию, если бы начала сниматься в кино, чего ей так хотелось. Белая, девятнадцать лет, из Макстона, Северная Каролина. Исчезла двадцать девятого июня тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Нашли ее после

двух дней интенсивных поисков в придорожном сарае под соснами Ламберта, к югу от Элрода. С перерезанным горлом.

— Господи, какая красавица. Неужели у нее не было постоянного бойфренда?

— Когда девушка так хороша собой, незачем и спрашивать. Полиция сразу направилась к нему, но дома не нашла. Он и трое его друзей ушли в турпоход на Голубой хребет, и все трое поручились за него. Да и вернуться он мог, лишь отрастив крылья.

— Потом идет Линда Грей, — вздохнул я. — Номер пять. Если, разумеется, их всех убил один человек.

Эрин, будто строгая учительница, назидательно подняла палец.

— Возможно, удалось найти только пять жертв этого типа. Могли быть и другие, в шестьдесят втором, четвертом, шестом годах... ты понимаешь.

Ветер выл и стонал в фермах «Колеса».

— А теперь о том, что меня встревожило, — продолжила Эрин... как будто пяти убитых девушек было недостаточно. Она достала из папки еще одну ксерокопию. Флаер — или, на Языке, вопль, — рекламирующий «Шоу 1000 чудес Мэнли Уэлмана». На нем была изображена пара клоунов, которые поднимали развернутый пергамент с перечислением малой части предлагаемых чудес, включающих **ЛУЧШЕЕ АМЕРИКАНСКОЕ ШОУ УРОДОВ! И КУРЬЕЗОВ!**. Предлагались также аттракционы, игры, развлечения для детей и **САМЫЙ ЖУТКИЙ В МИРЕ ДОМ УЖАСОВ!**.

Войди, если посмеешь, подумал я.

— Ты это добыла по межбиблиотечному абонементу?

— Как выясняется, по межбиблиотечному абонементу можно добыть что угодно, если есть желание заняться раскопками. А может, мне следовало сказать, наострить уши, потому что это самое большое в мире сарафанное радио. Эта реклама появилась в «Уэйкросс джорнэл-хэролд». В первую неделю августа тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— Парк развлечений Уэлмана находился в Уэйкроссе, когда исчезла первая девушка?

— Ее звали Ди-Ди Маубрей, и... нет, он к тому времени уехал. Но находился там, когда Ди-Ди сказала подруге, что у нее появился новый бойфренд. А теперь посмотри сюда. Это из «Роки-Маунт телеграм». Публиковалось неделю в середине июля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. Стандартное рекламное объявление перед приездом гастролеров. Наверное, этого я могу тебе и не говорить.

Вновь целая страница, завлекающая на «Шоу 1000 чудес Мэнли Уэлмана». Те же два клоуна, держащие развернутый пергамент, но через два года после гастролей в Уэйкроссе. Правда, теперь они обещали игру «Бино» с выигрышем десять тысяч долларов, а слово «уроdy» исчезло.

— Шоу находилось в городе, когда эту Шарп убили в кинотеатре?

— Они отбыли днем раньше. — Она постучала пальцем по нижнему краю страницы. — Достаточно взглянуть на даты, Дев.

Я не столь хорошо ориентировался в датах, как она, но не считал нужным оправдываться.

— Третья девушка? Лонгботтом?

— Я ничего не нашла насчет гастролей в Санти, и я точно не могла ничего найти о шоу Уэлмана, потому

что этот кочующий парк развлечений обанкротился осенью шестьдесят четвертого. Я узнала об этом из журнала «Развлечения и торговля под открытым небом». Насколько известно мне и моим многочисленным библиотечным друзьям, это единственное периодическое издание, посвященное только ярмаркам и паркам развлечений.

— Господи, Эрин, ты должна забыть про фотографию и предложить свои услуги богатому писателю или кинопродюсеру. Наняться ассистентом по сбору нужной информации.

— Я предпочитаю фотографию. Сбор этот слишком похож на обычную работу. Однако не будем отвлекаться, Девин. В Санти парк развлечений не приезжал, но и убийство Евы Лонгботтом все равно не похоже на четыре других. Во всяком случае, для меня. Остальных не насиловали. Помнишь?

— Либо мы об этом не знаем. Газеты такие вещи стараются замалчивать.

— Да, они пишут о домогательствах или нападениях сексуального характера, а не об изнасилованиях, но смысл до читателей доносят, будь уверен.

— А Дарлин Шумейкер? Когда ее...

— *Стамнагер*. Этих девушек убили, Дев, и самое меньшее, что ты можешь сделать, это правильно произносить их фамилии.

— Я буду. Дай мне время.

Она накрыла ладонью мою руку.

— Извини. Я слишком много вывалила на тебя за один раз. А сама думала об этом не одну неделю.

— Правда?

— В определенном смысле. Это так ужасно.

Она все говорила правильно. Когда читаешь детективный роман или смотришь фильм, ты лишь весело посвистываешь, пока мимо проносятся горы трупов, и тебя интересует только развязка: кто же совершил все эти злодеяния, дворецкий или злобная мачеха? Здесь же речь шла о реальных молодых женщинах. Вороны, вероятно, рвали их плоть, червяки копошились у них в глазах, в носу, в сером веществе мозга.

— Приезжал ли парк развлечений в Макстон, когда убили Стамнагер?

— Нет, но приближалось открытие окружной ярмарки в Ламбертоне... это ближайший относительно большой город. Держи.

Она протянула мне еще одну ксерокопию, с рекламой летней ярмарки округа Робсон. Вновь постучала пальцем, привлекая мое внимание к строчке: «50 БЕЗОПАСНЫХ АТТРАКЦИОНОВ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИЕЙ «ЮЖНАЯ ЗВЕЗДА»».

— Я отыскала «Южную звезду» в «Развлечениях и торговле под открытым небом». Они появились на рынке после Второй мировой войны. Штаб-квартира в Бирмингеме, ездят по всему югу, монтируют аттракционы. Ничего грандиозного вроде «Шаровой молнии» или «Неистового трясуна», но у них достаточно много шараш-монтажей и парней, которые могут ими управлять.

Я не мог не улыбнуться. Она еще помнила Язык. Шараш-монтажами назывались аттракционы, которые легко собирались и разбирались. Если вы когда-нибудь катались на «Безумных чашках» или «Дикой мыши», то знаете, о чем речь.

— Я позвонила главному специалисту «Южной звезды» по этим аттракционам. Сказала, что летом работа-

ла в «Стране радости», а сейчас пишу курсовую по социологии об индустрии парков развлечений. Кстати, может, и напишу, знаешь ли. В конце концов, теперь для меня это суший пустяк. Он сообщил, хотя я и сама об этом догадалась, что текучка у них очень большая. Не мог сразу сообразить, брали ли они кого-нибудь из шоу Уэлмана, но признал, что такое вполне возможно. Они могли взять как рабочих, так и более квалифицированных специалистов. Следовательно, есть вероятность, что убийца Ди-Ди и Клодин работал на ярмарке, и Дарлин Стамнагер встретила с ним. Ярмарка официально еще не открылась, но многие люди приезжали, чтобы посмотреть, как заезжие монтажники и местные газонты собирают аттракционы. — Она всмотрелась в меня. — И я думаю, так все и произошло.

— Эрин, упоминалось ли в статье «Ньюс энд курьер», опубликованной после убийства Линды Грей, о ниточке к карни? Или лучше сказать, о ниточке к парку развлечений?

— Нет. Можно мне еще глотнуть из твоей бутылки? Я замерзла...

— Мы можем пойти...

— Нет, мне становится холодно от всех этих убийств. Всякий раз, когда я просматриваю свои находки.

Я дал ей бутылку, она глотнула бурбона, и я последовал ее примеру.

— Может, ты у нас Шерлок Холмс? — спросил я. — А как насчет копов? Думаешь, они это упустили?

— Точно не знаю, но думаю... да. Будь это история из детективного телесериала с умным старым копом... вроде лейтенанта Коломбо, который смог бы собрать все воедино и составить общую картину... Но я думаю, в реальной жизни таких людей очень мало. А кроме

того, общую картину увидеть непросто, потому что ее фрагменты разбросаны по трем штатам и восьми годам. В одном я уверена: если этот человек и работал в «Стране радости», он давно уже уволился. Конечно, текучка в стационарном парке развлечений меньше, чем в той же «Южной звезде», но достаточно много людей приходит и уходит.

Это я и сам знал. Смотрители павильонов и аттракционов корней не пускали, а газонты каждый год менялись полностью.

— И вот что еще меня тревожит. — Она протянула мне тонкую стопку фотографий формата восемь на десять дюймов. С надписью «ФОТОГРАФИЯ СДЕЛАНА В «СТРАНЕ РАДОСТИ» ВАШЕЙ ГОЛЛИВУДСКОЙ ДЕВУШКОЙ» на белой полоске, тянувшейся по нижнему краю.

Я взял их — и почувствовал, что нуждаюсь в еще одном глотке бурбона, едва понял, кто на них изображен: Линда Грей и мужчина, который ее убил.

— Господи Иисусе. Эрин, они же не из газеты. Где ты их добыла?

— У Бренды Рафферти. Пришлось ее умаслить, сказав, что для всех Голливудских девушек она была второй мамой, но в конце концов она пошла мне навстречу. Это фотографии с негативов, которые хранились в ее личном архиве и которые она мне одолжила. Тут есть кое-что интересное, Дев. Видишь ободок на голове этой Грей?

— Да. — Лента Алисы, как назвала его миссис Шоплоу. Синяя лента Алисы.

— Бренда сказала, что копы заретушировали ободок на тех фотографиях, которые отдали в газеты. Они думали, он поможет им поймать убийцу, но этого не произошло.

— И что тебя здесь тревожит?

Бог свидетель, меня встревожили все фотографии, даже те, на которых Грей и мужчина виднелись на заднем плане, узнаваемые лишь по ее блузке без рукавов и ленте Алисы и его бейсболке и солнцезащитным очкам. Только на двух Линда Грей и ее убийца попали в фокус. Первая «схватила» их у «Чашек-вертушек», его кисть небрежно лежала на округлой ягодице девушки. На второй — лучшей из всех — они находились в «Тире Энни Оукли». Ни на одной лицо мужчины разглядеть не удавалось. Я мог бы пройти мимо него по улице и не узнать.

Эрин взяла фотографию с «Чашками-вертушками».

— Посмотри на его руку.

— Да, татуировка. Я ее вижу и слышал о ней от миссис Шо. Что ты об этом думаешь? Ястреб или орел?

— Я думаю, орел, но это не имеет значения.

— Правда?

— Правда. Помнишь, я говорила, что вернусь к Клодин Шарп? Молодая женщина, которой перерезали горло в местном кинотеатре — во время показа «Лоуренса Аравийского», ни больше ни меньше — крупная новость для такого городка, как Роки-Маунт. Она месяц не сходила со страниц «Телеграм». Копы нашли только одну ниточку. Девушка, с которой Клодин училась в старших классах, увидела ее в буфете кинотеатра и поздоровалась. Клодин ей ответила. Девушка сказала, что рядом с Клодин был мужчина в бейсболке и солнцезащитных очках, но она даже не подумала, что он имеет какое-то отношение к Клодин, поскольку он был гораздо старше. Она обратила внимание на мужчину только из-за солнцезащитных очков, которые он не снял в темном помещении... и из-за татуировки на руке.

— Птицы?

— Нет, Дев. Коптского креста. Как этот. — Она протянула мне еще одну ксерокопию. — Копам она сказала, что сначала приняла этот крест за какой-то фашистский символ.

Я посмотрел на крест. Элегантный, но совершенно не похожий на голову птицы.

— Две татуировки, по одной на каждой руке, — предположил я. — Птица на одной, крест на другой.

Она покачала головой и дала мне фотографию с «Чашками-вертушками».

— На какой руке птица?

Он стоял слева от Линды Грей, обнимая ее за талию. Ладонь спустилась на ягодицу...

— На правой.

— Да. Но и девушка, которая видела его в кинотеатре, сказала, что *крест* был на правой руке.

Я обдумал ее слова.

— Она ошиблась, вот и все. Со свидетелями это обычная история.

— Конечно, свидетели ошибаются. Мой отец может говорить на эту тему с утра и до вечера. Но посмотри, Дев.

Эрин протянула мне фотографию из тира, лучшую из всех, потому что она была сделана не случайно. Проходившая мимо Голливудская девушка увидела парочку, обратила внимание на удачную позу и сфотографировала, надеясь, что фотографию купят. Но мужчина устроил ей разнос. Громкий разнос, судя по рассказу миссис Шоплоу. Я вспомнил, как она описывала фотографию: «Они стоят бедром к бедру, он показывает, как держать винтовку, — парни всегда это делают». Миссис Шоплоу видела фотографию в газете, размытую, из

маленьких точек. Передо мной лежал оригинал, такой резкий и отчетливый, что, казалось, я мог войти в него и предупредить девушку. Он прижимался к ней, его рука накрывала ее, лежавшую на стволе модифицированной винтовки двадцать второго калибра, помогая прицелиться.

Его *левая* рука. Без татуировки.

— Ты видишь?

— Тут нечего видеть.

— Именно, Дев. Именно.

— Ты хочешь сказать, что парней было двое? Один, с крестом на руке, убил Клодин Шарп, а второй, с птицей, разобрался с Линдой Грей? Едва ли такое возможно.

— Полностью с тобой согласна.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я подумала, что увидела кое-что на одной фотографии, но сомнения оставались. Поэтому я отнесла отпечаток и негатив одному студенту-выпускнику, его зовут Фил Хендрон. Он гений проявки, практически живет на кафедре фотографии Барда. Ты помнишь эти громоздкие фотоаппараты «Спид график», которые мы таскали с собой?

— Конечно.

— Они использовались как антураж — милые девушки, таскающие старомодные фотоаппараты, — но Фил говорит, что они дают чертовски четкую картинку. И с негативами можно много чего сделать. Например...

Она показала мне увеличенный фрагмент фотографии возле «Чашек-вертушек». Голливудскую девушку интересовала молодая пара с маленьким ребенком, но на увеличенном фрагменте их почти не было видно. Теперь центральное место занимали Линда Грей и ее кавалер-убийца.

— Посмотри на его руку, Дев. Посмотри на татуировку!

Я посмотрел, хмурясь.

— Трудно что-то разглядеть. Рука размыта сильнее, чем все остальное.

— Я так не думаю.

Я поднес фотографию ближе к глазам.

— Это... Господи, Эрин. Это чернила? Они потекли?

Она торжествующе улыбнулась.

— Июль тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Жаркий южный вечер. Все жутко потеют. Если не веришь мне, посмотри на другие фотографии и увидишь разводы от пота. А у него есть дополнительный повод потеть, верно? Он же задумал убийство. Дерзкое убийство.

— Вот дерьмо! — воскликнул я. — «Пират Пит»!

Она нацелила на меня палец.

— В яблочко!

«Пират Пит». Так назывался магазин сувениров рядом с «Бултыхом». Над его крышей гордо развешивался «Веселый Роджер». Там продавался стандартный набор: футболки, кофейные кружки, пляжные полотенца, даже плавки, если ребенок забыл захватить свои. Разумеется, все с символикой «Страны радости». Имелся и прилавок с богатым выбором переводных картинок-татуировок. Если ты сам не мог справиться, Пират Пит (или кто-то из его помощников-новичков) готов был прийти на помощь за символическую плату.

Эрин кивала.

— Я сомневаюсь, что он приобрел картинку-татуировку здесь — это же глупо, а наш парень далеко не глуп, — но я уверена, что это не настоящая татуировка. И коптский крест, который девушка-свидетельница видела в кинотеатре Роки-Маунта, тоже не настоя-

щий. — Она наклонилась ко мне, сжала руку. — Знаешь, что я думаю? Он делает это, чтобы отвлечь внимание. Люди замечают татуировку, а все остальное... — Она постучала по расплывшимся силуэтам, которые смотрелись очень четко, пока приятель Эрин не увеличил фотографию.

— Все остальные его приметы уходят в тень.

— Да, — кивнула Эрин. — А потом он просто смы-
вает ее.

— Копы знают?

— Понятия не имею. Ты можешь сказать им — мне-то надо возвращаться в университет, — но я не уверена, что их это заинтересует. Слишком много прошло времени.

Я вновь просмотрел фотографии. Эрин действительно раскопала что-то важное, хотя я и не стал бы утверждать, что только благодаря этому удастся поймать убийцу из «Дома ужаса». Но в этих фотографиях было что-то еще. *Что-то*. Знаете, как иной раз словечко вертится на кончике языка, но никак не может сорваться с него? Та же история.

— А после этих пяти убийств, четырех, если вычеркнуть Еву Лонгботтом и закончить Линдой Грей, кого-нибудь еще убивали аналогичным образом? Ты проверяла?

— Я пыталась, — ответила Эрин. — Коротко говоря, я думаю, что нет, но наверняка сказать не могу. Я прочитала о пятидесяти убийствах молодых женщин — как минимум о пятидесяти — и не нашла ни одного с такими характерными признаками. Всегда летом. Всегда после встречи с неизвестным, старшим по возрасту мужчиной. Всегда перерезанное горло. И всегда какая-то связь с миром кар...

— Привет, детки.

Вздвогнув, мы подняли головы. Перед нами стоял Фред Дин, одетый в рубашку для гольфа, ярко-красные бриджи и бейсболку с длинным козырьком и надписью «ЗАГОРОДНЫЙ КЛУБ ХЭВЕНС-БЭЙ», вышитой золотыми буквами. Я-то привык видеть его в костюме, в крайнем случае — с ослабленным узлом галстука и растянутым воротничком рубашки «Ван Хьюзен». В новом нелепом наряде он выглядел на удивление молодым. Только поседевшие виски выдавали возраст.

— Добрый день, мистер Дин. — Эрин встала. В одной руке она держала бумаги и несколько фотографий, в другой — папку. — Не думаю, что вы помните меня.

— Разумеется, помню. Я никогда не забываю Голливудских девушек, но, случается, путаю имена. Ты Эшли или Джерри?

Она улыбнулась, сложила бумаги в папку, передала мне. Я убрал туда же фотографии, которые держал.

— Я Эрин.

— Разумеется, Эрин Кук. — И он подмигнул мне, что выглядело не менее странно, чем его появление в старомодных бриджах для гольфа. — У тебя прекрасный вкус по части юных дам, Джонси.

— Конечно, а почему нет? — Я решил, что пытаться объяснять, что Эрин на самом деле подружка Тома Кеннеди, будет слишком сложно. Фред и не вспомнил бы Тома, поскольку никогда не видел его в кокетливом зеленом платье и на высоких каблуках.

— Я заглянул на минутку, за бухгалтерскими книгами. Приближаются квартальные налоговые выплаты. Это такой геморрой. Наслаждаешься визитом в альма-матер, Эрин?

— Да, сэр, просто счастлива.

— Приедешь в следующем году?

Она немного смутилась, потом решила сказать правду:

— Вероятно, нет.

— Что ж, твое право, но если передумаешь, я уверен, Бренда Рафферти найдет для тебя место. — Он переключился на меня. — Этот мальчик, которого ты соби-
рался привезти в парк, Джонси. Вы с его матерью уже определили день?

— Вторник. Среда или четверг, если будет дождь. Ребенку нельзя под него попадать.

Эрин с любопытством смотрела на меня.

— Советую ориентироваться на вторник. К побережью приближается штормовой фронт. Не ураган, слава Богу, но тропический ливень гарантирован. Много воды и сильный ветер. Так говорят. Ожидается, он ударит по нам в среду, в середине дня.

— Хорошо, — кивнул я. — Спасибо за наводку.

— Приятно вновь повидаться с тобой, Эрин. — Он приподнял бейсболку и направился к заднему двору.

Эрин подождала, пока он скроется из виду, и лишь потом рассмеялась.

— Эти штаны. Ты видел эти штаны?

— Да. Довольно экстравагантные. — Но смеяться над ними я не собирался. Как и над ним. По словам Лейна, именно Фред Дин удерживал «Страну радости» на плаву, используя все возможные и даже невозможные способы, не говоря уже о бухгалтерских чудесах. И раз ему это удавалось, думал я, он имел полное право носить бриджи для гольфа, если у него возникало такое желание. По крайней мере они не были клетчатыми.

— Какого это ребенка ты собрался привести в парк?

— Долгая история, — ответил я. — Расскажу на обратном пути.

И рассказал, в версии бойскаута со знаком отличия за скромность, а также опустив громкую ссору в больнице. Эрин слушала, не прерывая, и задала только один вопрос, когда мы подошли к лестнице, ведущей с пляжа:

— Скажи мне правду, Дев, мамаша — милашка?

Почему всех интересует только это?

В тот вечер Том и Эрин пошли в «Серфера Джо», пивной бар с танцплощадкой, где летом провели не один вечер. Том приглашал и меня, но я предпочел прислушаться к давней поговорке о том, что двое — это компания, а трое — сами знаете что. Кроме того, я сомневался, что они найдут там прежнюю бурлящую, веселую атмосферу. В таких городках, как Хэвенс-Бэй, июль очень отличался от октября. Войдя в роль старшего брата, я им даже об этом сказал.

— Ты не понимаешь, Дев, — ответил Том. — Мы с Эрин идем туда не в поисках веселья; мы его *приносим*. Этому нас научило прошедшее лето.

Тем не менее я услышал, как они поднимались по лестнице — рано и практически трезвые, если судить по звукам. Но не обошлось без шепота и приглушенного смеха, заставивших меня чуть острее ощутить одиночество. Однако я скучал не по Уэнди — просто по *кому-то*. И если оглянуться назад, полагаю, это означало, что я сделал шаг в правильном направлении.

После их ухода я прочитал статьи и заметки Эрин, но не нашел в них ничего нового. Через пятнадцать минут взялся за фотографии с четкими черно-белыми изображениями, с пометкой «СДЕЛАНА В «СТРАНЕ РАДОСТИ» ВАШЕЙ ГОЛЛИВУДСКОЙ ДЕВУШКОЙ». Сначала просто просматривал их одну за другой,

потом сел на пол, разложил квадратом, перекладывая с места на место, словно человек, собирающий пазл. И если на то пошло, именно этим я и занимался.

Эрин тревожила связь с карни и татуировки, которые, вероятно, таковыми не были. Меня это тоже тревожило, но было что-то еще. Только я никак не мог понять, что именно. А потому злился, поскольку чувствовал: оно же здесь, у меня перед глазами. Наконец я убрал в папку все фотографии, кроме двух. Ключевых. Эти поднял, переводя взгляд с одной на другую.

Линда Грей и убийца в очереди к «Чашкам-вертушкам».

Линда Грей и убийца в тире.

Не обращай внимания на чертову татуировку, сказал я себе. Она ни при чем. Дело в чем-то еще.

Но что еще это могло быть? Солнцезащитные очки закрывали глаза. Бородка маскировала нижнюю часть лица, а чуть опущенный козырек бейсболки затенял лоб и брови. Бейсболку украшала большая красная буква «С», из которой выплывал сом, логотип бейсбольной команды «Сомы» из Южной Каролины, выступавшей в одной из низших лиг. В разгар сезона бейсболки «Сомов» ежедневно мелькали в парке, в таком количестве, что мы прозвали их сомболками, по аналогии с песболками. Мерзавец специально надел самую распространенную бейсболку, еще один элемент тщательной маскировки.

Мой взгляд перемещался с одной фотографии на другую, от «Чашек-вертушек» к тире и обратно. Наконец я бросил фотографии в папку, а папку — на мой маленький письменный стол. Почитал, пока не вернулись Том и Эрин, улегся в кровать.

Может, меня осенит утром, подумал я. Проснусь и скажу: «Ох, черт побори, ну конечно».

Шум набегающих волн убаюкивал. Мне снилось, что я на пляже с Энни и Майком. Мы с Энни стоим по щиколотки в воде, обнявшись, смотрим на Майка, который управляет воздушным змеем. Разматывает леер и бежит за ним. Он это может, поскольку полностью здоров. Он прекрасно себя чувствует. А вся эта мышечная дистрофия Дюшенна мне только пригрезилась.

Я проснулся рано, потому что не опустил штору. Подошел к столу, взял папку. Достал две фотографии, те самые, и уставился на них в лучах солнца, в полной уверенности, что увижу ответ.

Не увидел.

Удачное расписание позволило Тому и Эрин приехать вместе из Нью-Джерси в Северную Каролину, но если говорить о расписании поездов, здесь удача — скорее исключение, чем правило. В воскресенье они ехали вместе только из Хэвенс-Бэй до Уилмингтона, в моем «форде». Поезд Эрин, шедший в северную часть штата Нью-Йорк, Аннандейл-на-Гудзоне, уходил за два часа до «Берегового экспресса», на котором Том уезжал в Нью-Джерси.

Я сунул чек в карман ее куртки.

— За межбиблиотечный обмен и междугородние разговоры.

Она достала чек, посмотрела на сумму, попыталась его вернуть.

— Восемьдесят долларов — слишком много.

— Учитывая, что тебе удалось раскопать, явно мало. Возьмите его, лейтенант Коломбо.

Она рассмеялась, вернула чек в карман, поцеловала меня на прощание — еще одна быстрая сестринская пародия на поцелуй, не имеющая ничего общего с нашим прощальным поцелуем в конце лета. В объятиях Тома она провела значительно больше времени. Они договорились встретиться на День благодарения в доме родителей Тома в западной Пенсильвании. Я видел, что ему не хочется ее отпускать, но он сдался, когда по громкой связи объявили, что посадка на поезд до Ричмонда, Балтимора, Уилкс-Берри и далее на север заканчивается.

После ее отъезда мы с Томом медленно перешли улицу, пообедали не в самом плохом ресторане. Я как раз обдумывал, что взять на десерт, когда он откашлялся и обратился ко мне:

— Послушай, Дев.

Что-то в его голосе заставило меня торопливо поднять глаза. Щеки Тома покраснели больше обычного. Я отложил меню.

— То, чем Эрин занимается с твоей подачи... Я думаю, это надо прекратить. Ее это тревожит, и я чувствую, что она пренебрегает учебой. — Он рассмеялся, посмотрел через окно на вокзальную суету, вновь повернулся ко мне. — Я говорю, как ее отец, а не бойфренд, да?

— Ты говоришь как человек, который заботится о ней, которому она небезразлична.

— Забочусь? Дружище, я в нее по уши влюблен. Важнее ее для меня никого нет. И ревность тут ни при чем. Я не хочу, чтобы у тебя возникли такие мысли. Дело в следующем: если она хочет перевестись в мой институт и сохранить весь пакет финансовой помощи, ей надо следить за успеваемостью. Ты ведь это понимаешь?

Да, это я понимал. Впрочем, понимал и кое-что еще, даже если Том этого понять не мог. Он хотел, чтобы она не только телом, но и душой порвала со «Страной радости», потому что там с ним произошло нечто, чего он не мог понять. Чего не хотел понимать, а потому в моих глазах выглядел дураком. И тут вспышка зависти вновь полыхнула во мне, заставив желудок стиснуть пищу, которую он пытался переварить.

Но я улыбнулся — хотя это далось мне с трудом — и ответил:

— Я все понял. Если хочешь знать мое мнение, наш маленький исследовательский проект закончен.

Так что расслабься, Томас. Можешь больше не думать о том, что произошло в «Доме ужасов». О том, что ты там увидел.

— Хорошо. Мы ведь по-прежнему друзья?

Я потянулся к нему через стол.

— Друзья до гроба.

И мы скрепили эти слова рукопожатием.

Эстрада в детском городке Качай-Болтай располагала тремя задниками: Замком прекрасного принца, иллюстрацией к сказке «Джек и бобовый стебель» и «Каролинским колесом», подсвеченным красным неонам на фоне звездного ночного неба. За лето все они порядком выцвели на солнце. В понедельник утром я работал в небольшом помещении за сценой — подкрашивал их (очень надеясь не напортачить, потому что не тянул на Ван Гога), — когда прибыл один из немногих оставшихся газонтов с поручением от Фреда Дина. Тот хотел видеть меня в своем кабинете.

Я вошел туда с легким предчувствием беды, опасаясь взбучки за то, что в субботу без разрешения пришел в парк Эрин. Фред вновь удивил меня, встретив не в костюме и не в чудном наряде для гольфа, а в линялых джинсах и выцветшей футболке с надписью «Страна радости» на груди. Закатанные рукава выставляли на показ рельефную мускулатуру. Добавьте к этому повязку на лбу с орнаментом «индийский огурец». Он выглядел не как бухгалтер или администратор, принимающий на работу простых смертных. Нет, он выглядел рядовым сотрудником, который обслуживает один из аттракционов.

Фред отметил удивление, промелькнувшее на моем лице, и улыбнулся:

— Нравится прикид? Должен признать, мне нравится. Так я одевался, когда присоединился к шоу братьев Блиц на Среднем Западе, еще в пятидесятые. Моя мать решение одобрила, а отец пришел в ужас. Хотя был карни.

— Я знаю, — ответил я.

Он вскинул брови.

— Правда? Слухами земля полнится? Ладно, сегодня полно дел.

— Дайте мне список. Я почти закончил с задниками и...

— Не для тебя, Джонси. С этой минуты у тебя выходной, и я не хочу тебя видеть до девяти утра завтрашнего дня, когда ты привезешь своих друзей. О своем жалованье не волнуйся. Я прослежу, чтобы у тебя не вычли деньги за часы твоего отсутствия.

— И что все это значит, Фред?

Его улыбку я истолковать не смог.

— Это сюрприз.

Тот понедельник выдался теплым и солнечным, и Энни с Майком ели ленч за столиком у конца дорожки, когда я возвращался в Хэвенс-Бэй. Майло увидел меня и бросился ко мне, чтобы поприветствовать.

— Дев! — позвал Майк. — Иди сюда и возьми сандвич! У нас их много!

— Нет, я правда не...

— Мы настаиваем, — присоединилась к сыну Энни. Потом нахмурилась. — Если только ты не заболел. Я не хочу, чтобы Майк подхватил какую-нибудь инфекцию.

— Со мной все в порядке. Просто отправили домой пораньше. Мистер Дин... это мой босс... не объяснил почему. Сказал лишь, что это сюрприз. Догадываюсь, это как-то связано с завтрашним днем. — Я посмотрел на нее с легкой тревогой. — Ты ведь не передумала насчет завтра?

— Нет, — ответила Энни. — Если я сдаюсь, то сдаюсь. Просто... мы же не сильно утомим его, Дев?

— *Мама*, — встрял Майк.

Она не обратила на него ни малейшего внимания.

— Дев?

— Нет, мэм. — Хотя вид Фреда Дина, одетого как работага-карни и демонстрирующего все эти крепкие мышцы, меня насторожил. Но разве я не объяснил ему, какое хрупкое у Майка здоровье? Я полагал, что объяснил, но...

— Тогда подходи и бери сандвич, — прервала мои мысли Энни. — Надеюсь, ты любишь яичный салат.

В ночь на вторник я спал плохо, наполовину уверенный, что упомянутый Фредом тропический шторм прибудет раньше и поездку Майка в парк придется от-

менить, но солнце взошло в безоблачном небе. Я на цыпочках прокрался в гостиную, включил телевизор и успел поймать по Дабл-ю-и-си-ти прогноз погоды, который передавали без четверти семь. Шторм приближался, но сегодня его ждали только на побережье Флориды и в Джорджии. Я надеялся, что мистер Истербрук захватил с собой галоши.

— Что-то ты сегодня рано поднялся. — Миссис Шоплоу заглянула в гостиную из кухни. — Я как раз жарю яичницу с беконом. Готова поделиться с тобой.

— Я не голоден, миссис Шо.

— Ерунда. Ты все еще растешь, Девин, и тебе надо есть. Эрин рассказала мне, какие у тебя планы на сегодня, и я думаю, это замечательная задумка. Все пройдет отлично.

— Надеюсь, вы правы, — ответил я, но продолжал думать о Фреде Дине в рабочей одежде, Фреде, который так рано отослал меня домой, Фреде, готовящем сюрприз.

Во вторник, в половине девятого утра, когда моя развалюха свернула на подъездную дорожку большого зеленого викторианского особняка, Энни и Майк уже ждали меня, как мы и договорились за ленчем накануне. Вместе с Майло.

— Никто не будет возражать, если мы возьмем его? — спросил Майк в понедельник. — Я не хочу, чтобы возникли какие-то проблемы.

— Собаки-компаньоны в «Страну радости» допускаются, — ответил я, — вот Майло и будет собакой-компаньоном. Так, Майло?

Майло склонил голову набок, явно незнакомый с понятием «собака-компаньон».

Сегодня Майк надел большущие лязгающие ортезы. Я подошел, чтобы помочь ему сесть в «универсал», но он отмахнулся и справился сам. Для этого потребовались немалые усилия, и я ожидал приступа кашля, но обошлось. Он чуть ли не подпрыгивал от волнения. Энни, невероятно длинноногая в джинсах, протянула мне ключи от автомобиля.

— Ты поведешь. — Она понизила голос, чтобы Майк ее не услышал. — Я слишком нервничаю, чтобы садиться за руль.

Я тоже нервничал. В конце концов, ведь это я ее уговорил. Майк, конечно, тоже участвовал, но в отличие от него я был взрослым. И если что-то пойдет не так, ответственность ляжет на меня. Обычно я не молюсь, но тут, загрузив в багажник коляску и костыли Майка, попросил Бога, чтобы все прошло хорошо. Потом задним ходом выехал с подъездной дорожки и направился по Бич-роу к парку развлечений, мимо большого рекламного щита с надписью «ПОДАРИТЕ ВАШИМ ДЕТЯМ ДЕНЬ В «СТРАНЕ РАДОСТИ», КОТОРЫЙ ОНИ НЕ ЗАБУДУТ ДО КОНЦА ЖИЗНИ!».

Энни сидела на пассажирском сиденье, и я подумал, что никогда она не выглядела столь прекрасной, как в то октябрьское утро, в потертых джинсах и легком свитере, с волосами, схваченными на затылке голубой лентой.

— Спасибо тебе, Дев. — Она повернулась ко мне. — Я очень надеюсь, что мы все делаем правильно.

— Мы все делаем правильно, — ответил я с уверенностью, которой не чувствовал. Потому что теперь, когда от разговоров мы перешли к делу, у меня возникли сомнения.

Вывеска над воротами «Страны радости» сияла: это я заметил прежде всего. А потом услышал доносившуюся из громкоговорителей летнюю радостную музыку, хит-парад конца шестидесятых — начала семидесятых. Я собирался припарковаться на стоянке А, в одной из ячеек, предназначенных для людей с ограниченными возможностями — их отделяли от входа каких-то пятьдесят футов, — но прежде чем успел это сделать, Фред Дин вышел из открытых ворот и взмахом руки предложил нам заезжать в парк. В это утро он надел не просто костюм, а тройку, в которой появлялся исключительно для встреч знаменитостей, заслуживавших особого почтения. Сам костюм я видел, а вот высокий шелковый цилиндр, какие носили дипломаты в старой кинохронике, — никогда.

— Это обычное дело? — спросила Энни.

— Конечно, — ответил я с напускной беззаботностью. Обычным сегодня и не пахло.

Я миновал ворота и по авеню Радости доехал до скамьи неподалеку от детского городка Качай-Болтай, на которой сидел мистер Истербрук во время моего первого выступления в роли Хоуи.

Майк хотел вылезти из автомобиля точно так же, как и залез в него: сам. Я стоял рядом, готовый поймать мальчика, если он потеряет равновесие, а Энни вытаскивала коляску из багажного отделения. Майло сидел у моих ног, наострив уши, со сверкающими глазами.

Когда Энни подкатила коляску, подошел Фред, благоухая лосьоном после бритья. Выглядел он... ослепительно. Другого слова и не подберешь. Он снял шляпу, поклонился Энни, потом протянул руку.

— Вы, должно быть, мать Майка. — Не забудьте, что нейтральное обращение «миз» тогда почти не исполь-

зовалось, и я, пусть и нервничал, сумел оценить ловкость, с которой Фред избежать «мисс» и «миссис».

— Да, — ответила она. Не знаю, почему она так покраснелась — то ли ее смутила его галантность, то ли контраст между ее и его одеждой, ведь она оделась для прогулки в парке развлечений, а он — для встречи коронованной особы. Пожала ему руку. — А этот молодой человек...

— ...Майкл. — Фред протянул руку мальчику, который стоял на стальных ортезах, широко распахнув глаза. — Благодарю за приезд к нам.

— Всегда пожалуйста... я хочу сказать, спасибо большое. Спасибо, что приняли нас. — Он пожал руку Фреда. — Парк такой *огромный*.

На огромный наш парк, конечно, не тянул, в отличие, скажем, от «Диснейуорлда». Но десятилетнему мальчику, который никогда не бывал в парке развлечений, он казался именно таким. На мгновение я смог увидеть «Страну радости» его глазами, увидеть заново, и мои сомнения — а следовало ли привозить сюда Майка — начали таять.

Фред наклонился, чтобы получше рассмотреть третьего члена семьи Россов, уперся руками в колени.

— А ты, значит, Майло?

Майло гавкнул.

— Да, — кивнул Фред, — и я тоже рад с тобой познакомиться. — Он протянул руку, ожидая, что Майло подаст ему лапу. Майло не обманул его ожиданий.

— Как вы узнали кличку нашей собаки? — спросила Энни. — Вам сказал Дев?

Фред, улыбаясь, выпрямился.

— Нет. Это волшебное место, моя дорогая. Убедитесь сами. — Он показал ей пустые руки, потом убрал их за спину. — В какой руке?

— В левой, — ответила Энни, включаясь в игру.

Фред показал ей левую руку, пустую.

Она с улыбкой закатила глаза.

— Ладно, в правой.

В этой руке оказалась дюжина роз. Настоящих. Энни и Майк ахнули. Я тоже. Даже теперь, столько лет спустя, я понятия не имею, как он это сделал.

— «Страна радости» предназначена для детей, моя дорогая, а поскольку сегодня Майк здесь единственный ребенок, парк принадлежит ему. Но цветы — вам.

Она взяла их, словно женщина, грезящая наяву. Уткнулась в них лицом, вдыхая нежную красную пыльцу.

— Я положу их в машину, — предложил я.

Она еще немного постояла, потом передала розы мне.

— Майк, знаешь, что мы здесь продаем? — спросил Фред.

На лице мальчика отразилась неуверенность.

— Атракционы? Поездки на атракционах и игры?

— Мы продаем веселье. Так как насчет того, чтобы немного повеселиться?

Я помню день Майка — и Энни — в парке развлечений, как будто все это было на прошлой неделе, но только гораздо более талантливый писатель, чем я, сумел бы рассказать вам обо всех ощущениях того дня и объяснить, почему именно тогда мое сердце и чувства наконец-то освободились от чар Уэнди Киган. Я же могу лишь озвучить давно известную истину: некоторые дни — настоящее сокровище. Их не так много, но я уверен, что в жизни почти каждого было хотя бы несколько. Этот — из моей сокровищницы, и когда мне

грустно, когда все кажется облезлым и унылым, как авеню Радости в дождливый день, я возвращаюсь к нему, хотя бы для того, чтобы напомнить себе, что жизнь — не вечный лохотрон. Иногда призывы реальны. Иногда они на вес золота.

Разумеется, не все аттракционы работали, но это было и к лучшему, потому что многими Майк воспользоваться не мог. Тем не менее в то утро большая часть парка вернулась к жизни: иллюминация, музыка, даже некоторые киоски, в которых полдюжина газонтов продавали поп-корн, картофель фри, газировку и «щенячьи восторги». Я понятия не имел, как Фред и Лейн сделали все это за полдня, но они сделали.

Мы начали с детского городка, где Лейн ждал у локомотива «Чу-Чу-Качай». Котелок сменила фуражка машиниста, скошенная под привычным лихим углом. Кто бы сомневался.

— По вагонам! Мы едем радовать детей, все по вагонам и в путь скорей! Собаки едут за так, и мамы едут за так, дети едут в кабине и тоже не за пятак.

Он указал на Майка, потом на сиденье в кабине. Майк поднялся с инвалидного кресла, оперся на костыли. Покачнулся. Энни шагнула к нему.

— Нет, мама. Все хорошо. Я сам.

И действительно, лязгая ортезами, он зашагал к Лейну — мальчишка с ногами робота — и позволил ему помочь забраться на пассажирское сиденье.

— Это шнур от гудка? — спросил он. — Можно я потяну за него?

— Именно для этого он и предназначен, — ответил Лейн, — но следи, нет ли на рельсах поросят. По округе шныряет волк, и они перепуганы до смерти.

Мы с Энни сели в один из вагончиков. Ее глаза сверкали. На щеках расцвели розы. И хотя она плотно сжимала губы, они дрожали.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да. — Она взяла меня за руку, переплела пальцы с моими, сжала до боли. — Да. Да. Да.

— Нам дали зеленый свет! — крикнул Лейн. — Подтверди, Майкл!

— Подтверждаю!

— Кого не должно быть на рельсах?

— Поросят!

— Малыш, улыбка моя — заслуга твоя. Дерни крик-веревку, и мы отправляемся.

Майк дернул за шнур. Гудок взвыл. Майло залаял. Пневматические тормоза зашипели, и поезд тронулся с места.

«Чу-Чу-Качай» — аттракцион для маленьких, понимаете? Собственно, все аттракционы Качай-Болтай были предназначены для детей от трех до семи лет. Но надо помнить и о том, сколь редко Майк Росс выходил из дома, особенно после прошлогодней пневмонии, и как часто просто сидел рядом с матерью у края дорожки, ведущей от дома к пляжу, слушая рокот аттракционов и радостные крики, доносившиеся из парка развлечений, зная, что это не для него. Ему же оставалось немного: жадно ловить воздух отказывающимися легкими, кашлять, терять способность ходить даже на ортезах и костылях и, наконец, оказаться прикованным к кровати, лежать, дожидаясь смерти, в подгузнике под пижамой и с кислородной маской на лице.

Детский городок Качай-Болтай лишился всего обслуживающего персонала, там не осталось ни одного летнего работника, которые изображали сказочных

героев, но Фред и Лейн «оживили» все механизмы. Волшебный бобовый стебель вырастал из земли в облаке пара, ведьма злобно хохотала перед пряничным домиком, Безумный Шляпник устраивал чаепитие, волк в ночном колпаке прятался в путепроводе и выскакивал, когда над ним проезжал поезд. А в самом конце круговой поездки мы миновали три домика, которые так хорошо знали дети: соломенный, деревянный и каменный.

— Следи, нет ли поросят! — крикнул Лейн, и в этот момент они появились, вперевалочку переходя рельсы, громко похрюкивая. Заливаясь смехом, Майк дернул за шнур. Как и всегда, поросята успели проскочить перед мчащимся поездом... в самый последний момент.

Когда мы вернулись на станцию, Энни отпустила мою руку и поспешила к локомотиву.

— Ты в порядке, малыш? Тебе нужен ингалятор?

— Нет, все хорошо. — Майк повернулся к Лейну. — Спасибо вам, мистер Машинист!

— Всегда к твоим услугам, Майк. — Он протянул руку ладонью вверх. — Шлепни пятерней, если ты живой.

Майк шлепнул, и звонко. Я сомневаюсь, что когда-либо еще он чувствовал себя таким живым.

— Теперь мне пора двигаться дальше. Сегодня я един во многих лицах. — И Лейн подмигнул мне.

Энни запретила «Чашки-вертушки», но разрешила — не без сомнений — «Подвесную карусель». Еще крепче сжала мою руку, когда кресло Майка взлетело на тридцать футов и начало наклоняться, но снова расслабилась, услышав его счастливый смех.

— Боже, — прошептала она, — посмотри на его волосы! Как они летят позади него! — Она улыбалась. А еще плакала, но, кажется, сама этого не замечала. Как не замечала и мою руку, которая обвила ее талию.

У пульта управления стоял Фред, который точно оценивал ситуацию, и карусель вращалась на половине максимальной скорости, при которой Майк летел бы параллельно земле, поддерживаемый только центробежной силой. Вернувшись на землю, он не мог идти — у него кружилась голова. Мы с Энни взяли его за руки и усадили в кресло. Фред нес костыли мальчика.

— Ух ты, — только и мог повторять он. — Ух ты, ух ты.

Затем последовали «Быстрые катера» — наземный аттракцион, несмотря на название. Майк вместе с Майло — оба в восторге — мчался над нарисованной водой в одном катере, мы с Энни заняли другой. Хотя к тому времени я проработал в «Стране радости» больше четырех месяцев, на этом аттракционе мне кататься не доводилось, и я завопил, когда наш катер пошел на таран катера Майка и Майло. Мы разминулись только в последнюю секунду.

— Трусилка! — прокричала Энни мне в ухо.

Когда мы вылезли из катера, Майк дышал тяжело, но по-прежнему не кашлял. Мы прокатали его по Собачьему проспекту и взяли по банке газировки. Газонт отказался от протянутой Энни пятерки.

— Все за счет заведения, мэм.

— Можно мне «щенка», мама? И сахарной ваты?

Она нахмурилась, потом вздохнула и пожала плечами.

— Хорошо, но только сегодня. Этот день — исключение. И больше никаких быстрых аттракционов.

Он покатил к киоску «Щенячий восторг», его собственный щенок трусил рядом. Энни повернулась ко мне.

— Дело не в питательности, если ты об этом подумал. Если у него будет несварение желудка, его может начать рвать. А рвота для детей в таком состоянии опасна.

Я поцеловал Энни, легонько коснувшись ее губ. Словно проглотил крошечную капельку чего-то невероятно сладкого.

— Перестань, — сказал я. — Разве он выглядит больным?

Ее глаза вдруг стали огромными. На мгновение мне показалось, что сейчас она влепит мне пощечину и уйдет. Мой глупый поступок мог испортить такой роскошный день. Потом она улыбнулась, оценивающе осмотрела меня, и в моем желудке затрепыхались бабочки.

— Готова спорить, ты способен на большее, если дать тебе хотя бы полшанса.

Прежде чем я нашелся с ответом, она уже поспешила за сыном. Впрочем, останься она рядом, было бы то же самое. Я застыл как громом пораженный.

Энни, Майк и Майло катились вместе в одной тележке по Гондольному спуску, который пересекал парк по диагонали. Мы с Фредом ехали под ними в электрокаре, загрузив в него сложенное кресло Майка.

— Потрясающий мальчишка, — заметил Фред.

— Да, но я никак не ожидал, что вы устроите ему такой прием.

— Ты у нас тоже потрясающий. Ты даже представить себе не можешь, Дев, как много хорошего ты сделал для парка. Когда я рассказал мистеру Истербруку о своих планах, он дал отмашку.

— Вы ему позвонили?

— Конечно.

— А этот фокус с розами... Как вы это проделали?

Фред скромно потупился, сдул с лацкана невидимую пылинку, одернул рукав.

— Фокусник никогда не раскрывает свои секреты. Или ты этого не знаешь?

— У «Братьев Блиц» вы доставали кроликов из шляпы?

— Нет, сэр, ничего подобного. У Блицев я управлял аттракционами да подметал мидвей. И несколько раз садился за руль грузовика, не имея соответствующего удостоверения, когда возникала необходимость под покровом ночи быстро смыться из какого-нибудь захолустного городка.

— Тогда где же вы научились фокусам?

Фред потянулся к моему уху, вытащил из-за него серебряный доллар, бросил мне на колени.

— Тут и там, месье и мадам. Лучше надави на педаль, Джонси. Они уже далеко впереди.

С Небесной станции, которой заканчивался Гондольный спуск, мы отправились к карусели, где нас уже ждал Лейн Харди. Он расстался с фуражкой машиниста и вновь водрузил на голову котелок. Парковые громкоговорители по-прежнему гремели рок-н-роллом, но под широким конусообразным куполом аттракциона, известного на Языке как «прядильная машина», рок заглушала калииопа, игравшая «Велосипед для двоих». Конечно, современную запись, но песня оставалась милой и старомодной.

Прежде чем Майк поднялся на карусельный круг, Фред опустил перед мальчиком на колено и строго посмотрел на него.

— Ты не можешь кататься на прядильной машине без фирменной бейсболки нашего парка. Мы называем их песболками. У тебя есть такая?

— Нет, — ответил Майк. Он по-прежнему не кашлял, но под глазами у него начали формироваться темные мешки. И не считая восторженного румянца на щеках, его кожа была белой как мел. — Я не знал, что мне нужна...

Фред снял свой головной убор, заглянул внутрь и продемонстрировал нам: пусто, как и полагается. Потом снова заглянул в цилиндр и просиял.

— Ага! — Он вытащил из него новенькую песболку с изображением Хоуи и надел на голову Майка. — Идеально! А теперь скажи, на каком звере ты хочешь покататься? На лошади? Единороге? Русалке Марве? Льве Лео?

— Да, на льве, пожалуйста! — воскликнул Майк. — Мама, ты поедешь на тигре рядом со мной!

— Будь уверен, — ответила она. — Всегда хотела проехаться верхом на тигре.

— Эй, чемпион! — крикнул Лейн. — Дай помогу запрыгнуть в вагон.

А пока он помогал, Энни, понизив голос, обратилась к Фреду:

— Только недолго, хорошо? Это потрясающе, он никогда не забудет, но...

— Он уже устал, — кивнул Фред. — Понимаю.

Энни уселась на оскалившего зубы зеленоглазого тигра рядом со львом Майка. Майло занял место между ними, улыбаясь широкой собачьей улыбкой. Как только карусель завертелась, «Велосипед для двоих» уступил место «Рэгу Двенадцатой улицы». Фред положил руку мне на плечо.

— Думаю, ты захочешь встретить нас у «Колеса» — это будет его последний аттракцион, — но сначала тебе надо заглянуть в костюмерную. И поторопись.

Я уже хотел спросить, о чем он, потом сам все понял и направился к заднему двору. И да, мне пришлось поторопиться.

Утром того октябрьского вторника 1973 года я в последний раз влез в шкуру. Сделал я это в костюмерной и воспользовался Под-страной, чтобы добраться до мидвея, разогнав электрокар до максимальной скорости. Голова Хоуи стучалась о мое плечо. На поверхность я вышел за павильоном Мадам Фортуны — и едва успел. Лейн, Энни и Майк приближались ко мне по авеню Радости. Лейн катил кресло Майка. Никто из них меня не заметил: когда я осторожно выглянул из-за угла павильона, они, запрокинув головы, смотрели на «Каролинское колесо». Фред, однако, смотрел в мою сторону, и я поднял лапу. Он кивнул. Повернулся и вскинул руку, дав отмашку какому-то человеку, который наблюдал за происходящим из небольшой радиобудки на крыше бюро обслуживания посетителей. Несколько секунд спустя из громкоговорителей полилась Хоуи-музыка. Сначала «Гончая» в исполнении Элвиса Пресли.

Я выскочил из укрытия и пустился в Хоуи-пляс, неуклюжую пародию на степ. У Майка отвисла челюсть. Энни прижала руки к вискам, словно ее голову пронзила дикая боль, потом начала смеяться. Думаю, за этим последовало одно из моих лучших представлений. Я скакал и прыгал вокруг кресла Майка, не замечая, что Майло проделывает то же самое, только в другом направлении. «Гончая» сменилась «Прогулкой с собакой» в исполнении «Роллинг стоунз». Я порадовался, что это короткая песня, потому что и не подозревал, насколько вышел из формы.

В завершение я широко раскинул лапы и крикнул:
— *Майк! Майк! Майк!*

Впервые Хоуи заговорил, и в свое оправдание я могу сказать только одно: крики эти весьма напоминали лай.

Майк поднялся с инвалидного кресла, протянул ко мне руки и упал вперед. Он знал, что я его поймаю. Дети вполтину его младше обнимали Хоуи все лето, но именно объятие Майка вызвало у меня самые теплые чувства. Я только жалел, что не могу прижать его к себе, как прижимал Холли Стэнсфилд, и изгнать болезнь, как вышиб из Холли застрявший в горле кусок хот-дога.

— Ты действительно хороший Хоуи, Дев, — прошептал Майк, уткнувшись лицом в мех.

Я погладил его лапой по голове, сбив песболку. Не стал отвечать — я и так уже переступил черту, пролаяв его имя, — но подумал: *Хороший мальчик заслуживает хорошую собаку. Спросите Майло.*

Майк поднял голову, чтобы встретиться взглядом с синими глазами Хоуи.

— Ты прокатишься с нами на подъемке?

Я энергично кивнул и вновь погладил его по голове. Лейн поднял упавшую песболку Майка и вернул на место.

Подошла Энни. Она скромно сцепила руки на талии, но ее глаза весело сверкали.

— Позвольте расстегнуть вам молнию, мистер Хоуи?

Я бы не возражал, но, увы, никак не мог этого допустить. У каждого шоу свои правила, и одно из правил «Страны радости» — неукоснительное и твердое — состояло в том, что Хоуи, Счастливый пес, на людях оставался исключительно Хоуи, Счастливым псом. Никто не снимал шкуру там, где его могли увидеть кролики.

Я вновь нырнул в Под-страну, оставил шкуру на электрокаре и присоединился к Энни и Майку на пандусе, который вел к «Каролинскому колесу». Энни нервно посмотрела вверх и спросила:

— Ты действительно хочешь прокатиться на нем, Майк?

— Да! На нем больше всего!

— Что ж, хорошо. — Она повернулась ко мне и добавила: — Я не боюсь высоты, но восторга она у меня не вызывает.

Лейн уже держал открытой дверцу кабинки.

— Заходите, друзья. Я отправлю вас туда, где воздух разрежен. — Он наклонился и потрепал уши Майло. — Ты, приятель, остаешься здесь.

Я сел в глубине, у каркаса, Энни расположилась посередине, а Майк — с краю, откуда открывался наилучший вид. Лейн опустил поручень безопасности, вернулся к пульта управления, передвинул котелок.

— Вас ждут чудеса! — крикнул он, и мы двинулись вверх, поднимаясь с неспешной чинностью торжественной процессии. Мир под нами медленно расширялся: сначала только парк, потом яркий кобальт океана по правую руку и равнина Северной Каролины по левую. Когда кабинка достигла высшей точки, Майк отпустил поручень, вскинул руки над головой и прокричал:

— *Мы летим!*

Рука легла на мое бедро. Энни. Я посмотрел на нее, и она одними губами произнесла два слова: *Спасибо тебе*. Я не знаю, сколько мы отмотали кругов — думаю, больше, чем полагалось при обычной поездке, но полной уверенности у меня нет. Что я помню лучше всего, так это лицо Майка, бледное и восторженное, и руку

Энни на моем бедре, которое под ней просто горело. Она не убирала ее, пока колесо не замедлило ход.

Майк повернулся ко мне:

— Теперь я знаю, что чувствует мой воздушный змей.

Я чувствовал то же самое.

Когда Энни сказала Майку, что на сегодня достаточно, мальчик не возражал. Он совершенно выдохся. После того как Лейн помог ему сесть в кресло, Майк протянул руку ладонью вверх:

— Шлепни пятерней, если ты живой.

Улыбаясь, Лейн шлепнул его по ладони.

— Приезжай еще, Майк.

— Спасибо. Было здорово!

Мы с Лейном вывезли кресло на мидвей. Киоски и лотки уже закрылись, но один павильон еще работал. «Тир Энни Оукли». За стойкой, там, где все лето стоял Папаня Аллен, теперь расположился Фред Дин в костюме-тройке. Позади него кролики и утки ползли в противоположных друг другу направлениях. А над ними выстроились в ряд ярко-желтые керамические цыплята. Неподвижные, но очень маленькие.

— Хотите напоследок попрактиковаться в стрельбе? — спросил Фред. — Сегодня проигравших не будет. Все получают призы.

Майк посмотрел на Энни.

— Можно, мама?

— Конечно, дорогой, только недолго.

Он попытался вылезти из кресла, но не смог. Слишком устал. Мы с Лейном подняли его, поддерживая с двух сторон. Майк взял винтовку и пару раз выстрелил, но руки у него дрожали, хотя винтовка была нетяжелой.

Дробинки попали в брезентовый задник и упали в канавку на полу.

— Похоже, я промазал. — Майк положил винтовку.

— Да уж, с точностью у тебя сегодня не очень, — признал Фред, — но, как я и говорил, нынче каждый получает приз. — С этими словами он снял с полки самого большого Хоуи, главный трофей, который даже самые меткие стрелки не могли выиграть, не потратив восемь или девять баксов за перезарядку.

Майк поблагодарил его и сел, похоже, потрясенный до глубины души. Чертова плюшевая собака размерами почти не уступала ему самому.

— Твоя очередь, мама.

— Нет, это ни к чему, — ответила она, но я подумал, что ей этого хочется. Желание читалось в ее глазах, когда она измеряла взглядом расстояние от стойки до мишеней.

— Можно? — Майк посмотрел сначала на меня, потом на Лейна. — Она действительно хорошо стреляет. До моего рождения выиграла турнир по стрельбе из положения лежа в лагере Перри и дважды занимала второе место. Лагерь Перри в Огайо.

— Я не...

Лейн уже протягивал ей одну из модифицированных винтовок двадцать второго калибра.

— Идите сюда, Энни. Давайте поглядим, какая вы Оукли.

Она взяла винтовку. Чувствовалось, что с оружием она на ты, в отличие от большинства кроликов.

— Сколько?

— Десять в обойме, — ответил Фред.

— Если я соглашусь, могу я отстрелять две обоймы?

— Сколько захотите, мэм. Сегодня ваш день.

— Мама также стреляла с дедушкой по тарелочкам, — сообщил Майк.

Энни подняла винтовку и десять раз нажала спусковой крючок, с паузой между выстрелами около двух секунд. Сшибла двух уток и трех кроликов. Керамических цыплят проигнорировала.

— Суперстрелок! — воскликнул Фред. — Любой приз со средней полки на ваш выбор.

Она улыбнулась.

— Пятьдесят процентов попаданий — это не супер. Мой отец сгорел бы от стыда. Хочу попробовать еще раз, если не возражаете.

Фред достал из-под стойки бумажный конус — на Языке, слезу охотника, — вставил вершину в отверстие в винтовке. Послышался перестук дробинки.

— Прицел не сбит? — спросила она Фреда.

— Нет, мэм. В «Стране радости» все по-честному. Но я солгу, если скажу, что Папаня Аллен — человек, который обычно заведует этим аттракционом, — долгие часы пристреливал эти винтовки.

Проработав в команде Папани, я знал, что это предположение, мягко говоря, не имело под собой оснований. Ему бы и в голову не пришло пристреливать винтовки. Чем лучше стреляли лохи, тем больше призов приходилось отдавать Папане... а призы он покупал сам. Как и все распорядители аттракционов. Конечно, призы были грошовые... но за них все равно приходилось платить.

— Целиться левее и выше, — сказала Энни скорее себе, чем нам. Вновь подняла винтовку, уперла в ложбинку правого плеча. На этот раз она стреляла практически без пауз, но не по уткам и кроликам. Целилась в керамических цыплят и разбила восемь.

Когда она положила винтовку на стойку, Лейн воспользовался банданой, чтобы вытереть пот и грязь с загривка. Покончив с этим, мягко произнес:

— Иисусе-наш-Христос. Никто не вышибает восемь цыпок.

— Последнего я только зацепила, и с такого расстояния мне следовало разбить всех. — Она не хвалилась, просто озвучивала факты.

— Я же говорил вам, что стрелять она умеет. — В голосе Майка слышались почти извиняющиеся нотки. Он приложил кулак ко рту, кашлянул. — Она думала об Олимпийских играх, только потом бросила колледж.

— Вы действительно Энни Оукли. — Лейн засунул бандану в задний карман. — Любой приз, милая дама. На ваш выбор.

— Свой приз я уже получила, — ответила она. — Этот чудесный, чудесный день. Я никогда не смогу должным образом вас отблагодарить. — Она повернулась ко мне. — И этого парня тоже. Он чуть не силой заставил меня согласиться. Потому что я дура. — Она поцеловала Майка в макушку. — Но теперь, думаю, моему мальчику пора домой. Где Майло?

Мы осмотрелись и увидели, что он сидит на авеню Радости, достаточно далеко от нас, перед «Домом ужасов». Его хвост обвивал задние лапы.

— Майло, ко мне! — позвала Энни.

Майло наострил уши, но не пошевелился. Даже не повернул головы. Он по-прежнему смотрел на фасад единственного темного аттракциона «Страны радости». И я почти верил, что он читает сочащееся зелеными каплями, затянутое паутиной приглашение: «ВОЙДИ, ЕСЛИ ПОСМЕЕШЬ».

Пока Энни смотрела на Майло, я бросил взгляд на Майка. И хотя он совершенно вымотался после столь

богатого событиями дня, выражение его лица не вызывало сомнений. На нем читалась удовлетворенность. Я понимал, насколько безумно предположение о том, что они вместе с псом разработали этот план заранее... но именно так я и думал.

До сих пор думаю.

— Подкати меня туда, мама, — попросил Майк. — Он пойдет со мной.

— В этом нет необходимости, — вмешался Лейн. — Если есть поводок, я с радостью за ним схожу.

— Он в кармане на спинке кресла Майка, — ответила Энни.

— Э... э-э-э, вряд ли, — возразил Майк. — Ты можешь проверить, но, по-моему, я забыл его взять.

Пока Энни проверяла, я подумал: *Ни фига ты не забыл.*

— Ох, Майк! — В голосе Энни слышался упрек. — Твоя собака, ты за нее и отвечаешь. Сколько раз я тебе это говорила?

— Извини, мама. — И он повернулся к Фреду и Лейну. — Мы им практически не пользуемся, потому что Майло *всегда* приходит.

— За исключением тех случаев, когда он нам нужен. — Энни рупором приложила руки ко рту. — Майло, ко мне! Пора домой! — И сладким голосом: — Печенье, Майло. Иди сюда и получишь печенье!

Я бы прибежал на ее зов — возможно, высунув язык, — но Майло даже не шевельнулся.

— Поехали, Дев, — обратился ко мне Майк, словно я тоже являлся частью плана, но позабыл свою роль. Я взялся за рукоятки инвалидного кресла и покатил Майка по авеню Радости к «Дому ужасов». Энни последовала за нами. Фред и Лейн остались в тире, последний — привалившись к стойке, на которой лежали за-

крепленные цепочками винтовки. Он снял котелок и теперь вертел его на одном пальце.

Когда мы подошли к псу, Энни напустилась на него:

— Что с тобой, Майло?

Майло стукнул хвостом по земле, но на Энни не посмотрел. Не шевельнулся. Стоял на посту и намеревался оставаться на нем, пока его не уташат.

— Майкл, *пожалуйста*, заставь свою собаку стронуться с места, чтобы мы могли поехать домой. Тебе нужно немного отд...

Прежде чем она закончила, произошли два события. Насчет точной последовательности я не уверен. За прошедшие годы я часто их вспоминал — обычно по ночам, когда не мог уснуть, — но по-прежнему сомневаюсь. Думаю, сначала раздалось гроыхание — перестук колес покотившегося вагончика. Но, возможно, сначала я услышал удар падающего висячего замка. Вполне вероятно, все это произошло одновременно.

Большой «американский мастер» упал с двустворчатых ворот под декоративным фасадом «Дома ужасов» и застыл на досках, сверкая в лучах октябрьского солнца. Фред Дин потом говорил, что, наверное, дужка не до конца вошла в запорный механизм, и вибрации приближающегося вагончика привели к тому, что она вышла из зацепления. Логично, между прочим: проверяя замок, я обнаружил, что он открылся.

Только это чушь собачья.

Я помню, как сам вешал замок и слышал характерный щелчок, свидетельствующий о том, что дужка встала на место. Я даже помню, как подергал его, чтобы убедиться, что он не откроется сам по себе. Но ведь еще остается вопрос, на который Фред даже не *пытался* ответить: каким образом вагончик мог тронуться с мес-

та при выключенных автоматах «Дома ужасов»? А на счет того, что случилось потом...

Поездка по «Дому ужасов» заканчивалась следующим образом. На дальнем конце Камеры пыток, когда ты думал, что все закончилось, и расслаблялся, на тебя летел Кричащий скелет (прозванный новичками Хагаром Ужасным) с твердым намерением врезаться в твой вагончик. А едва скелет уносило в сторону, ты видел впереди каменную стену. Ее украшал зеленый флуоресцирующий разлагающийся зомби и могильный камень с надписью «КОНЕЦ ПУТИ». Разумеется, каменная стена в последний момент раздвигалась, но этот двойной удар по нервам приносил желаемый результат: когда вагончики выезжали на улицу, описывая полукруг перед тем, как проехать еще одни двустворчатые ворота и остановиться у платформы, даже взрослые мужчины частенько орали в голос. Эти финальные крики (всегда сопровождавшиеся воплями «ох-дерьмо-ну-вы-даете» и диким смехом) служили лучшей рекламой «Дому ужасов».

В этот день обошлось без криков. Естественно, ведь когда створки ворот разошлись, из них выкатился пустой вагончик. Проехал полукруг, легонько ткнулся во вторые ворота и остановился.

— *Хорошо*, — прошептал Майк так тихо, что я едва его расслышал, а Энни не расслышала вовсе, потому что во все глаза смотрела на вагончик. Мальчишка улыбался.

— Как это могло произойти? — спросила Энни.

— Не знаю, — честно ответил я. — Может, короткое замыкание. А может, скачок напряжения. — Оба эти объяснения звучали убедительно, если не знать об отключенном электричестве.

Я поднялся на мысочки и заглянул в вагончик. Прежде всего обратил внимание, что поручень безопасности

поднят. Если Эдди Паркс или кто-то из его новичков-помощников забывал опустить поручень, он автоматически опускался сам, как только вагончик трогался с места. Такое условие предписывалось комиссией штата Северная Каролина, контролирующей парки развлечений. Тем не менее поднятый поручень не противоречил здравому смыслу: как он мог опуститься, если все аттракционы парка были обесточены, за исключением тех, что ради Майка вернули к жизни Лейн и Фред?

И еще я заметил кое-что под полукруглым сиденьем, такое же реальное, как подаренные Фредом Энни розы, только не красное.

На полу лежала синяя лента Алисы.

Мы направились к «универсалу». Майло, вновь само послушание, трусил рядом с инвалидным креслом Майка.

— Я вернусь, как только отвезу их домой, — пообещал я Фреду. — Отработаю пропущенные часы.

Он покачал головой.

— На сегодня ты уволен. Ложись спать пораньше, а завтра приходи в шесть утра. Возьми с собой пару лишних сэндвичей, потому что работать придется допоздна. Похоже, шторм приближается быстрее, чем прогнозировали синоптики.

На лице Энни отразилась тревога.

— Может, мне собрать вещи и отвезти Майка в город, как думаете? Мне бы не хотелось этого делать, когда он такой усталый, но...

— Послушайте вечером радио, — посоветовал Фред. — Если последует приказ НАОА* об эвакуации побережья,

* НАОА — Национальная администрация по океану и атмосфере.

времени у вас хватит, но я не думаю, что это произойдет. Похоже, нас может только потрепать. Просто я немного волнуюсь из-за высоких аттракционов, «Шаровой молнии», «Трясуна» и «Колеса».

— Ничего с ними не случится, — уверенно заявил Лейн. — В прошлом году они выдержали «Агнес», а это был настоящий ураган.

— У этого урагана уже есть имя? — спросил Майк.

— Его называют «Гильда», — ответил Лейн. — Но это не ураган, всего лишь обычный тропический шторм.

— По прогнозу ветер начнет набирать силу около полуночи, — добавил Фред, — а еще через час-два пойдет сильный дождь. Лейн скорее всего прав насчет высоких аттракционов, но день все равно будет трудным. У тебя есть дождевик, Дев?

— Конечно.

— Лучше захвати его с собой.

Прогноз погоды мы слышали на волне радиостанции Дабл-ю-кей-эл-эм после отъезда из парка, и Энни чуть успокоилась. Ожидалось, что скорость ветра, поднятого «Гильдой», не превысит тридцати миль в час, более сильные порывы ожидалась лишь изредка. То есть все сводилось к высоким волнам и незначительному затоплению берега. Ничего больше. Диджей даже пошутил, что это «отличная погода для запуска воздушных змеев», и мы все дружно рассмеялись. Мы ведь кое-что знали о воздушных змеях, и впечатления от них у нас остались самые приятные.

Когда мы подъехали к большому зеленому особняку на Бич-роу, Майк буквально засыпал. Я усадил его в инвалидное кресло. Напрягаться мне не пришлось: за последние месяцы я накачал мышцы, а без этих ужас-

ных подпорок он весил меньше семидесяти фунтов. Майло составил мне компанию, когда я закатывал кресло по пандусу в дом.

Майк захотел в туалет, но когда Энни взялась за рукоятки кресла, попросил, чтобы в ванную его отвез я. Понятное дело, я выполнил просьбу, помог ему подняться, стянул вниз брюки на эластичном поясе, пока мальчик держался за поручни.

— Терпеть не могу, когда она помогает мне. Чувствую себя малышом.

Тем не менее отлил он с энергией здорового подростка. Потом наклонился вперед, чтобы нажать ручку спуска воды, покачнулся и чуть не упал головой в унитаз. Мне пришлось его ловить.

— Спасибо, Дев. Утром я уже вымыл голову. — Его шутка вызвала у меня смех. Майк улыбнулся. — Жаль, что не будет урагана. Классное зрелище.

— Возможно, ты бы так не думал, если бы попал в него. — Я вспомнил ураган «Дорию». Двумя годами ранее он обрушился на Нью-Хэмпшир и Мэн со скоростью девяносто миль в час, с корнем вырывая деревья в Портсмуте, Киттери, Сэнфорде и Бервике. Большая старая сосна на самую малость разминулась с нашим домом, подвал залило водой, а электричества не было четыре дня.

— Я точно не хочу, чтобы в парке что-нибудь было мало. Это лучшее место на земле. Во всяком случае, из тех, где мне довелось побывать.

— Хорошо. Держись крепче, малыш, я надену на тебя штаны. Незачем показывать матери голый зад.

Моя последняя фраза вызвала у него смех, который перешел в кашель. Энни приняла у меня эстафету, как только мы покинули ванную, и покатила сына по коридору в спальню.

— Только не вздумай удрать, Девин! — крикнула она через плечо.

Поскольку с работы меня отпустили на весь день, удирать я не собирался. Покружил по гостиной, разглядывая вещи, вероятно, дорогие, но не представляющие интереса для молодого человека двадцати одного года от роду. Огромное панорамное окно заливало комнату светом; без него гостиная выглядела бы весьма мрачной. Оно выходило на задний дворик, дорожку и океан. Я видел первые облака, появившиеся на юго-востоке, но небо над головой оставалось ярко-синим. Помнится, подумал, что все-таки попал в этот дом, хотя едва ли мне представится шанс пересчитать все ванны. Подумал о ленте Алисы и задался вопросом, увидит ли ее Лейн, когда будет возвращать сбежавший вагончик под крышу. О чем еще я думал? О том, что в конце концов увидел призрака. Просто не человеческого.

Энни вернулась.

— Он хочет повидаться с тобой, только не задерживайся.

— Хорошо.

— Третья дверь справа.

Я прошел по коридору, тихонько постучал, переступил порог. Если не обращать внимания на поручни, кислородные подушки в углу и уродливые ортезы, стоявшие навывтяжку у кровати, это была обычная мальчишечья комната. Да, ни бейсбольной перчатки, ни скейтборда, зато стены украшали плакаты с Марком Спитцем и Ларри Ксонкой, защитником «Майамских дельфинов». На почетном месте — над кроватью — «Битлз» переходили Эбби-роуд.

В комнате стоял слабый запах какой-то мази. В постели Майк выглядел совсем маленьким, незаметным под зеленым одеялом. Майло лежал рядом, свернув-

шись колечком, носом к хвосту, и Майк рассеянно поглаживал его. Просто не верилось, что этот самый мальчик торжествующе вскидывал руки в высшей точке «Каролинского колеса». Но грустным Майк не выглядел — наоборот, он сиял.

— Ты ее видел, Дев? Ты видел ее, когда она уходила?

Я с улыбкой покачал головой. Я завидовал Тому, но не Майку. Майку — никогда.

— Хотелось бы, чтобы дедушка был с нами. Он бы тоже увидел ее и услышал, что она сказала, когда уходила.

— *Что* она сказала?

— Поблагодарила. Нас обоих. И посоветовала тебе быть осторожным. Ты уверен, что не слышал ее? Ничего-ничего?

Я вновь покачал головой. Потому что ничего-ничего не слышал.

— Но ты *знаешь*. — На его лице, очень бледном и усталом лице тяжелобольного ребенка, живыми и здоровыми оставались только глаза. — Ты *знаешь*, да?

— Да, — ответил я, думая о ленте Алисы. — Майк, тебе известно, что с ней случилось?

— Кто-то ее убил. — Говорил он очень тихо.

— Не думаю, что она сказала тебе...

Фразу я не закончил. Он уже качал головой.

— Тебе надо поспать.

— Да. Когда проснусь, буду лучше себя чувствовать. Так у меня всегда. — Его глаза закрылись. Медленно открылись вновь. — Колесо было самым лучшим. Подъемка. Я словно летел.

— Да, — согласился я. — Так и было.

На этот раз, опустившись, его веки не поднялись. Я как мог тихо направился к двери. Когда взялся за ручку, услышал:

— Будь осторожен, Дев. Это не белое.

Я оглянулся. Он спал. Я уверен, что спал. Только Майло наблюдал за мной. Я вышел, мягко притворив за собой дверь.

Энни я нашел на кухне.

— Я варю кофе, но, может, ты хочешь пива? У меня есть «Блу риббон».

— Кофе достаточно.

— И что ты думаешь об этом месте?

Я решил сказать правду.

— Мебель, на мой вкус, старовата, но я никогда не учился на дизайнера интерьеров.

— Я тоже. Даже колледж не закончила.

— Мы с тобой в одной лодке.

— Но ты закончишь. Переживешь разрыв с девушкой, которая бросила тебя, и вернешься к учебе, и закончишь колледж, и широким шагом промаршируешь в блестящее будущее.

— Как ты узнала?..

— О девушке? Во-первых, на тебе рекламные щиты надеты, спереди и сзади, на которых все написано большими буквами. Во-вторых, Майк знает. Он мне говорил. Он стал *моим* блестящим будущим. Когда-то я собиралась защитить диплом по антропологии. Я собиралась выиграть золотую медаль на Олимпиаде. Я собиралась побывать в загадочных и сказочных местах и стать Маргарет Мид* моего поколения. Я собиралась писать книги и сделать все, чтобы оправдать любовь моего отца. Ты знаешь, кто он?

* Маргарет Мид (1901–1978) — американский антрополог.

— Хозяйка моего пансиона говорит, что он проповедник.

— Именно. Бадди Росс. Человек в белом костюме. Плюс роскошные седые волосы. Выглядит, как поставивший «мужчина от “Глэда”» в рекламных роликах. Своя мегацерковь. Постоянно на радио. Теперь — телевидение. Вне сцены он говнюк, на котором пробу поставить негде. — Она налила две чашки кофе. — Но подобное можно сказать о любом из нас, правда? Я так думаю.

— Похоже, тебе есть о чем жалеть. — Наверное, это прозвучало невежливо, но мы уже могли говорить откровенно. Во всяком случае, я так полагал.

Она принесла чашки и села напротив меня.

— Как поется в песне, действительно есть. Но Майк — удивительный ребенок, и надо отдать отцу должное, он поддерживает нас финансово, так что я могу проводить с Майком все свое время. Мое мнение таково: любовь, подкрепленная чековой книжкой, лучше, чем полное отсутствие любви. Сегодня я приняла решение. Думаю, когда ты надел этот глупый костюм и исполнял не менее глупый танец. Когда я увидела, как смеется Майк.

— Расскажи.

— Я решила дать отцу то, что он хочет. Пригласить его в жизнь моего сына, пока не поздно. Он, конечно, говорил ужасные вещи, заявляя, что Бог наслал на Майка мышечную дистрофию, чтобы покарать меня за мои предполагаемые грехи, но я готова это забыть. Если я жду извинений, то ждать мне придется очень долго... поскольку сердцем папа по-прежнему верит, что так оно и есть.

— Я сожалею.

Она пожала плечами, словно это не имело значения.

— Я ошибалась, не позволяя Майку поехать в «Страну радости», и ошибалась, держась за старые обиды и настаивая на каком-то гребаном зубе за зуб. Мой сын — не товар в лавке. Как думаешь, Дев, в тридцать один год уже поздно взрослеть?

— Спроси, когда я доживу до этих лет.

Она рассмеялась.

— Туше. Извини, я на минутку.

На самом деле прошло почти пять. Я сидел за столом, маленькими глотками пил кофе. Она вошла, держа свитер в правой руке. Живот у нее был загорелый, а светло-синий бюстгальтер по цвету гармонировал с джинсами.

— Майк крепко спит, — сообщила она. — Хочешь подняться со мной наверх, Девин?

Ее спальня была большой, но пустой, словно за месяцы, проведенные здесь, она так и не распаковала вещи. Энни повернулась ко мне и обвила руками мою шею. Посмотрела на меня широко распахнутыми и очень спокойными глазами. Тень улыбки тронула уголки ее рта, создав маленькие ямочки.

— «Готова спорить, ты способен на большее, если дать тебе хотя бы полшанса». Помнишь мои слова?

— Да.

— Так я выиграю этот спор?

Рот Энни был сладким и влажным. Я ощутил вкус ее дыхания.

Она отстранилась.

— У нас будет только один раз. Ты должен понять. Я не хотел, но понял.

— Если только это не... ты понимаешь...

Она уже улыбалась по-настоящему, почти смеялась. Я видел не только ямочки, но и зубы.

— Если только это не благодарственный перепихон? Нет, поверь мне. Последний раз, когда у меня был такой мальчик, как ты, я сама была девчонкой. — Она взяла мою правую руку и положила на шелковую чашку, прикрывающую левую грудь. Я почувствовал приглушенные, но сильные удары сердца. — Должно быть, я рассталась не со всеми установками моего папули, потому что ощущаю себя восхитительно порочной.

Мы поцеловались снова. Ее руки спустились к моему ремню и расстегнули пряжку. Расстегиваясь, мягко закрипела молния, потом ее ладонь скользнула по крепкому стволу под трусами. Я ахнул.

— Дев?

— Что?

— Ты когда-нибудь это делал? Только не смей мне врать.

— Нет.

— Она была идиоткой? Эта твоя девушка?

— Похоже, мы оба были идиотами.

Она улыбнулась, сунула холодную руку мне в трусы, сжала мой член. Эта хватка, вкупе с поглаживанием большим пальцем, показала мне, какими жалкими были потуги Уэнди доставить удовольствие своему бойфренду.

— Так ты девственник.

— Виновен по всем пунктам.

— Хорошо.

Одним разом дело не ограничилось, и в этом мне повезло, потому что первый раз длился от силы восемь секунд. Может, девять. Я попал внутрь, это мне удалось, но потом все выплеснулось. Возможно, однажды я опозорился еще сильнее — когда пустил голубка, принимая

причастие в лагере юных методистов... но скорее всего это не так.

— Господи, — выдохнул я и закрыл глаза рукой.

Она рассмеялась, но не презрительно.

— Странное дело, но я даже польщена. Попробуй расслабиться. Я схожу вниз, чтобы еще разок взглянуть на Майка. Не могу допустить, чтобы он застукал меня в кровати с Хоуи, Счастливым псом.

— Очень смешно. — Думаю, покрасней я еще сильнее, у меня вспыхнули бы волосы.

— Я уверена, к моменту моего возвращения ты будешь готов. И только потому, что тебе уже двадцать один, Дев. Будь тебе семнадцать, у тебя бы уже все стояло.

Она вернулась с двумя бутылками газировки в ведерке со льдом, но когда скинула халат и предстала передо мной обнаженной, я и думать забыл о коле. Второй раз получилось гораздо лучше: думаю, я продержался минуты четыре. Потом она начала тихонько вскрикивать, и я кончил. От души.

Мы подремали, Энни положила голову в ложбинку моего плеча.

— Все хорошо? — спросила она.

— Так хорошо, что не могу в это поверить.

Я не видел ее улыбки, но почувствовал ее.

— После стольких лет эту спальню наконец-то использовали не только для сна.

— Твой отец когда-нибудь жил в этом доме?

— В последние годы — нет, да и я начала приезжать только потому, что Майку тут нравится. Иногда я готова смириться с тем, что Майку суждено умереть, но по большей части не приемлю этого. Отказываюсь верить.

Закрываю сама с собой какие-то сделки. «Если я не позволю ему поехать в «Страну радости», он не умрет. Если я не помирюсь с отцом и не позволю ему встречаться с внуком, он не умрет. Если мы просто останемся здесь, он не умрет». Пару недель назад, когда мне впервые пришлось заставить его надеть пальто, прежде чем пойти на пляж, я заплакала. Он спросил, что не так, и я ответила, что у меня месячные. Он знает, что это такое.

Я вспомнил, как Майк сказал ей на автостоянке у больницы: «Это не обязательно будет последний хороший день». Но рано или поздно этот день все равно бы наступил. Так случается с каждым из нас.

Она села, натянула на себя простыню.

— Помнишь, я говорила, что Майк стал моим будущим? Моей блестящей карьерой?

— Да.

— Не думаю, что у меня будет какая-то другая. После Майкла останется... пустота. Кто сказал, что жизнь американца — пьеса, в которой не бывает второго акта*?

Я взял ее за руку.

— Не тревожься о втором акте, пока не закончился первый.

Она высвободила руку и погладила меня по лицу.

— Ты молодой, но не совсем глупый.

Хорошо сказано, однако я все равно чувствовал себя глупым. Во-первых, из-за Уэнди, но не только. Я обнаружил, что мои мысли возвращаются к этим чертовым фотографиям в папке Эрин. Что-то на них...

Она легла. Простыня соскользнула с ее груди, и я вновь почувствовал шевеление между ног. Действительно, иногда быть двадцатиоднолетним — *чертовски* здорово.

* Слова принадлежат Ф.С. Фицджеральду.

— Мне так понравилось в тире. Я и забыла, до чего это приятно, целиться и стрелять. Впервые отец дал мне винтовку, когда мне было шесть лет. Маленькую, однозарядную, двадцать второго калибра. И я влюбилась в стрельбу.

— Правда?

Она улыбалась.

— Да. Это нас связывало. Крепко-крепко. Больше ничего общего у нас не нашлось. — Она приподнялась на локте. — Это дерьмо насчет адского огня и серы он продавал чуть ли не с подросткового возраста, и не только потому, что зарабатывал на этом деньги. Родители пичкали его церковными псалмами по три раза на дню, и я не сомневаюсь, он верит в каждое слово. Но знаешь что? Он по-прежнему сначала южанин, а уже потом проповедник. Его пикап изготовлен на заказ и стоит пятьдесят тысяч долларов — но от этого он не перестал быть пикапом. Он по-прежнему ест бисквиты с подливой в «Шоунис». Эталон юмора для него — Минни Перл и Джуниор Сэмплс. Он любит песни об изменах и борделях. И любит свои винтовки. Меня не волнует, каким Иисусом он торгует, и я не испытываю ни малейшего желания стать владелицей пикапа, но оружие... любовь к нему он передал своей единственной дочери. Я стреляю, и у меня улучшается настроение. Дерьмовая наследственность, правда?

Я ничего не сказал, только поднялся с кровати, открыл колу, одну бутылку дал Энни.

— У него, наверное, полсотни винтовок и ружей в его доме в Саванне, многие очень дорогие, антикварные, и еще с полдесятка здесь, в сейфе. У меня две винтовки в моем доме в Чикаго, хотя по мишени я не стреляла уже два года. Если Майк умрет... — Она при-

жала бутылку с колой ко лбу, словно хотела унять головную боль. — *Когда Майк умрет, я первым делом избавлюсь от них, чтобы не вводили в искушение.*

— Майк не хотел бы...

— Разумеется, не хотел бы, я это знаю, но дело не только в нем. Если бы я могла поверить — как мой святоша-отец, — что после смерти встречу Майка у золотых ворот! Но я не могу. Я изо всех сил пыталась в это поверить маленькой девочкой, но не получилось. Бог и рай продержались на четыре года дольше Зубной феи, но потом я перестала в них верить. Я думаю, что там только тьма: ни мыслей, ни воспоминаний, ни любви. Просто тьма. Забвение. Поэтому мне так трудно принять то, что с ним происходит.

— Майк знает, что там есть нечто большее, чем забвение.

— Да? Почему? Почему ты так думаешь?

Потому что она там была. Он ее видел и видел, как она уходила. Потому что она сказала: «Спасибо вам». И я знаю, потому что видел ленту Алисы, а Том видел Линду.

— Спроси его, — ответил я. — Но не сегодня.

Она поставила колу на столик и всмотрелась в меня. Улыбнулась, отчего в уголках ее рта снова появились ямочки.

— Второй раз ты получил. Не думаю, что тебе интересен третий?

Я поставил свою колу на пол у кровати.

— Раз уж об этом зашла речь...

Она протянула ко мне руки.

Первый раз обернулся позором. Второй был неплох. Третий... что ж, третий раз — волшебный.

Я ждал в гостиной, пока Энни одевалась. Вниз она спустилась в джинсах и свитере. Я подумал о синем бюстгальтере под свитером — и, будь я проклят, между ног снова что-то зашевелилось.

— Все хорошо? — спросила она.

— Да, но я бы хотел, чтобы было еще лучше.

— Я тоже, но это все, на что мы можем рассчитывать. Если я нравлюсь тебе так же, как ты нравишься мне, ты с этим смиришься. Да?

— Да.

— Вот и славно.

— Как долго вы с Майком пробудете здесь?

— Если этот дом сегодня не унесет ветром?

— Его не унесет.

— Неделю. Майку надо пройти комплексное обследование в Чикаго, которое начнется семнадцатого числа, а я хочу приехать пораньше, чтобы обустроиться. — Она глубоко вздохнула. — И поговорить с его бабушкой о встрече. Необходимо установить какие-то рамки. Скажем, никакого Иисуса.

— Я увижу тебя до отъезда?

— Да. — Она обвила руками мою шею и поцеловала меня. Потом отступила на шаг. — Но не так, как сегодня. Иначе все слишком запутается. Я знаю, ты это понимаешь.

Я кивнул. Потому что понимал.

— А теперь иди, Дев. И спасибо тебе. Все было отлично. Самый лучший заезд мы приберегли напоследок, верно?

Она говорила правду. Не темный заезд, а светлый.

— Я бы хотел сделать больше. Для тебя. Для Майка.

— Я тоже, — кивнула она, — но не в этом мире. Приходи завтра к ужину, если погода позволит. Майк будет рад.

Она выглядела настоящей красавицей, босиком, в линялых джинсах. Мне хотелось обнять ее, взять на руки и унести в какое-нибудь безмятежное будущее.

Вместо этого я ушел. «Не в этом мире», — сказала она и попала в десятку.

Попала в десятку.

Примерно в сотне ярдов в сторону города, на материковой стороне двухполосной дороги, находилось некое подобие торгового центра, слишком маленькое, чтобы носить это гордое название: магазин деликатесов, салон-парикмахерская «Волосы смотрят на тебя»*, аптека, отделение «Южного трастового банка», ресторан «Ми каза», куда, без сомнения, заглядывали представители элиты Бич-роу. Направляясь к Хэвенс-Бэй и пансиону миссис Шоплоу, я даже не взглянул в ту сторону. Еще одно подтверждение того, что у меня не было дара, который делили Майк Росс и Роззи Голд.

«Ложись спать пораньше», — посоветовал мне Фред Дин, и я так и сделал. Лежал, закинув руки за голову, слушал шум прибоя, как и все прошедшее лето, вспоминал прикосновения ее рук, упругость груди, вкус губ. Больше всего думал о ее глазах, волосах, разметававшихся по подушке. Я любил ее не так, как Уэнди — подобная любовь, сильная и глупая, приходит раз в жизни, — но любил. И люблю до сих пор. За доброту, а еще больше — за терпение. Вероятно, некоторым молодым людям

* «Hair's looking at you» — чуть измененный культовый тост из фильма «Касабланка», «Here's looking at you, kid» («За то, чтобы смотреть на тебя, крошка»).

выпадает более удивительное посвящение в тайны секса, но никому и никогда не доставалось более сладкое.

В конце концов я заснул.

Меня разбудил постукивавший где-то внизу ставень. Я взял с ночного столика часы: без четверти час. Решил, что уснуть под этот стук уже не удастся, оделся, направился к двери, потом вернулся к стенному шкафу за дождевиком. Спустившись вниз, остановился. В большой спальне, отделенной от гостиной коридором, «пилила дрова» миссис Ш.: одна рулада сменяла другую. Стук ставня не тревожил ее покой.

Как выяснилось, дождевик мне не требовался, во всяком случае, пока, потому что дождя еще не было. Но поднявшийся ветер уже дул со скоростью около двадцати пяти миль в час. Низкий, устойчивый рокот прибоя сменился приглушенным грохотом. Я задался вопросом, а может, специалисты по погоде недооценили «Гильду», подумал об Энни и Майке в доме на берегу, и мне стало не по себе.

Я нашел болтавшийся ставень и закрепил его крючком. Вернулся в дом, поднялся на второй этаж, разделся, снова лег. Сон не шел. Ставень затих, но я ничего не мог поделать с ветром, завывавшим под карнизами (а при сильных порывах переходившим на визг). Не мог отключить мозг, который вновь заработал.

Это не белое, думал я. Фраза ничего для меня не значила — но *хотела* значить. Хотела перекинуть мостик к чему-то, что я видел в парке во время нашего сегодняшнего визита.

«Над тобой витает тень, молодой человек». Роззи Голд, в день нашей встречи. Я задался вопросом, как

долго она работала в «Стране радости» и где работала раньше. Она карни-от-карни? И какое это имело значение?

«У одного из детей есть дар. У кого именно, не знаю. Это от меня сокрыто».

Я знал. Майк видел Линду Грей. И освободил ее. Как говорят, показал ей дверь, которую она не могла найти сама. Иначе с чего Линде его благодарить?

Я закрыл глаза и увидел Фреда в тире, блистательного, в костюме-тройке и волшебном цилиндре. Увидел Лейна, протягивающего одну из прикованных к стойке винтовок.

Энни: «Сколько?»

Фред: «Десять в обойме. Сколько захотите, мэм. Сегодня ваш день».

Мои глаза широко раскрылись, потому что на меня одновременно обрушились несколько мыслей. Я сел, прислушиваясь к ветру и усиливавшимся ударам волн. Потом включил верхний свет и достал папку Эрин из ящика стола. С гулко колотящимся сердцем положил фотографии на стол. Отпечатки были отличные, а вот освещение — так себе. Я вновь оделся, убрал фотографии в папку, еще раз спустился вниз.

Лампа висела над столом, за которым мне надирали задницу в «Эрудит», и я знал, что она достаточно яркая. От коридора, ведущего к апартаментам миссис Ш., гостиную отделяла раздвижная дверь. Я плотно закрыл ее, чтобы свет не побеспокоил хозяйку. Включил лампу, переставил коробку с «Эрудитом» на телевизор, выложил фотографии на стол. Я так нервничал, что не смог заставить себя сесть. Склонился над столом, меняя фотографии местами. Собрался проделать это в третий раз, когда моя рука застыла. Я увидел. Увидел *его*. Для

суда эти улики не годились, но мне их вполне хватило. У меня подогнулись колени, и я сел.

Телефон, по которому я столько раз говорил с отцом (всегда отмечая на «Листке правды» дату и продолжительность разговора), неожиданно зазвонил. В глубокой, нарушаемой лишь завываниями ветра ночной тишине этот звук больше напоминал крик. Подскочив к телефонному аппарату, я сдернул трубку.

— А-а-а... — Вот и все, что я смог сказать. У меня слишком сильно колотилось сердце.

— Это ты, — прозвучал голос на другом конце провода. Веселый и приятно удивленный. — Я ожидал твою домохозяйку. Уже приготовил историю о внезапно возникших семейных обстоятельствах.

Я попытался заговорить и не смог.

— Девин! — Дразняще. *Радостно*. — Ты здесь?

— Я... одну секунду.

Я прижал трубку к груди, гадая (просто удивительно, какие мысли приходят в голову в стрессовой ситуации), слышит ли он удары моего сердца. Со своей стороны я прислушивался к миссис Шоплоу. И слышал лишь ее приглушенный храп. Я поступил правильно, закрыв дверь в гостиную. А еще больше меня радовало отсутствие второго телефонного аппарата в ее спальне. Я вернул трубку к уху и спросил:

— Что вам надо? Почему вы звоните?

— Я думаю, ты знаешь, Девин... а если и нет, уже поздно что-то менять.

— Вы тоже экстрасенс? — спросил я. Глупый вопрос, но в тот момент мой разум и язык, похоже, шли различными путями.

— Это к Роззи, — ответил он. — Нашей Мадам Фортуне. — И рассмеялся, в прямом смысле этого слова. Голос у него был совсем расслабленный, но я ему не

верил. Расслабленные убийцы не звонят посреди ночи. Особенно когда не знают, кто снимет трубку.

Но он сочинил историю, подумал я. Этот парень — бойскаут, он безумен, но всегда готов. Татуировка, к примеру. Именно она притягивает взгляд, когда смотришь на эти фотографии. Не лицо. И не бейсболка.

— Я знал, что у тебя на уме, — продолжил он. — Знал еще прежде, чем эта девушка привезла тебе папку. С фотографиями. И сегодня... с мамашей-милашкой и ее покалеченным мальцом... ты сказал им, Девин? Они помогали тебе?

— Они ничего не знают.

Мощный порыв ветра обрушился на дом. Из трубки тоже доносились завывания... словно он звонил с улицы.

— Я вот гадаю, можно ли тебе верить?

— Можно. Конечно, можно. — Я смотрел на фотографии. Человек-татуировка с рукой на ягодице Линды Грей. Человек-татуировка помогает ей прицеливаться в тире.

Лейн: «Давайте поглядим, какая вы Оукли».

Фред: «Суперстрелок!»

Человек-татуировка в его сомболке и солнцезащитных очках, со светлой бородкой. И татуировка — голова птицы — выделяется на руке, потому что кожаные перчатки лежат в заднем кармане, пока они с Линдой Грей не въедут в «Дом ужасов». Пока не окажутся в темноте.

— А я все гадаю, — вновь заговорил он. — Сегодня ты слишком долго пробыл в старом доме. Рассказывал ей о фотографиях, которые привезла эта Кук, или просто трахал ее? А может, и то, и другое? Мамаша — лакомый кусочек, это точно.

— Они ничего не знают, — тихо повторил я, глядя на сдвинутые створки двери. Ожидая, что они разойдут-

ся и на пороге появится миссис Ш., в ночной рубашке и с белым от ночного крема лицом. — Я тоже. Ничего такого, что могу доказать.

— Возможно, и так, однако это лишь вопрос времени. Вылетит — не поймает. Ты же слышал эту поговорку?

— Конечно, конечно. — Я понятия не имел, о чем он толкует, но в тот момент согласился бы с ним, даже заяви он, что ежегодно выступавший в «Стране радости» Бобби Райделл — президент.

— Ладно, вот что ты сейчас сделаешь. Ты приедешь в «Страну радости», и мы все обсудим, лицом к лицу. Как мужчина с женщиной.

— А зачем мне это делать? С моей стороны это будет чистым безумием. Если вы тот, кто...

— Ты знаешь, кто я! — В его голосе послышалось раздражение. — И я знаю, что если ты пойдешь в полицию, они выяснят, что я поступил на работу в «Страну радости» примерно через месяц после убийства Линды Грей. Потом меня свяжут с шоу Уэлмана и «Южной звездой», и игра закончится.

— Тогда почему бы мне не позвонить им прямо сейчас?

— Ты знаешь, где я? — В его голос закралась злость. Нет — ненависть. — Ты знаешь, где я нахожусь прямо сейчас, маленький любопытный сукин сын?

— В «Стране радости», вероятно. В администрации.

— Отнюдь. Я в торговом центре на Бич-роу. В том самом, куда богатые сучки ходят за вегетарианскими продуктами. Богатые сучки вроде твоей подружки.

По моему позвоночнику, от загривка к копчику — очень медленно — заскользил холодок. Я промолчал.

— Около аптеки есть телефон-автомат. Даже не будка, но это не важно, потому что дождь еще не начался. Только ветер. Вот где я. И с того места, где я стою, виден дом твоей подружки. На кухне горит свет... вероятно, она оставляет его на ночь, но остальные окна темны. Я могу повесить трубку и добраться туда за шестьдесят секунд.

— Там есть охранный сигнализация! — Я не знал, правда ли это.

Он рассмеялся:

— Неужели ты не понимаешь, что мне насрать? Меня это не остановит, и я перережу ей горло. Но сначала заставлю посмотреть, как проделываю то же самое с маленьким калеккой.

Но ты ее не изнасилуешь, подумал я. Не изнасилуешь, даже если у тебя будет время. Потому что тебе нечем.

Слова уже вертелись на языке, но я сдержался. Даже перепуганный, я понимал, что злить его еще больше — очень плохая идея.

— Вы так хорошо сегодня их принимали, — пробормотал я. — Цветы... призы... аттракционы.

— Да, все ради лохов. Расскажи мне о вагончике, который сам по себе выехал из «Дома ужасов». Что это значило?

— Я не знаю.

— А я думаю, знаешь. Может, мы это обсудим. В «Стране радости». Я знаю твой «форд», Джонси. У него мигает левая фара, и такая изящная вертушка на антенне. Если не хочешь, чтобы я начал резать глотки в том доме, прямо сейчас садись в автомобиль и поезжай в «Страну радости» по Бич-роу.

— Я...

— Молчи, когда я с тобой говорю. Проехав торговый центр, увидишь меня рядом с парковым грузовиком. Я даю тебе четыре минуты, чтобы добраться сюда. Стого момента, как положу трубку. Если не увижу тебя, убью женщину и мальчишку. Понял?

— Я...

— *Ты понял?*

— Да!

— Я поеду за тобой к парку. О воротах не беспокойся. Они уже открыты.

— Значит, вы убьете меня или их? Выбор за мной, так?

— Убью тебя? — В его голосе звучало искреннее изумление. — Я не собираюсь убивать тебя, Девин. Зачем мне усугублять и без того неприятное положение? Нет, я собираюсь просто исчезнуть. Не в первый раз и скорее всего не в последний. Я хочу поговорить. Хочу узнать, как ты на меня вышел.

— Я могу рассказать по телефону.

Он рассмеялся.

— И упустить шанс сокрушить меня и вновь стать Хоуи-героем? Сначала маленькая девочка, потом Эдди Паркс и, наконец, мамаша-красотка с сыном-калекой на закуску. Разве ты сможешь пройти мимо? — Он перестал смеяться. — Четыре минуты.

— Я...

Он повесил трубку. Я посмотрел на фотографии. Открыл ящик стола, достал один из блокнотов, разыскал механический карандаш, которым Тина Экерли всегда вела счет. Написал: *Миссис Ш., если Вы читаете эту записку, значит, со мной что-то случилось. Я знаю, кто убил Линду Грей. И других.*

Ниже я вывел его имя заглавными буквами.

И побежал к двери.

Двигатель моего «форда» чихал и плевался, но не заводился. Затем начал садиться аккумулятор. Все лето я говорил себе, что нужно купить новый, и постоянно тратил деньги на что-то другое.

Голос отца: «Ты заливаешь карбюратор, Девин».

Я убрал ногу с педали газа, посидел в темноте. Казалось, время летит, несется вскачь. Какая-то часть меня хотела вернуться в дом и позвонить в полицию. Энни я позвонить не мог, потому что не знал ее гребаного телефонного номера. А учитывая известность Бадди Росса, не приходилось сомневаться, что в справочнике его нет. Знал ли об этом *он*? Вероятно, нет, но ему чертовски везло. Его, такого наглого и самоуверенного, должны были поймать давным-давно, но ведь не поймали. Потому что ему чертовски везло.

Она услышит, как он вламывается в дом, и застрелит его.

Только винтовки, по ее словам, хранились в сейфе. И даже если бы она успела вытащить одну, ублюдок уже приставил бы бритву к горлу Майка.

Я вновь повернул ключ зажигания, не ставя ногу на педаль газа. В карбюраторе было полно бензина, и двигатель завелся сразу. Я выехал задним ходом с подъездной дорожки и повернул к «Стране радости». Красный неоновый круг «Колеса» и синие неоновые петли «Шаровой молнии» сияли на фоне низких, быстро бегущих облаков. Эти два аттракциона всегда освещались штормовыми ночами, чтобы служить маяком для кораблей и «отгонять» легкомоторные самолеты, которые заходили на посадку в окружной аэропорт Пэриша.

Бич-роу обезлюдела. Каждый порыв ветра швырял на дорогу песок, а некоторые сотрясали мой автомо-

биль. На твердом покрытии уже начали формироваться дюны. В свете фар они напоминали пальцы скелета.

Поравнявшись с торговым центром, я увидел одинокую фигуру в середине автомобильной стоянки, рядом с одним из грузовиков технической службы парка. Когда я проезжал мимо, мужчина поднял руку и махнул.

Потом я миновал большой викторианский особняк, высившийся со стороны океана. На кухне горел свет. Я подумал, что это флуоресцентная лампа над раковиной. Вспомнил, как Энни вошла на кухню со свитером в руке. Ее загорелый живот. Бюстгальтер почти того же цвета, что и джинсы. «Хочешь подняться со мной наверх, Девин?»

Огни вспыхнули в зеркале заднего вида и начали приближаться. Он включил дальний свет, и я не мог разглядеть, на чем он едет, но этого и не требовалось. Я знал, что это грузовик технической службы, и знал, что он солгал, сказав, что не собирается меня убивать. Записка, которую я оставил миссис Шоплоу, утром будет лежать на прежнем месте. Она прочтет ее вместе с именем. Вопрос заключался в другом: сколько времени ей потребуется, чтобы поверить мне? Он же такой обаятельный балагур, улыбчивый, в котелке набекрень. Конечно, все женщины любили Лейна Харди.

Как он и обещал, ворота были открыты. Я въехал в парк и собрался припарковаться у запертого тира. Он коротко просигналил и мигнул фарами: *мол, поезжай дальше*. Когда я добрался до колеса, мигнул вновь. Я заглушил двигатель «форда», отдавая себе отчет, что, возможно, никогда больше его не заведу. Красный неон подъемки окрашивал кровью приборный щиток, сиденья, мою кожу.

Фары грузовика погасли. Я услышал, как открылась и захлопнулась дверца. И слышал ветер, завывавший в фермах «Колеса», словно разъяренные гарпии. А еще слышал ритмичное, почти синкопированное постукивание. Колесо дрожало на своей толстенной оси.

Убийца Линды Грей — и Ди-Ди Маубрей, и Клодин Шарп, и Дарлин Стамнагер — подошел к моему автомобилю и постучал по стеклу стволом пистолета. Махнул рукой, приглашая на выход. Я открыл дверцу и вышел.

— Вы сказали, что не собираетесь меня убивать. — Мой голос звучал жалко, да и ноги у меня подкашивались.

Лейн ослепительно улыбнулся:

— Что ж... посмотрим, как карта ляжет. Да?

Этой ночью он наклонил котелок влево и натянул его потуже, чтобы не сдуло. Волосы, обычно стянутые в конский хвост, рассыпались по плечам, и их трепал ветер, продолжавший завывать в фермах колеса и трясти его. Отблески красного неона подрагивали на лице Лейна.

— Не тревожься о подъемке. — Он взглянул на колесо. — Будь оно цельным, его бы завалило, а так ветер проскакивает между фермами. У тебя есть другие поводы для беспокойства. Расскажи мне о вагончике, который выехал из «Дома ужасов». Мне действительно хочется знать. Как ты это сделал? Использовал какой-то хитрый пульт дистанционного управления? Меня такие штучки очень интересуют. За ними будущее, вот что я думаю.

— Не было никакого пульта.

Он словно и не услышал.

— И в чем смысл? Припутнуть меня? Если так, напрасный труд. Меня этим не проймешь.

— Это сделала она. — Я не знал, правда ли это, но не имел ни малейшего желания упоминать Майка. — Линда Грей. Вы ее не видели?

Его улыбка увяла.

— Это все, на что ты способен? Давняя история о призраке в «Доме ужасов». Тебе придется придумать что-нибудь получше.

Значит, он тоже ее не видел. Но, думаю, знал: там *что-то* есть. Не могу сказать наверняка, но скорее всего именно поэтому он и предложил сходить за Майло. Не хотел, чтобы мы приближались к «Дому ужасов».

— Она там точно была. Я видел ее ободок. Помните, я заглядывал в вагончик? Он лежал под сиденьем.

Он ударил так внезапно, что у меня не было шанса увернуться. Ствол пистолета разорвал кожу на лбу. Перед глазами вспыхнули звезды. Кровь залила лицо, и я ослеп. Отшатнулся, привалился к перилам ведущего к «Колесу» пандуса, схватился за них, чтобы не упасть. Вытер лицо рукавом дождевика.

— Я не знаю, зачем тебе пытаться напугать меня байкой про привидения, когда все так далеко зашло, и мне это не нравится. Ты знаешь про ободок благодаря фотографии из папки, которую привезла тебе твоя пронырливая подруга-сучка. — Он улыбнулся зубастой, лишенной всякого обаяния улыбкой. — С вруном вранье не катит.

— Но... вы же не видели папку. — Впрочем, даже с гудящей головой я без труда догадался, в чем дело. — Ее видел Фред. И сказал вам. Да?

— Да. В понедельник. За ленчем в его кабинете. Он сказал, что ты и твоя сучка-студентка играете в братьев Харди*. Только другими словами. Он думал, это очень

* Братья Харди — сыщики-любители, герои многочисленных книг для детей и подростков.

мило. В отличие от меня, потому что я видел, как ты сдернул перчатки с рук Эдди Паркса. Именно тогда я понял, чем вы занимаетесь. Эта папка... Фред сказал, что сучка исписала не одну страницу. И я понял, что рано или поздно она свяжет меня с Уэлманом и «Южной звездой».

Перед моим мысленным взором возникла тревожная картина: Лейн Харди едет на поезде в Аннандейл с опасной бритвой в кармане.

— Эрин ничего не знает.

— Ой, расслабься. Думаешь, я попытаюсь с ней разделиться? Включи мозги. А пока будешь этим заниматься, пошевели ногами. Марш на трон, чемпион. Мы вдвоем далеко пойдем. Поднимемся ввысь, где вид зашибись.

Я уже открыл рот, чтобы спросить, не рехнулся ли он, но вопрос прозвучал бы глупо, с учетом того, как далеко все зашло.

— Чего лыбишься, Джонси?

— Ничего. Вы же не хотите и впрямь подняться наверх при таком ветре, а? — Но двигатель колеса работал. Поначалу я не замечал этого за шумом ветра, прибоем, скрипом громадного сооружения, а теперь вот слышал мерное гудение. Даже урчание. И тут до меня дошел вполне очевидный вариант развязки: он, вероятно, намеревался покончить со мной и застрелиться. Возможно, вы думаете, что такая мысль могла бы прийти ко мне и раньше, потому что для безумцев это обычное дело: газеты пестрят подобными историями. Наверное, вы правы. Но я был в шоке.

— Старушка «Каролина» совершенно безопасна, — заверил меня Лейн. — Я бы поднялся на ней и при шестидесяти милях в час, не то что при каких-то трид-

цати. Такой же ветер дул, когда два года тому назад вдоль побережья прошла «Карла». И ничего.

— Как вы собираетесь запустить колесо, если мы оба будем в кабинке?

— Залезай и увидишь. Или... — Он поднял пистолет. — Или я могу пристрелить тебя прямо здесь. Мне без разницы.

Я поднялся по пандусу, открыл дверцу стоявшей у посадочной платформы кабинки и собрался шагнуть в нее.

— Нет, нет, нет, — остановил он меня. — Ты поедешь с краю. Оттуда вид лучше. Отойди и не гунди. И сунь руки в карманы.

Лейн проскользнул в кабину, держа меня на мушке. Кровь заливала мне глаза, текла по щекам, но я не решался вытащить руки из карманов дождевика и вытереть ее. Я видел, как напрягся его палец на спусковом крючке. Он сел у дальней стены кабинки.

— Теперь ты.

Я вошел в кабину. Выбора у меня не было.

— И захлопни дверцу, а то задам перцу.

— Вы говорите, как доктор Сьюз.

Он ухмыльнулся:

— Лесть тебе не поможет. Закрывай дверцу или получишь пулю в колено. Думаешь, кто-то услышит твои крики при таком ветре? Сомневаюсь.

Я закрыл дверцу. Когда вновь посмотрел на него, он держал в одной руке пистолет, а в другой — квадратную металлическую коробочку. Из нее торчала короткая толстая антенна.

— Я говорил тебе, люблю такие штучки. Это дистанционный пульт для ворот гаража, только чуть модифицированный. Посылает радиосигнал. Весной я по-

казывал его мистеру Истербуку, сказал, что это идеальное устройство для управления колесом, когда под рукой нет ни салаги, ни газонта. Он ответил, что не может на это пойти, потому что безопасность использования пульта не подтверждена комиссией штата. Трусливый старый сукин сын. Я собирался его запатентовать. Теперь, пожалуй, поздно. Возьми.

Я взял. Действительно, это был дистанционный пульт для ворот гаража. «Джини». Мой отец пользовался почти таким же.

— Видишь кнопку со стрелкой вверх?

— Да.

— Нажми ее.

Я положил большой палец на кнопку, но не нажал. Внизу ветер был сильным; каким же он окажется наверху, где вид зашибись? «Мы летим!» — крикнул Майк.

— Нажимай, а не то получишь пулю в колено, Джонси.

Я нажал. Двигатель вошел в зацепление с вращающим механизмом, и наша кабинка начала подниматься.

— А теперь выброси его.

— Что?

— Выброси его, а не то получишь пулю в колено и больше никогда не сможешь танцевать тустеп. Считаю до трех. Один...

Я выбросил пульт. Колесо поднималось и поднималось сквозь ветреную ночь. Справа я видел спешившие к берегу волны, белоснежная пена на их гребнях, казалось, фосфоресцировала. Слева темнела спящая суша. Бич-роу пустовала. Ветер выл, сдувал со лба слипшиеся от крови волосы. Кабинку болтало. Лейн подался вперед, потом назад, чтобы еще сильнее ее раскачать... но смотревший мне в бок пистолет не шелохнулся. Красный неон отражался от ствола.

— Это тебе не пенсионерский аттракцион, да, Джонси? — прокричал он.

Как будто я собирался спорить. В эту ночь «Каролинское колесо» превратилось в аттракцион для экстремалов. Когда мы добрались до вершины, жуткий порыв ветра тряхнул нашу кабинку так сильно, что ее едва не сорвало со стальных креплений. Котелок Лейна унесло в ночь.

— Дерьмо! Ладно, найду другой.

Лейн, как мы вылезем из кабинки? Я так и не задал этот вопрос. Боялся услышать, что вылезать нам не понадобится. Если ветер не завалит колесо или не отключится электричество, мы так и будем вращаться до утра, пока не придет Фред. Два мертвеца в лохолифте «Страны радости». Понятно, какая мысль возникла у меня следующей.

Лейн улыбался.

— Хочешь добраться до пистолета, да? По глазам вижу. Помнишь, что сказал Грязный Гарри в том фильме? Сначала задай себе вопрос: уверен ли ты, что тебе повезет?

Теперь мы спускались, и кабинку мотало уже не так яростно. Я решил, что не уверен в собственном везении.

— Скольких ты убил, Лейн?

— Не твое гребаное дело. И поскольку пистолет у меня, вопросы задавать буду я. Как давно ты знаешь? Достаточно давно, верно? По меньшей мере с того дня, как эта сучка показала тебе фотографии. Ты просто тянул время, чтобы калека смог провести день в парке. Твоя ошибка, Джонси. Ошибка лоха.

— Я понял только этой ночью.

— Ох, горят штанишки у нашего лгунишки.

Мы проползли мимо посадочной платформы и снова двинулись вверх. Я подумал: *Он, наверное, захочет застрелить меня на самом верху. А потом или застрелится, или выбросит меня из кабинки. А сам спрыгнет на платформу, когда кабинка будет проходить нижнюю точку. Рискнет, надеется, что не сломает ни ногу, ни ключицу.* Я склонялся к сценарию «убийство-самоубийство», но лишь после того, как он полностью утолит свое любопытство.

— Может, я и глуп, но я не лжец. Я смотрел и смотрел на фотографии, видел в них что-то знакомое, но до этой ночи никак не мог понять, что именно. Все дело в шляпе. На снимке ты в сомболке, не в котелке, но она наклонена в одну сторону, когда ты и эта Грей стоите в очереди к «Чашкам-вертушкам», и в другую, когда вы в стрелковом тире. Я просмотрел остальные, где вы на заднем плане, и там то же самое. То в одну сторону, то в другую. Ты делаешь это постоянно. Не отдавая себе отчета.

— И это *все*? Наклон гребаной бейсболки?

— Нет.

Мы вновь подбирались к верхней точке, но я подумал, что выторговал себе еще один оборот. Он хотел это услышать. Тут полил дождь, сильный как из ведра. *По крайней мере он смывает кровь с лица*, подумал я. А когда посмотрел на него, заметил, что смывается не только кровь.

— Однажды я увидел тебя без шляпы и подумал, что в твоих волосах появилась седина, белые ниточки. — Я почти кричал, чтобы перекрыть рев ветра и шум дождя. Наклонные струи били в лицо. — Вчера, увидев, как ты вытираешь загривок, подумал, что это грязь. Этой ночью, разобравшись с бейсболкой, я начал думать о ложной татуировке. Эрин заметила, что она расплылась от пота. Уверен, копы это упустили.

Я видел свой автомобиль и грузовик технической службы, которые увеличивались в размерах по мере того, как наша кабинка завершала второй круг. За ними по авеню Радости летело что-то большое — возможно, оторванное ветром брезентовое полотнище.

— Ты вытирал не грязь — краску. Она поплыла, как плыла татуировка. Она плывет и сейчас. У тебя в ней вся шея. И я увидел не белые ниточки, не седину, а твои настоящие светлые волосы.

Он вытер шею, посмотрел на черное пятно на ладони. В тот момент я едва не бросился на него, но он поднял пистолет, и на меня уставился черный глаз. Маленький, но страшный.

— Раньше я был блондином, — сказал он, — но теперь под краской в основном седина. Жизнь мне выпала нервная, Джонси. — И печально улыбнулся, будто какой-то грустной шутке, понятной лишь нам двоим.

Мы вновь поднимались, и у меня мелькнула мысль, что летевшее по мидвею полотнище — большое и прямоугольное — могло быть автомобилем с потушенными фарами. Безумная, конечно, надежда, но я тем не менее надеялся.

Дождь лил как из ведра. Ветер срывал с меня дождевик. Волосы Лейна напоминали подранный флаг. Я надеялся, что сумею удержать его еще один круг. Может, два? Возможно, но маловероятно.

— Как только я решился представить тебя убийцей Линды Грей — а это было нелегко, Лейн, учитывая, что ты сразу принял меня за своего, — бейсболка, солнцезащитные очки и борода перестали быть маскировкой. Я увидел тебя. Тогда ты здесь не работал...

— Сидел за рулем электропогрузчика на складе во Флоренсе. — Он поморщился. — Работа для лохов. Я ее ненавидел.

— Ты работал во Флоренсе, ты познакомился с Линдой Грей во Флоренсе, но ты знал о «Стране радости», которая находилась в Северной Каролине. Может, ты и не карни-от-карни, но обходиться без шоу ты не мог. И когда предложил Линде отправиться в короткую поездку, она согласилась.

— Я был ее тайным бойфрендом. Сказал ей, что без этого нельзя, потому что я гораздо старше. — Он улыбнулся. — Она клюнула. Они все клюют. Молодым так легко задурить голову.

Ты же абсолютный псих, мерзавец, подумал я. Ты полностью слетел с катушек.

— Ты привез ее в Хэвенс-Бэй, вы остановились в мотеле. А потом ты убил ее здесь, в «Стране радости», хотя и знал, что Голливудские девушки бегают по парку со своими фотоаппаратами. Дерзко и нагло. Это добавило остроты ощущений, верно? Конечно, добавило. Ты сделал это среди кроликов...

— Лохов, — перебил он меня. Сильнейший порыв ветра сотряс колесо, но он словно ничего не почувствовал. Конечно, он сидел ближе к фермам, где меньше качало. — Ты знаешь, кто они. Лохи, все до единого. Они ничего не видят. Такое ощущение, что их глаза связаны с прямой кишкой, а не с мозгом. Все проскакивает мимо.

— Ты наслаждаешься риском, да? Поэтому ты вернулся и поступил сюда на работу.

— Меньше чем через месяц. — Его улыбка стала шире. — Все это время я был у них под носом. И знаешь что? Я стал... Ты понимаешь, я стал хорошим после той поездки в «Доме ужасов». Все дурное ушло. Я мог оставаться хорошим. Мне тут нравится. У меня новая жизнь. Я придумал это устройство. Собирался запатентовать его.

— А я думаю, рано или поздно ты бы сделал это снова. — Мы опять поднялись на вершину. Дождь и ветер трепали нас. Я дрожал всем телом. Вымок до нитки. Щеки Лейна потемнели от краски. Ее потеки напоминали щупальца. *И разум у него такой же*, подумал я. *Внутри, где он никогда не улыбается.*

— Нет, я вылечился. Я должен убить тебя, Джонси, но только потому, что ты сунул свой нос куда не следовало. Очень жаль, потому что ты мне нравился. Действительно нравился.

Я подумал, что он говорит правду, отчего происходящее казалось еще ужаснее.

Мы снова спускались. Мир внизу был залит дождем и потрепан ветром. Никакой автомобиль с потушенными фарами не приближался к «Колесу» по авеню Радости. Мой отчаявшийся разум принял за него брезентовое полотнище. Кавалерия не спешила на помощь. Надеяться на что-то было равносильно смерти. Рассчитывать я мог только на себя, и единственный мой шанс заключался в том, чтобы разозлить Лейна. Довести его до белого каления.

— Тебя заводит риск, но не секс, правда? Иначе ты бы отвозил их в укромное местечко. Я думаю, тебя до смерти пугает то, что у твоих тайных подружек между ног. И что ты потом делаешь? Лежишь на кровати и дрочишь, радуясь, каким показал себя смельчаком, убивая беззащитных девушек?

— Заткнись.

— Ты можешь их обаять, но не можешь трахнуть. — Ветер визжал, кабинка раскачивалась. Мне предстояло умереть, но в тот момент я об этом не думал. Не знаю, насколько я разозлил его, но моей злости хватало на двоих. — Почему ты стал таким? Твоя мамаша цепляла

прищепку на твою пипиську, когда ты отливал в углу? Дядя Стэн заставлял отсасывать ему? Или...

— *Заткнись!* — Он приподнялся со скамьи, одной рукой держась за поручень, другой нацелив на меня пистолет. Вспышка молнии осветила его выпученные глаза, патлатые волосы, шевелящиеся губы. И пистолет. — *Заткни свой грязный р...*

— *ДЕВИН, ПРИГНИСЬ!*

Я не думал — просто сделал это. Раздался резкий выстрел, и что-то чавкнуло в ревущей ночи. Пуля пролетела мимо меня, но я ничего не услышал и не почувствовал. Кабинка, в которой мы находились, проплыла мимо посадочной платформы, и я увидел Энни Росс, стоявшую на пандусе с винтовкой в руках. За ее спиной виднелся «универсал». Ветер сдувал волосы с мертвенно-бледного лица.

Мы снова поднимались. Я посмотрел на Лейна. Он застыл с разинутым ртом. Черная краска текла по лицу. Глаза закатились, виднелись только нижние половинки радужек. Большая часть носа исчезла. Одна ноздря висела на верхней губе, все остальное красной бахромой окружало черную дыру диаметром с десятицентовик.

Он плюхнулся на сиденье, крепко приложившись задом. При этом у него изо рта вылетели несколько зубов. Я выхватил пистолет из его руки и выбросил за борт. Что я в тот момент чувствовал... ничего. Разве что в глубине души начал осознавать, что, похоже, переживу эту ночь.

— Ох, — выдохнул он. Потом: — Ах. — Наклонил голову и уткнулся подбородком в грудь, став похожим на человека, который что-то всесторонне обдумывает.

Когда мы поднялись на вершину, вспыхнула молния. Озарила моего соседа синим пламенем. Колесо

протестующе застонало под очередным порывом ветра. Мы начали спуск.

С земли, едва пробившись сквозь бурю, донеслось:

— *Дев, как мне его остановить?*

Сначала я хотел попросить ее поискать пульт дистанционного управления, но в такой темноте и под дождем это могло занять много времени. К тому же пульт мог разбиться или лежать в луже с подмоченными контактами. Кроме того, я знал способ лучше.

— *Иди к двигателю!* — крикнул я. — *Найди красную кнопку! КРАСНУЮ КНОПКУ, ЭННИ! Это аварийная остановка.*

Я проехал мимо нее, отметив, что на ней те же джинсы и свитер, что и днем, только теперь насквозь мокрые. Ни куртки, ни шляпы. Она примчалась сюда сломя голову, и я знал, кто ее послал. Все было бы намного проще, если бы Лейн сразу привлек внимание Майка. Но Роззи тоже ничего не заметила, хотя знала его много лет, и я потом выяснил, что у Майка Лейн Харди не вызвал никаких подозрений.

Я снова поднимался. Стекавшая с волос Лейна вода заливала черным дождем его колени.

— *Подожди, пока я не спущусь!*

— *Что?*

Кричать вновь я не стал. Все равно ветер унес бы мои слова. И мне оставалось только надеяться, что она не нажмет красную кнопку, пока я нахожусь наверху. Вспыхнула очередная молния, очень яркая, сопровождаемая оглушительным раскатом грома. И гром этот словно разбудил Лейна, потому что он поднял голову и посмотрел на меня. *Попытался* посмотреть: глаза вернулись в глазницы, но таращились в разные стороны. Этот жуткий образ навсегда запечатлелся в моей памя-

ти и до сих пор приходит ко мне в самые неожиданные моменты: когда я въезжаю на платную автостраду; когда слушаю ведущих Си-эн-эн, сообщающих дурные новости; когда встаю, чтобы справить малую нужду, в три утра, или в Час волка, как справедливо окрестил это время какой-то поэт.

Он открыл рот, и оттуда хлынула кровь. Издал какой-то дребезжащий звук, словно зарывающаяся в дерево цикада. По телу прошла судорога. Подошвы застучали по металлическому полу кабинки. Застыли. Голова вновь упала на грудь.

Умри, подумал я. Пожалуйста, на этот раз умри.

Когда наша кабинка пошла вниз, разряд угодил в «Шаровую молнию», на мгновение озарив ее. *Могло попасть и в меня, подумал я.* Сильнейший порыв ветра тряхнул кабинку. Я вцепился в поручень. Лейна качнуло, как большую куклу.

Я посмотрел вниз, на Энни: вскинутая голова, белый овал лица, прищуренные от дождя глаза. Она уже прошла за ограждение и стояла у двигателя. Пока все шло хорошо. Я рупором приложил руки ко рту.

— Красная кнопка!

— Я ее вижу!

— Жди, пока я не скажу тебе!

Земля приближалась. Я схватился за поручень. Когда покойный (я на это надеялся) Лейн Харди передвигал рычаг управления, «Колесо» плавно останавливалось, а кабинки мягко покачивались. Я понятия не имел, что произойдет при аварийной остановке, но мне предстояло это выяснить.

— Давай, Энни! Жми!

Хорошо, что я обеими руками держался за поручень. Кабинка мгновенно зависла в десяти футах от посадоч-

ной платформы, в пяти футах над землей. Она наклонилась, Лейна бросило вперед. Голова и верхняя часть тела перевалились через поручень. Не раздумывая, я схватил его за рубашку и потянул назад, к спинке сиденья. Его рука упала мне на колени, и я с отвращением скинул ее.

Поручень не открывался, и мне пришлось подлезать под него.

— Осторожнее, Дев! — Энни застыла под кабинкой, подняв руки, словно собиралась меня поймать. Винтовка, из которой она уложила Харди, стояла прислоненной к кожуху двигателя.

— Отойди в сторону, — крикнул я и перебросил ногу через борт кабинки. Сверкнула молния. Был ветер, «Колесо» подвывало в ответ. Я схватился за ферму, вылез наружу. Руки соскользнули с мокрого металла, и я полетел вниз. Приземлился на колени, и Энни тут же подняла меня на ноги.

— Ты в порядке?

— Да.

Конечно, это была неправда. Перед глазами у меня плыло, я едва держался. Я опустил голову, уперся руками в ноги чуть выше колен, принялся глубоко дышать. Чуть не потерял сознание, но потом начал медленно приходить в себя. Снова выпрямился, помня, что надо избегать резких движений.

Конечно, дождь не позволял сказать наверняка, но у меня сложилось впечатление, что Энни плакала.

— Мне пришлось это сделать. Он собирался тебя убить, правда? Пожалуйста, Дев. Скажи, что он собирался тебя убить. Майк *сказал*, что собирался, и...

— Об этом можешь не волноваться. И я не стал бы первой его жертвой. Он уже убил четырех женщин. — Я вспомнил рассуждения Эрин о тех годах, когда жертв

не было... или их не нашли. — Может, и больше. Вероятно, больше. Мы должны позвонить в полицию. Телефон в...

Я направился к «Особняку кривых зеркал», но она схватила меня за руку.

— Нет. Нельзя. Пока не надо.

— Энни!

Она наклонилась ко мне так близко, будто хотела поцеловать.

— Как я сюда попала? Ты хочешь, чтобы я сообщила полиции, что глубокой ночью в комнате моего сына появился призрак и сказал ему, что ты умрешь на чертовом колесе, если я не приеду? Майка в это втягивать нельзя, и если ты будешь возражать, я... я сама тебя пристрелю.

— Нет, не буду.

— Тогда как я попала сюда?

Сначала я не знал, что ответить. Еще не пришел в себя от испуга. Только испуг — слишком мягкое слово. Если бы. Я не пришел в себя от шока. Вместо «Особняка» я повел Энни к «универсалу», усадил за руль. Обошел автомобиль спереди и залез на пассажирское сиденье. К тому времени у меня уже возникла идея. Ее главное достоинство заключалось в простоте, и я подумал, что она нас выручит. Я закрыл дверцу и достал из кармана джинсов бумажник. Пытаясь раскрыть, чуть не выронил, так у меня дрожали руки. Собственно, меня всего била дрожь. Бумаги внутри хватало. Оставалось найти чем писать.

— Пожалуйста, Энни, скажи, что у тебя есть ручка или карандаш.

— Может, в бардачке. Ты должен позвонить в полицию, Дев. Я должна вернуться к Майку. Если меня

арестуют за то, что я уехала с места преступления... или за убийство...

— Никто тебя не арестует, Энни. Ты спасла мне жизнь. — Я говорил и одновременно рылся в бардачке. Нашел описание автомобиля, чеки с бензоколонки, упаковку «Ролейдс», пакетик «Эм-энд-Эмс», даже буклет «Свидетелей Иеговы», вопрошающий, знаю ли я, где мне предстоит провести загробную жизнь, — но ни ручки, ни карандаша.

— Нельзя тянуть... в такой ситуации... так мне всегда говорили... — У нее стучали зубы. — Просто целься... и нажимай спусковой крючок, прежде чем сможешь... ты понимаешь... засомневаться... я целилась ему между глаз, но... ветер... наверное, ветер...

Ее рука метнулась к моему плечу, схватила, сжала до боли. Глаза стали огромными.

— Я задела тебя, Дев? У тебя ссадина на лбу и кровь на рубашке!

— Ты — нет. Он ударил меня пистолетом. Вот и все. Энни, мне нечем написать...

Но нет, я нашел шариковую ручку у дальней стенки бардачка. На корпусе виднелась надпись «ДАВАЙ КРОГЕРНЕМСЯ»*. Я не готов утверждать, что эта ручка спасла Энни и Майка Росс от серьезных неприятностей, но точно знаю, что она избавила их от множества вопросов, связанных с приездом Энни в парк развлечений темной, штормовой ночью.

Я передал ей ручку и визитку, которую достал из бумажника. Совсем недавно, сидя в автомобиле и замирая от мысли, что Энни и Майк погибнут из-за так и не купленного нового аккумулятора, я думал о том,

* То есть заглянем в один из супермаркетов компании «Крогер».

что мог бы позвонить ей... если бы знал номер. Теперь я попросил ее записать этот номер.

— И под номером напиши: «Позвони, если планы изменятся».

Пока она это делала, я завел двигатель и включил обогреватель на полную мощность. Она вернула мне визитку. Я убрал ее в бумажник, бросил ручку в бардачок. Обнял Энни и поцеловал холодную щеку.

— Ты спасла мне жизнь. А теперь позаботимся, чтобы из-за этого с тобой и Майком ничего не случилось. Слушай очень внимательно.

Она слушала.

Шестью днями позже бабье лето вернулось в Хэвенс-Бэй в последний раз, чтобы потом уйти до следующего года. Погода позволяла пообедать за столиком на пляже, да только мы не могли этого сделать, поскольку там толпились газетчики и фотографы. Они имели на это право, потому что в отличие от двух акров земли, окружавших большой зеленый викторианский особняк, пляж являлся общественной собственностью. История о том, как Энни одним выстрелом сняла Лейна Харди (отныне и навсегда известного как Ярмарочный убийца), облетела всю страну.

Не то чтобы статьи были плохими. Вовсе нет. Заголовки уилмингтонской газеты гласил: «ДОЧЬ ЕВАНГЕЛИСТА БАДДИ РОССА ЗАСТРЕЛИЛА ЯРМАРОЧНОГО УБИЙЦУ». «Нью-Йорк пост» ограничилась кратким «ГЕРОИЧЕСКАЯ МАМА!». К счастью, сохранились фотографии из тех золотых времен, когда Энни выглядела не просто великолепной, а фантастически красивой. «Взгляд изнутри», тогдашний наиболее по-

пулярный магазинный таблоид, выпустил специальный номер. Они где-то раскопали фотографию семнадцатилетней Энни, сделанную после соревнований по стрельбе в лагере Перри. В облегающих джинсах, футболке с надписью «НСА» и ковбойских сапогах, она стояла с переломленным антикварным ружьем «Парди» в одной руке и синей лентой в другой. Рядом была полицейская фотография двадцатиоднолетнего Лейна Харди, арестованного в Сан-Диего (под настоящим именем Леонард Хопгуд) за непристойное поведение в общественном месте. Контраст получился разительным. Заголовок соответствовал: «КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ».

Несмотря на мою отнюдь не героическую роль, я все-таки удостоился упоминания в газетах Северной Каролины. Таблоиды меня проигнорировали. Думаю, я показался им недостаточно сексапильным.

Майк считал, что ГЕРОИЧЕСКАЯ МАМА — это круто. Энни от всей этой суеты тошнило, и она с нетерпением ждала того дня, когда пресса перекинется на новую сенсацию. Она досыта наелась газетной рекламы, когда, будучи диким отпрыском святого человека, приобрела известность, танцуя на барных стойках значных заведений в Гринвич-Виллидж. Так что интервью она не давала. А последний пикник мы устроили на кухне. Собрались впятером, считая Майло, устроившегося под столом в ожидании мелких подачек, и Иисуса, который смотрел на нас с воздушного змея Майка, прислоненного к спинке стула.

Чемоданы ждали в прихожей. После трапезы мне предстояло отвезти их в международный аэропорт Уилмингтона. Оттуда на частном самолете, предоставленном «Бадди Росс министрис, Инк.», они улетали в Чикаго и из моей жизни. У полиции Хэвенс-Бэй и шта-

та Северная Каролина, а также, возможно, ФБР еще оставались вопросы, и Энни, вероятно, придется вернуться, чтобы предстать перед Большим жюри, но пока все шло хорошо. Она была «ГЕРОИЧЕСКОЙ МАМОЙ», а благодаря сувенирной ручке «Крогер», найденной мной в глубинах бардачка, «Пост» никогда не напечатает фотографию Майка под заголовком «СПАСИТЕЛЬ-ЭКСТРАСЕНС».

В полиции мы изложили простую историю, и Майк не имел к ней ни малейшего отношения. Я заинтересовался убийством Линды Грей из-за легенды о ее призраке, который вроде бы обитал в «Доме ужасов» местного парка развлечений. Призвал на помощь свою подругу с аналитическим складом ума, которая летом тоже работала в парке, Эрин Кук. Фотографии Линды Грей и ее убийцы кого-то напоминали, но лишь после посещения Майком «Страны радости» мне открылась истина. Однако не успел я позвонить в полицию, как Лейн Харди позвонил мне и пригрозил убить Энни и Майка, если я без промедления не приеду в «Страну радости». Я сказал чистую правду, присовокупив лишь маленькую ложь: у меня был домашний телефон Энни, чтобы я мог позвонить ей в том случае, если изменятся планы, связанные с посещением Майком парка развлечений. (Я показал визитку возглавлявшему расследование детективу, но тот лишь мельком взглянул на нее.) Я сообщил, что позвонил Энни перед тем, как покинуть пансион миссис Шоплоу, наказал ей запереть все двери, позвонить копам и оставаться в доме. Двери она заперла, но в доме не осталась. Боялась, что Харди, увидев приближающиеся мигалки патрульных автомобилей, убьет меня. Поэтому она взяла одну из винтовок, которые хранились в сейфе, и поехала за Лейном, не вклю-

чая фар, надеясь застать его врасплох. И ей это удалось. Отсюда — ГЕРОИЧЕСКАЯ МАМА.

— Что говорит твой отец, Дев? — спросила Энни.

— Помимо обещаний переехать в Чикаго и мыть твой автомобиль до конца своей жизни, если ты этого захочешь? — Она рассмеялась, но мой отец действительно так сказал. — У него все хорошо. В следующем месяце я возвращаюсь в Нью-Хэмпшир. День благодарения мы проведем вместе. Фред попросил меня остаться до ноября, помочь ему окончательно подготовить парк к зиме. Я согласился. Деньги не помешают.

— На учебу?

— Да. Думаю, вернусь в колледж в весеннем семестре. Папа пришлет мне бланк заявления.

— Хорошо. Там тебе самое место, нечего красить аттракционы и менять лампочки в парке развлечений.

— Ты действительно приедешь к нам в Чикаго, да? — спросил Майк. — До того, как я совсем разболеюсь?

Энни заерзала, но ничего не сказала.

— У меня нет выбора. — Я кивнул на змея. — Как иначе я смогу его вернуть? Ты же сказал, что только одолжил его мне.

— Может, ты познакомишься с моим дедом. Он клевый, если не обращать внимания на Иисуса. — Майк искоса глянул на мать. — Во всяком случае, я так думаю. И у него в подвале большущая электрическая железная дорога.

— Твой дедушка, возможно, не захочет встречаться со мной, Майк. Из-за меня твоя мама попала в эту педерягу.

— Он поймет, что ты тут ни при чем. Ты же не виноват, что работал с этим типом. — Майк помрачнел. Положил сэндвич, взял салфетку, кашлянул в нее. —

Мистер Харди казался таким милым. Катал нас на аттракционах.

Множество девушек считали точно так же, подумал я.

— У тебя... не возникало никакого предчувствия насчет него?

Майк покачал головой, вновь кашлянул.

— Нет. Он мне нравился. И я думал, что нравлюсь ему.

Я вспомнил, как Лейн на «Каролинском колесе» назвал Майка калеккой.

Энни положила руку на тоненькую шею Майка.

— Некоторые люди прячут свои истинные лица, малыш. Иногда ты понимаешь, что они носят маски, иногда — нет. Обмануть можно даже тех, у кого сильная интуиция.

Я приехал на ленч, чтобы потом отвезти их в аэропорт и попрощаться, но у меня была еще одна причина.

— Я хочу кое о чем спросить, Майк. Насчет призрака, который разбудил тебя и сказал, что я в беде. Не возражаешь? Тебя это не расстроит?

— Нет, но это было совсем не как в кино. Ничего белого и полупрозрачного, висящего в воздухе и издающего жуткие звуки. Я просто проснулся... и увидел призрака. Он сидел на моей кровати, как настоящий человек.

— Лучше бы ты об этом не вспоминал, — вмешалась Энни. — Может, его это и не расстраивает, зато чертовски расстраивает меня.

— Я задам еще один вопрос, и все.

— Ладно. — Она начала убирать со стола.

Во вторник мы отвезли Майка в «Страну радости». Вскоре после полуночи, то есть уже в среду, Энни за-

стрелила Лейна Харди на «Каролинском колесе», оборвала его жизнь и спасла мою. На следующий день мы давали показания в полиции и укрывались от репортеров. Во второй половине четверга ко мне приехал Фред Дин, но его визит не имел никакого отношения к смерти Лейна Харди.

Только теперь я думал, что ошибся.

— Вот что я хочу знать, Майк. Это была девушка из «Дома ужасов»? Она сидела на твоей кровати?

У Майка округлились глаза.

— Господи, нет! Если уж они уходят, то вряд ли могут вернуться. Это был *мужчина*.

В 1991 году, отметив шестьдесят третий день рождения, мой отец перенес достаточно серьезный инфаркт. Он провел неделю в Центральной больнице Портсмута, после чего его отправили домой, строго велев соблюдать диету, похудеть на двадцать фунтов и отказаться от вечерней сигары. В отличие от подавляющего большинства он действительно последовал рекомендациям врачей. Сейчас, когда я пишу эту книгу, ему исполнилось восемьдесят пять, и если не считать болей в бедре и ухудшающегося зрения, он ни на что не жалуется.

В 1973 году все обстояло несколько иначе. По информации моего нового помощника, занимающегося сбором информации (его зовут «Гугл хром»), тогда пациент с инфарктом в среднем проводил в больнице две недели: первую — в палате интенсивной терапии, вторую — на долечивании в кардиологическом отделении. Вероятно, Эдди Паркс уверенно шел на поправку, поскольку во вторник, когда Майк находился в парке, его перевели вниз, в кардиологию. Именно тогда с ним случился второй инфаркт. Он умер в лифте.

— Что он тебе сказал? — спросил я Майка.

— Что я должен разбудить маму и убедить ее немедленно ехать в парк, или плохой человек тебя убьет.

Это произошло, еще когда я говорил с Лейном из гостинной миссис Шоплоу? Вряд ли значительно позже, иначе Энни не сумела бы приехать вовремя. Я спросил, но Майк не знал. Как только призрак ушел — именно так он выразился, не исчез, не вышел за дверь или в окно, просто ушел, — Майк нажал кнопку аппарата внутренней связи, который стоял у его кровати. Когда Энни ответила, он начал кричать.

— Достаточно, — вмешалась Энни, и по ее тону было ясно, что возражений она не потерпит. Она стояла у раковины, уперев руки в бока.

— Да ладно, мама. — *Кхе-кхе.* — Я правда не против. — *Кхе-кхе-кхе.*

— Она права, — согласился я. — Этого достаточно.

Появился ли Эдди в комнате Майка потому, что я спас жизнь этому вспыльчивому старому козлу? Трудно что-либо говорить о мотивах Тех, Кто Ушел (фраза Роззи, которую она всегда сопровождала воздетыми к небу руками), но я в этом сомневаюсь. Прожил-то он всего на неделю больше и провел эти дни не на Карибах, где его обслуживали бы полуголые загорелые официантки. Но...

Я навещал его — возможно, единственный из всех, за исключением Фреда Дина. Даже принес фотографию его бывшей жены. Конечно, он обозвал ее жалкой, брюзжащей, подлой сукой, и, наверное, такой она и была, но я по крайней мере хоть что-то для него сделал. И, уходя, он оплатил мне тем же. Не важно, по какой причине.

Когда мы ехали в аэропорт, Майк наклонился ко мне с заднего сиденья.

— Знаешь, что забавно, Дев? Он ни разу не назвал тебя по имени. Только пацан. Должно быть, решил, что я и так пойму, о ком речь.

Действительно, забавно.

Эдди гребаный Паркс.

Все это было давным-давно, в тот магический год, когда нефть стоила одиннадцать долларов за баррель. В год, когда разбилось мое чертово сердце. Когда я потерял девственность. Когда спас милую маленькую девочку от удушья, а несносного старика — от инфаркта (во всяком случае, первого). Когда безумец едва не убил меня на чертовом колесе. Когда я хотел увидеть призрак и не увидел... хотя, предполагаю, один из них увидел меня. В тот год я научился говорить на тайном языке и танцевать «Хоки-поки» в костюме собаки. И узнал, что разрыв с девушкой — не самое страшное, что может случиться в жизни.

В тот год я, двадцатиоднолетний, еще оставался салагой.

Потом этот мир дал мне хорошую жизнь, не стану этого отрицать, но иногда я все равно его ненавижу. Дик Чейни, этот апологет пытки водой, бессменный проповедник Церкви победы любой ценой, получил новенькое сердце, пока я писал эти строки... как вам это нравится? Он живет — другие умерли. Талантливые, как Кларенс Клеменс. Умные, как Стив Джобс. Достойные, как мой давний друг Том Кеннеди. Вообще к этому привыкаешь. Приходится. Как сказал поэт У.Х. Оден, смерть берет богачей, и веселых людей, и красивцев,

чей член всех длинней. Но список Одена начинается не с них. Первым пунктом идут невинные дети.

Так что возвращаемся к Майку.

Восстановившись в колледже на весенний семестр, я снял убогую квартирку вне кампуса. Как-то холодным вечером в конце марта, когда я готовил стир-фрай для себя и девушки, от которой был почти без ума, зазвонил телефон. Я ответил привычной шуткой:

— Гостиница «Полынь», Девин Джонс, хозяин.

— Девин? Это Энни Росс.

— Энни! Как приятно тебя слышать! Секундочку, я приглушу радио.

Дженнифер — девушка, от которой я был почти без ума, — одарила меня вопросительным взглядом. Я подмигнул ей. Улыбнулся, взял трубку.

— Я приеду на третий день весенних каникул, и ты можешь сказать ему, что это точно. Билет возьму на следующей не...

— Дев. Остановись. Остановись.

Я уловил печаль в ее голосе, и охватившая меня радость сменилась предчувствием беды. Я прислонился лбом к стене и закрыл глаза. Но куда больше мне хотелось заткнуть ухо, к которому я прижимал трубку.

— Майк умер вчера вечером, Дев. Он... — Голос поплыл, потом окреп. — Позавчера у него поднялась температура, и врач сказал, что его лучше отвезти в больницу. Для подстраховки, по его словам. Вчера ему явно стало лучше. Он почти не кашлял. Сидел, смотрел телевизор. Говорил о каком-то баскетбольном турнире. Потом... вечером... — Она замолчала. Я слышал ее прерывистое дыхание: она пыталась взять себя в руки.

Я тоже пытался, но не смог: из глаз потекли слезы. Теплые. Почти горячие.

— Все произошло так внезапно, — продолжила она и добавила совсем тихо, я едва расслышал: — У меня разорвалось сердце.

Рука легла на мое плечо. Дженнифер. Я накрыл ее своей. Задался вопросом, кто в Чикаго сейчас положил руку на плечо Энни.

— Отец с тобой?

— Проповедует. В Мемфисе. Приедет завтра.

— Братья?

— Джордж здесь. Фил прилетит сегодня последним рейсом из Майами. Мы с Джорджем в этом... месте. Где они... Не могу на это смотреть. Пусть даже он этого хотел. — Она плакала навзрыд. Я понятия не имел, о чем она говорила.

— Энни, что я могу сделать? Только скажи. Что угодно.

Она сказала.

Давайте закончим эту историю солнечным апрельским днем 1974 года. Давайте закончим ее на короткой полоске северокаролинского пляжа между городом Хэвенс-Бэй и «Страной радости», парком развлечений, который закроется двумя годами позже: большие парки в конце концов потопят его, несмотря на все усилия Фреда Дина и Бренды Рафферти удержать «Страну радости» на плаву. Давайте закончим ее красивой женщиной в линялых джинсах и молодым человеком в толстовке Университета Нью-Хэмпшира. Молодой человек что-то держит в руке. На дощатой дорожке, у самого края, лежит, устроив морду на лапе, джек-рассел-терьер.

ер, который, похоже, растерял былой задор. На столике для пикника, где женщина когда-то подавала фруктовый смузи, стоит керамическая урна. Она напоминает вазу без букета. Мы заканчиваем не совсем там, где начинали, но достаточно близко.

Достаточно.

— Я снова поругалась с отцом, — сообщила мне Энни, — только теперь нет внука, чтобы связать нас. Вернувшись из Мемфиса и узнав, что я его кремировала, он пришел в ярость. — Слабая улыбка. — Если бы он не остался на последнее чертово оживление, возможно, сумел бы меня отговорить. Скорее всего сумел бы.

— Но Майк этого хотел.

— Странное желание для ребенка, да? Но это правда, он выразился совершенно ясно. И мы оба знаем почему.

Да. Мы знали. Последнее хорошее мгновение всегда приходит, и когда ты видишь, как наползает тьма, хватаешься за то, что было ярким и добрым. Хватаешься изо всех сил, пока живой.

— Ты предлагала отцу?..

— Приехать? Если на то пошло, да. Майк бы одобрил. Папуля отказался участвовать в, как он это назвал, «языческой церемонии». И я рада. — Она взяла меня за руку. — Это наша церемония, Дев. Потому что мы видели, как он радовался.

Я поднес ее руку к губам, поцеловал, пожал, отпустил.

— Он тоже спас мне жизнь, как и ты. Если бы он не разбудил тебя... если бы даже промедлил...

— Я знаю.

— Без Майка Эдди ничего бы не смог для меня сделать. Я не вижу и не слышу призраков. Майк был медиумом.

— Это трудно, — вздохнула она. — Просто... так трудно отпустить его. Даже то малое, что от него осталось.

— Ты действительно хочешь через это пройти?

— Да. Пока еще могу.

Она взяла урну со столика. Майло поднял голову, проводил урну взглядом, вновь положил морду на лапу. Не знаю, понимал ли он, что в урне останки Майка, но он знал, что Майка больше нет, знал это чертовски хорошо.

Я повернул воздушного змея с лицом Иисуса обратной стороной к Энни. Там был приклеен липкой лентой конверт, в который помещалось с полчашки мельчайшего серого пепла. Поднял клапан и держал, пока Энни высыпала пепел. Когда конверт наполнился, она поставила урну на песок и протянула ко мне руки. Я дал ей катушку с леером и повернулся лицом к «Стране радости», где чернело на фоне синего неба «Каролинское колесо».

«Я лечу!» — воскликнул он в тот день, подняв руки над головой. Тогда его не удерживали никакие ортезы. Не могли удержать его они и теперь. Я уверен, Майк был гораздо мудрее своего одержимого Христом дедушки. Возможно, мудрее всех нас. Существовал ли на свете хоть один ребенок-инвалид, который не хотел бы взлететь, пусть лишь однажды?

Я посмотрел на Энни. Она кивнула, показывая, что готова. Я поднял воздушного змея и отпустил его. Он тут же взмыл, поймав свежий, холодный бриз. Мы проводили его взглядами.

— Ты... — Она протянула ко мне руки. — Это твое, Дев. Он так сказал.

Я взял катушку, чувствуя, как змей тянет леер. Словно живой, он парил над нами, покачиваясь в синеве. Энни подняла урну и пошла вниз по склону. Я думаю, что она развеяла прах у кромки воды, но сам этого не видел, потому что не сводил глаз с воздушного змея и в какой-то момент заметил, как тонкое облачко пепла вырвалось на волю и бриз подхватил его, унося в небо. Я не мешал лееру разматываться. Наблюдал, как ничем не сдерживаемый змей поднимается все выше и выше. Майк хотел бы увидеть, как высоко он поднимется, прежде чем исчезнуть, и я тоже.

Я тоже хотел это увидеть.

24 августа 2012 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Карни-пуристы (я уверен, что такие найдутся) уже точат перья, чтобы проинформировать меня — с разной степенью недовольства, — что мой так называемый Язык — сплошная фикция. Лохов, к примеру, никогда не называли кроликами, а симпатичных девушек — кругляшками. Возможно, они и правы, но не стоит тратить время на письма, бумажные или электронные. Друзья, именно поэтому мой роман и относится к беллетристике.

Тем не менее большинство терминов — действительно «птичий» язык парков развлечений, колоритный и забавный жаргон. Чертово колесо называют подъемкой или лохолифтом. Детские аттракционы зовутся маисовыми. Уехать из города в спешке — и правда «спалить поляну». Это только несколько примеров. Я в большом долгу перед «Словарем профессионального жаргона парков развлечений, цирка, интермедий и водевилей» Уэйна Н. Кайзера. Он есть в Интернете. Вы можете заглянуть в него и проверить тысячу других терминов, а также можете приобрести его книгу «На мидвее».

Эту книгу отредактировал Чарлз Ардей. Спасибо, дружище.

Стивен Кинг

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фанам Стивена Кинга (прежде всего Алексею Анисимову из Сестрорецка, Ольге Бугровой из Лыткарино, Александру Викторову из Саратова, Александру Горешневу из Ставрополя, Антону Егорову из Тулы, Алексею Ефимову из Санкт-Петербурга, Татьяне Захаровой из Москвы, Борису Игонину из Минска, Ольге Исаковой из Екатеринбурга, Петру Кадину из Северодвинска, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Андрею Лукичеву из Люберец, Виталию Макарееву из Мурманска, Анне Михайловой из Новосибирска, Андрею Михалицыну из Москвы, Лизе Пинаевой из Бендер, Александру Сергееву из Мичуринска, Надежде Симкиной из Химок, Екатерине Соймановой из Томска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен
Страна радости

Роман

Редактор К.С. Егорова
Ответственный редактор Л.А. Кузнецова
Компьютерная верстка: С.Б. Клещев
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 08.04.14. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 16,8. Доп. тираж 10000 экз. Заказ № 5692 .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Студент Девин Джонс, решивший подработать в парке развлечений «Страна радости», внезапно словно попадает в своеобразный параллельный мир.

Здесь живут по своим правилам, говорят на особом языке и очень не любят, когда кто-то задает «лишние» вопросы. Особенно — если они касаются убийства молодой девушки Линды Грей, тело которой было обнаружено в парке, в павильоне «Дом ужасов».

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Девин понимает: за ярким фасадом парка развлечений скрываются опасные тайны, а если разворошить прошлое обитателей «Страны радости», то его собственная жизнь может непостижимым образом измениться раз и навсегда...

Потрясающая книга — увлекательная, написанная так ярко, как умеет только Кинг.

«Publishers Weekly»

Несмотря на детективный сюжет, «Страна радости» — одна из самых добрых и проникновенных книг Кинга, его своеобразная «хроника утраченного времени». Кинг — всегда Кинг, к какому бы жанру он ни обращался!

«Booklist»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-081235-6

9 785170 812356 >